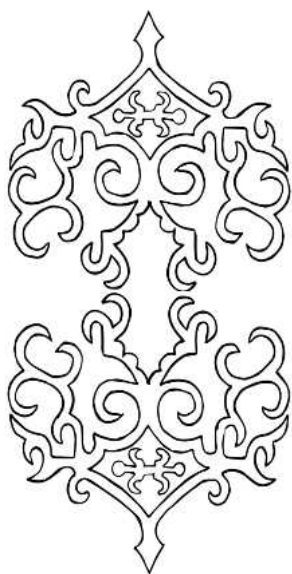

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ДАГЕСТАНСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА им. Г. ЦАДАСЫ

КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССКИЙ ОРДЕНА «ЗНАК ПОЧЕТА»
ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ПРИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССКОЙ РЕСПУБЛИКИ

КЛАССИКИ НОГАЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. XX ВЕК

КАДРИЯ

III

МАХАЧКАЛА – 2021
ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ «ЭПОХА»

УДК 821.533
ББК 84(2=Ног)5/4
К 13

Концепция издания, автор предисловия
доктор филологических наук Н.Х. Суюнова

Составители-редакторы:
доктор филологических наук Н.Х. Суюнова,
кандидат филологических наук Ф.А. Кусеменова

Рецензенты:
доктор филологических наук, профессор А.Ю. Абдуллатипов,
доктор филологических наук А.Т. Акамов,
кандидат филологических наук Ш.А. Курмангулова

Составители-редакторы выражают благодарность:
Софии Уразбаевне Язлыбаевой (Темирбулатовой) за предоставление материалов личного архива Кадрии Темирбулатовой и консультативную помощь при подготовке настоящего издания,
С.А. Кукаевой, кандидату филологических наук, Т.Х. Джеммакулову, магистру филологии – за консультативную помощь в текстологической работе

Кадрия : в 3-х томах, на ног. и рус. яз. / сост. Н.Х. Суюнова, Ф.А. Кусеменова; Ин-т языка, лит. и искусства им. Г. Цадасы ДФИЦ РАН; Карачаево-Черкесский ин-т гум. исследований при Правительстве КЧР. – Махачкала: Издательский дом «Эпоха», 2021.

ISBN 978-5-85183-078-5

ТОМ 3. Очерки творчества. Воспоминания. Документы / на ног. и рус. яз. / сост. Н.Х. Суюнова, Ф.А. Кусеменова. – Махачкала: Издательский дом «Эпоха», 2021. – 272 с. + 32 вкл.

ISBN 978-5-85183-088-4

Том включает в себя: очерки творчества Кадрии (автор – Н.Х. Суюнова), хронику жизни и творчества, библиографию изданий и научных публикаций, воспоминания, посвящения, статьи, рецензии, выступления поэтессы, письма, документы и фотоприложение.

ISBN 978-5-85183-088-4 (Т. 3)
ISBN 978-5-85183-078-5

© Институт языка, литературы
и искусства им. Г. Цадасы, 2021
© Карачаево-Черкесский институт
гуманитарных исследований
при Правительстве КЧР, 2021
© Оформление ИД «Эпоха», 2021

Н.Х. СУЮНОВА

**КАДРИЯ ТЕМИРБУЛАТОВА
В ИСТОРИИ
НОГАЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XX ВЕКА**

Очерки творчества

1. НОГАЙСКАЯ ПОЭЗИЯ 60–70-Х ГОДОВ XX ВЕКА

Время и пространство в творчестве Кадриш

Ногайская литература, эволюция которой насчитывает столетия, является наследницей богатой общетюркской и национальной художественной традиции. В XX веке, в советский период, на этой почве зародилась ногайская профессиональная литература, которая наряду с искусством других народов страны, через русскую культуру осваивала влияние многонациональной советской, а также европейской литературы.

Основные вехи эволюции словесной культуры ногайцев, вопросы качественного влияния традиции на ее содержание на всех этапах длительного развития представляются достаточно изученными. В трудах ученых дан исчерпывающий обзор мифологической, фольклорной традиции, а также средневековой поэзии *йырау*, творчества просветителей, процессов зарождения, становления словесности в советский период, вехи ее эволюции в XX веке¹. Однако по-прежнему остается актуальной проблема определения роли отдельных творческих личностей, конкретного вклада каждого из них в развитие ногайской литературы XX – XXI веков.

Эволюционный процесс в ногайской литературе на его различных этапах отмечен всплесками, вызванными влиянием различных факторов, порождаемых общественно-историческими условиями, которые в свою очередь способствуют появлению ярких творческих индивидуальностей.

Рубеж 60–70-х годов минувшего столетия является одним из таких периодов всплеска в истории ногайской литературы.

¹ *Сикашев А.И.-М.* Ногайский героический эпос. – Черкесск, 1994; *Курмангулова Ш.А.* Ногайская советская литература: динамика формирования и развития: Автореф. дисс. канд. филол. наук. – Махачкала, 1986; *Курмангулова Ш.А.* Ф.А. Абдулжалилов. Жизнь и судьба. – Нальчик, 2014; *Суюнова Н.Х.* Ногайская поэзия XX века в национальном и общетюркском историко-культурном контексте. – М., 2006; *Суюнова Н.Х.* Национальный мир ногайской прозы. Творчество И. Капаева. – Ставрополь, 1999; *Кусегенова Ф.А.* *Ногайские дастаны.* – Махачкала, 2007; *Шутукова (Капланова) А.И.* Жанрово-стилевые особенности прозы С. Капаева в свете новаторских исканий отечественной литературы 60–80-х гг. XX в. – Нальчик, 2001; *Курманакеева М.М.* Эпические традиции и становление повествовательных жанров ногайской литературы 30–40-х гг.: Автореф. дисс. канд. филол. наук. – Махачкала, 1997.

Развиваясь в лоне многонациональной соцреалистической культуры, и будучи ее частью, в этот период ногайская словесность испытывала влияние тех же процессов, которые способствовали впоследствии смене ценностных ориентиров и методов художественного осмысления действительности в советской литературе второй половины XX века.

Это был период зарождения в многонациональной культуре, прежде всего в литературе, в творчестве советских «шестидесятников», интеллектуальной оппозиции идеологической догме, подспудного накопления иного художественного качества. Личность писателя, личность его героя стали выдвигаться в литературе на передний план, поскольку все еще были сильны идеологические установки, догма.

Говоря о сути и значимости этих процессов, К.К. Султанов подчеркивает, что в литературном творчестве того времени «важно видеть не только обслуживание идеологических заповедей или программное открытое несогласие с ними (диссидентская литература – Н. С.), но и оттенки, напряжение смысла там, где за маской социального конформизма могла скрываться драма творческого сознания, которое не только считалось с ограничениями, но и добивалось самореализации вопреки, а не благодаря обстоятельствам»².

Влияние новых факторов на мировоззрение писателя, как следствие – обновление его творческой позиции, пересмотр им способов самовыражения, потребность в обновлении поэтики творчества – это было тем, что определяло эволюцию, являлось движущей силой многонациональной литературы той эпохи.

Сокрушаясь по поводу тотальной компрометации в современном обществе литературы эпохи классовой поляризации, и говоря о «драме талантливых людей», К. Султанов как раз и предостерегает от крайностей. Он имеет в виду не только «шестидесятников» (Е. Евтушенко, А. Вознесенский, Б. Ахмадулина, Р. Казакова, В. Высоцкий, Р. Рождественский), но и их последователей. Новые творческие силы вливались и в другие литературы народов СССР (Зульфийа, Э. Вахидов, Г. Айги, Г. Афзал, И. Юзиев, Ш. Ганиев, в Дагестане – Р. Гамзатов, А. Абу-Бакар, в Карачаево-Черкесии – Х. Байрамукова, Р. Хахандуков, Б. Тхайцухов).

---

² Султанов К.К. Национальное самосознание и ценностные ориентации литературы. – М: Наследие ИМЛИ РАН, 2001. – С. 51.

Ногайская поэзия 60–70-х также выдвинула свою творческую плеяду: Ф. Абдулжалилов, С. Капаев, К. Оразбаев, Г. Аджигельдиев, К. Кумратова, К. Темирбулатова (Кадрия), А. Киреев, М. Аубекижев. Курс на перемены наполнил драматизмом их творческие устремления, что в свою очередь положило начало восстановлению прерванных преемственных связей в культуре на большой временной протяженности. При этом они черпали из единого величайшего источника – ногайского фольклора, многовековой литературной сокровищницы народа, безусловно, обнаруживая разную степень и уровень осмысления этого богатства в своих художественных мирах. Однако, в любом случае, в их творчестве осуществлялся процесс постепенного освобождения искусства слова от догм и возврат литературы к ресурсам традиционных ценностей. Это, конечно, было вызвано ощущением исчерпанности существующих литературных форм и необходимостью выработки иного типа отношения к действительности. То есть, заканчивалась «эпоха полной ясности» (Ю. Лотман), когда искусству отводилась роль транслятора уже найденной и продекларированной конечной истины, когда условные ценности возводились в ранг абсолютных, определяя мажорные интонации в поэзии. Именно тогда в творческой среде стал намечаться раскол: кто-то из писателей уходил служить власти, кто-то – в одиночество, переживая острую душевную драму.

В ногайской поэзии 60-х годов появляется ряд сюжетных поэм молодого поэта Гамзата Аджигельдиева «*Ер*» («Земля»), «*Канатланган*» («Окрыленный») и др. В ногайских газетах в Дагестане и Черкесске публикуются подборки его стихов и баллады, выходит первый сборник стихов «Сокпак» (Тропа) (1962).

В это же десятилетие начинают свой творческий путь сразу две поэтессы – Келдихан Кумратова и Кадрия Темирбулатова. Через мосты, проложенные их ближайшими предшественниками Ф. Абдулжалиловым, С. Капаевым, Г. Аджигельдиевым, они смогут впоследствии установить связь с более отдаленной, глубинной традицией, которая окажется в дальнейшем чрезвычайно плодотворной для ногайской поэзии последующих десятилетий XX века.

Драматизмом, напряжением творческого сознания отмечена (естественно, в разной степени) деятельность каждого поэта. В их творчестве отразилось многое из того, что связано с оттепелью, наступившей после XX съезда КПСС: стремление поднять значимость человека, отдельного индивидуума,

народа, усиление национальной конкретики смысложизненных понятий (человек, народ, родина), а также новое понимание проблем национального и интернационального. Перечтение и переосмысление их произведений с большой временной дистанции позволяет оценить истинный масштаб роли этих мастеров в развитии ногайской духовности, проследить эволюцию их творческого сознания.

Выработка нового художественного зрения, порыв к поиску собственных истин наполняли драматизмом творческие устремления писателей этого поколения. Утрата традиционных духовных ценностей в последующие десятилетия тревожит Суюна Капаева (сборник стихов *«Оьмирдинь давысы»* («Голос века»). «Умерщвление живой личности», замену его в литературе героем-функцией болезненно переживает Гамзат Аджигельдиев (посмертные публикации текстов его архива). Молодая поэтесса Келдихан Кумратова публикует стихотворение *«Кылкобыз»* («Скрипка») в одноименном сборнике³, в основу сюжета положив свои впечатления от встречи во время зарубежной поездки с земляком, которого военное лихолетье разлучило с родиной. На рубеже 60–70-х к читателю выходит Кадрия Темирбулатова с поэтическими сборниками *«Тав даньылдан басланады»* («Горы начинаются с равнин»), *«Сокпак йолга ымтылса»* («Тропа, ведущая к дороге»)⁴, главные мотивы которых – поиск себя, духовных истоков народа.

Такой возврат к утраченным ценностям был необходим, особенно молодым поэтам, для обретения внутреннего равновесия, точки опоры, устоя, оплота. В творчестве этой новой плеяды мастеров, в частности, Гамзата Аджигельдиева, Кадрии, Келдихан Кумратовой, прошедших школу Литинститута, стали осваиваться обойденные, но подспудно накапливавшиеся темы, активизировалась их творческая реакция на происходящее, менялись ценностные ориентиры. Естественно, все эти новации, как было отмечено, не могли осуществиться без опоры на далекую (национальный фольклор, средневековая литература) традицию, на культурный опыт родственных народов и связи с ближайшими предшественниками (поэтическое творчество Ф. Абдулжалилова, С. Капаева, К Оразбаева), а также без восприимчивости к импульсам межлитературного процесса.

³ Капаев С.И. Оьмирдинь давысы. – Черкесск, 1983; Аджигельдиев Г. Урланган суюв. – Махачкала, – 1988; Кумратова К. Кылкобыз. – Черкесск, 1975.

⁴ Хроника жизни и творчества Кадрии. См. наст. изд. Т. 3. – С. 79–90.

Творчество Кадрии Темирбулатовой (литературный псевдоним – Кадрия) (1948–1978), ногайской советской поэтессы, является ярчайшим феноменом в истории словесной культуры народа. Оно пришлось на конец 60-х – 70-е годы XX века, ввиду чего наиболее отчетливо выразило драматизм переходного этапа в отечественной и национальной истории прошедшего столетия.

Если Гамзат Аджигельдиев (1939–1966), после тщетных попыток постичь логику современной ему действительности, выбрал «одинокость свободного человека», уйдя от мира, а затем, по своей воле, и из жизни (в 27 лет), то Кадрия выбирает другой путь – к миру и, несмотря ни на что, остается на нем. Этот путь уготовил ей, как и Аджигельдиеву, душевное смятение, повлекшее за собой обновление мироощущения, переоценку ценностей и – как следствие – драму ее творческого сознания.

«Несвоевременностью» его мыслей объясняла Кадрия драму Гамзата Аджигельдиева:

*Тек замансыз келе эрте шайирлер,
Тек замансыз кете олар дуныядан.
(«Амзатханга»)*

Нет, не вовремя приходят поэты в этот мир,
И также безвременно его покидают.
(«Гамзату»)

Здесь и далее подстрочные переводы. – Н. С.

Созвучность их поэтических миров была рождена общностью времени прихода в литературу, а также взрастившей их почвы, духовного пространства – ногайской степи, культурной традиции, общностью школы Литинститута, пройденной ими примерно в одно время, как следствие – посвященностью обоих поэтов в одни и те же истины, другими пока еще не открытые:

*Эскиден ювыгым, Амзатхан,
Келсенъе, бир лакыр этейик,
Ой этпес оърлерге бу аксам
Оьнерли оьзимиз этейик.
(«Гамзат Аджигельдиевке»)*

Мой старый добрый друг, Гамзат,
Приди же, душу изольем друг другу.

В те выси, что и мысль не покорит,
Искусные, мы сами в этот вечер устремимся.
(«Гамзату Аджигельдиеву»)

Кадрии был близок и понятен Гамзат, потому как она понимала «глубокую печаль гамзатовской домбры», которая пела и о ногайской степи, и в ностальгическом порыве «о снежных московских улицах». Они в числе первых в ногайской поэзии XX века ощутили драматическое вызревание свободной мысли и, скорее всего, именно поэтому в своем посвящении Гамзату Кадрия могла сказать: *«Бизим кимик халкта шайир болганма?»* («А много ль было-то в народе певцов, подобных нам?»).

Формирование мировоззрения и творческого мироощущения Кадрии происходило в Дагестане, в ногайском ауле Терекли-Мектеб. Здесь 14 декабря 1948 года в семье чабана Оразбая Темирбулатова она родилась и выросла. Время простых детских и юношеских переживаний впоследствии навсегда осталось первоосновой в ее сложном поэтическом мире. В родном ауле, под влиянием бабушки Бийке, мудрого и очень близкого ей человека, настоящего знатока ногайского фольклора, формировалась система ценностей, ставшая для Кадрии нравственным кодексом, стержнем ее жизни и творчества.

Дагестанский период, время формирования мировоззрения, поэтического вкуса, был для Кадрии годами школьного и институтского образования: Терекли-Мектебская средняя школа, драматический кружок при Доме пионеров, возглавляемый С. Рахмедовым, филологический факультет Дагестанского госпединститута⁵. Накоплению жизненного и творческого опыта во многом способствовали личные впечатления от знакомства с поэзией классиков – отечественных, зарубежных, и, конечно, национальных. Эти впечатления обретали определенность в общении с коллегами – ногайскими писателями и журналистами: К. Оразбаевым, С. Рахмедовым, Г. Аджигельдиевым, К. Кумратовой, А. Култаевым. Затем последовали встречи в студенческой аудитории с известными поэтами: Расулом Гамзатовым, Фазу Алиевой, Давидом Кугульгиновым, Кайсыном Кулиевым, превращавшиеся для поэтессы, по словам ее однокурсницы и близкой подруги Альмиры Аджигайткановой, в настоящий праздник⁶.

⁵ Хроника жизни и творчества Кадрии. См. наст. изд. Т. 3. – С. 79–90.

⁶ Аджигайтканова А. Воспоминания о подруге. См. наст. изд. Т. 3. – С. 146.

Первые стихи юной Кадрии, стали публиковаться в районной ногайской газете «Шоьллик маягы» («Степной маяк»), в газете «Ленин йолы» («Путь Ленина») в Карачаево-Черкесии, в коллективных сборниках произведений ногайских писателей, на ногайских страницах кумыкского журнала «Дослык» («Дружба»). Ее заметили в Дагестанском Союзе писателей Р. Гамзатов и О. Шахтаманов. Распознав талант молодой поэтессы, они рекомендовали ей поступить в московский Литературный институт им. Горького.

Замкнутый национальный мир (Терекли-Мектеб, Махачкала) давал возможность юной Кадрии рассмотреть предметы с близкого расстояния. В основе ее первого поэтического опыта – ранней лирики – биографический материал («Энеме» – «Бабушке», «Эске алсам» – «Воспоминание», «Авылда» – «В ауле»). Но для расширения тематического диапазона творчества, охвата бытия своего народа в его единстве и многообразии, нужно было преодолеть границу малой родины, родной степи, которую поэтесса называет «кумлы тастар шоьллим» («песчаная степь – разостланный тастар (национальный женский платок)'). Предстояло поместить этот «тастар» в иные масштабы, чтобы осмыслить родину – реальную и поэтическую – в историческом и современном контексте («Не выйдя из дома не увидишь даже ее крыши»). Для этого необходимо было увидеть свой микромир в отстранении, то есть с такой точки, которая позволила бы поэтессе охватить общее, существенное, отрешиться от частного, локального и сиюминутного.

Таким поворотом для Кадрии стало поступление в 1969 году (после трех лет обучения в Дагестанском пединституте) в Литературный институт им. Горького. «В этом единственном в мире институте не учат на поэтов и писателей. Здесь помогают формированию мировоззрения, способствуют углублению литературного вкуса, расширению кругозора, росту интеллекта. Это возможно потому, что здесь существует важнейшее условие для мужания таланта, а именно: высокого уровня литературная среда. Человек, который стремится к совершенствованию, может здесь обрести многое. И Кадрия обрела. Голос ее окреп, стихи стали глубже по мыслям и чувствам. Сфера действия стихов Кадрии значительно расширилась, ибо возрос ее интерес к общечеловеческим проблемам»⁷.

⁷ Гамзатов Р.Г. Утренняя звезда / Кадрия. Дочь степей. – М.: Современник, 1984. – С. 3–4.

Учеба в семинаре С.Смирнова, знакомство с поэтами-переводчиками Р. Казаковой, Т. Кузовлевой, В. Савельевым, Я. Козловским, Н. Гребневым, публикации на страницах еженедельника «Литературная Россия», в журналах «Юность», «Москва», «Аврора», творческое общение со студентами из разных республик Советского Союза, сделали возможным в короткие сроки изменение точки зрения на мир, обнаружение в нем взаимосвязи, о которых ранее не приходилось задумываться. Родная культура теперь предстала как часть большого единства – исторического, культурного, с протяженной историей и богатой традицией. Кадрия стала жадно постигать это все. Обнаруженные ею в Библиотеке им. Ленина латинографические экземпляры книг ногайских просветителей и писателей начала XX века (А.-Х. Джанибекова, М. Курманалиева, З. Кайбалиева, Б. Абдуллина) вызвали ее интерес к ранним этапам развития духовной культуры народа. Она отправляется в подмосковное Архангельское, в музей-усадьбу князей Юсуповых⁸, чей род ведет свое начало от властителей Ногайской Орды. Она ищет встреч с ногайскими учеными А. Сикалиевым, Д. Шихмурзаевым, С. Джанибековой-Калмыковой, знакомится с их трудами по родному фольклору. Эти все занятия, свидетельствующие о ее решении впредь обращать внимание на игнорировавшиеся в официальной эстетике культурные накопления досоветского прошлого народа, положили начало переоценке ценностей. Кадрия намерена отныне искать опору в фактах реальной, а не декларируемой национальной истории, как следствие – расширяется, раскрепощается тематика ее творчества, преодолевается региональность поэтического сознания и духовный герметизм. Эти процессы впоследствии станут присущи и творчеству писателей, пришедших в литературу одновременно с Кадрией.

Сложные впечатления от бытия, раздумья о смысле жизни, о человеческих взаимоотношениях, назначении поэта и поэзии, о любви, увековеченной поэтессой в образе ногайской степи, в образе матери, в образе подарившего счастье единственного человека – все это постепенно сложилось для Кадрии в некую эмоционально-философскую систему. «Гражданские тревоги» и «тревоги сердца» она воплотила в своей многожанровой яркой лирике, позволившей поэтессе не только выразить свои эмоции, но и дать собственную модель мира.

⁸ *Язлыбаева-Темирбулатова С.У.* Воспоминания о сестре. См. наст. изд. Т. 3. – С. 138.

Кадрия, то ли помня о судьбе выбравшего уход в себя и «одиночество свободного человека» Гамзата Аджигельдиева, то ли в силу особенностей своего характера, оказывается на другом пути: она идет к миру. Этот путь уготовил ей не только яркие встречи, открытия, но и душевное смятение, разочарования, переоценку ценностей.

Одной из главных свойств ее поэзии изначально становится гражданственность, но не та, что сводится к воспеванию символов (герба, флага, гимна), а неразрывная в ее понимании с ответственностью человека за все происходящее в его национальном доме, стране и шире – на планете. Такой «размышляющий патриотизм» (В. Соловьев), рожденный любовью к родному дому, в поэзии Кадрии постоянно берedit и тревожит струну ответственности в своих соплеменниках за судьбу родной земли. Впоследствии это дало ей право считаться лирическим голосом своего народа, право говорить от его имени:

*Халкым, сенинъ шыктай таза тавысынъ
Кирген меним тамырыма, каньыма.
(«Меним халкыма»)*

Народ мой, твой голос, чистый, как роса,
В моих жилах, в крови моей.
(«Моему народу»)

И себя, и свою поэтическую судьбу, настоящую и будущую, героиня Кадрии не отделяет от судьбы соплеменников, связывает с землей, где она родилась, выросла и стала тем, кем ее впоследствии признали:

*Сол шоьлликтинъ куьннен болган кызыман...
(«Меним халкыма»)*

Я дочь этой степи и этого солнца...
(«Моему народу»)

*Мен тувылман, халкым оларды язган,
Ковъясларга, суьйинишлер сувына
Малкып, калам сол асарларды сызган.
(«Тереклиде уьш куьн»)*

Не мною созданы мои стихи, моим народом.
Слезы его горя и слезы его счастья
Впитывало мое перо, чтобы начертать эти строки.
(«Три дня в Терекли»)

*Бу яшавда кызынъа багысладынъ
Суюв, намыс, эрклик йырын йырларга
Эш бир инсан танымаган кызынъды
Эбин таптынъ багысларга сырларга.
(«Меним халкыма»)*

Мне, своей дочери, доверил ты
Воспевать любовь, совесть, волю.
Посвятил ты в свои тайны меня,
Меня, о которой никто и не слышал даже.
(«Моему народу»)

*Оъз йолымнан таймас ушин, мен, халкым,
Йолларымды дайым сеннен баслайман.
(«Меним халкыма»)*

Чтобы не сбиться в жизни со своего главного пути,
Народ мой, все свои дороги я начинаю всегда с тебя.
(«Моему народу»)

Познавая свой мир, бытие и сознание своего народа, поэтесса в то же время ощущает потребность в расширении творческого горизонта. Ее художественный поиск, вырываясь из локально-этнического, позже устремится в сферу универсально-значимого: от самопознания до познания национального мира и макромира. «От Дома к Миру» (К. Султанов) пойдет Кадрия, чтобы постичь великую общность ценностной основы мира:

*Бу ердендир заман баслаган санын,
Бу ердендир йолын баслаган соьзим.
(«Тереклиде уш куьн»)*

С этой земли время начинает свой отсчет,
С этой земли начинается свой путь мое слово.
(«Три дня в Терекли»)

Еще в самом начале пути она определит постижение сущностных основ родного домашнего мира как залог верной оценки реалий большого мира.

Поэтесса совершенствует способы творческого осмысления национально-этнического, пытается найти его на духовной глубине, где по ее мнению и формируются истоки гармонии человека и среды его обитания. Заново для себя открывая привычный с детства мир, в стихах, посвященных ему, она отказывается от самоцельной внешней экзотики, избегает реалий-штампов, стереотипных картин национального бытия, выполняющих экзотические, орнаментальные функции. Ведя свою героиню к выходу в большой мир, Кадрия хочет вооружить ее знанием о малой родине, ее традициями, культурными богатствами, насытить любовью к ней, чтобы оказавшись там, за пределами степи, она смогла рассказать о своем Доме, добром, богатом, интересном, миру, пригласить познакомиться с ним поближе.

В поэзии Кадрии максимально конкретизированы понятия Дом, родина. Порой эмоционально, порой рассудочно, но всегда глубоко искренне она обращается к родному Терекли. Национальная символика, использовавшаяся в советской поэзии для придания этнической обозначенности стихотворению, у Кадрии стала выполнять иную функцию. *Ювсан оьскен туьзликлер* (равнины, поросшие полынью), *кум тоьбелер, буйратлар* (песчаные холмы), *туьелердинь коньыравы* (колокольчик на шее верблюда), *тастар* (национальный женский платок), *тоьстуьйме* (женское нагрудное украшение), *домбыра сазлары* (звуки домбры), *ювык койган оьликлер* (могилы близких), *Амзатханнынь йырлары* (стихи Гамзата) – все это не просто конкретные предметы и понятия, в них закодирована история, они «излучают целые системы национального мировидения». (Г. Гачев) Они в прочном единстве создают пространство творчества, неповторимый художественный мир Кадрии.

Однако Дом для Кадрии – это не только просторы, предметы, символы, – это, прежде всего, люди – близкие, родные, соплеменники. Кадрия утверждает подлинные чувства, которые, как ей представляется, могут утратить извечные качества: искренность, открытость и безусловность. В стихотворениях-посланиях к близким людям поэтесса и выражает те самые чувства – сердечность, нежность и безусловную любовь.

Центральное место в поэзии Кадрии занимает образ бабушки Бийке. Той самой бабушки, воля и строгие доводы которой изменили настроение приунывших было мужчин рода, когда вместо

желанного мальчика-наследника, родилась она, девочка Кадрия. «Я – старейшая в роду, – сказала тогда бабушка. – Волосы мои давно поседели от прожитых дней и невзгод. К нам пришел гость, пусть совсем еще крошечный, но гость! С каких это поры вы непочтительны к гостям?..». Бабушка сама нарекла внучку именем Кадрия, что означает «достойная уважения»⁹. «Не помню, когда и кто изначально натолкнул меня на мысль написать стихотворение. Но когда я сейчас перечитываю свои первые поэтические строки, вспоминаю бабушку, ее чудесные песни и сказки...», – вспоминает Кадрия.¹⁰ Раньше всех в первые тайны юности посвящала она бабушку («*нава йойган кыздынъ яслык ойларын бириншилей, сен, аявлым, билгенсинъ*») / потерявшей покой девчонки первые сердечные тайны самой первой узнавала ты, моя родная). Ее мудрые назидания постепенно трансформировались в жизненный и профессиональный опыт поэтессы, став органичной частью ее собственного внутреннего мира. («*Энем, энем, йырларымнынъ сесинде – сен уйреткен соьзлеринънинъ куваты*») / «Моя родная, в каждом звуке моих песен – сила твоих мудрых назиданий»). Каждое расставание с бабушкой – мучительное испытание для лирической героини.

Уходя, она спиной чувствует притяжение, силу безмолвного зова ее «влажных от слез глаз» («*Энем, сенинъ мага толган каравынъ оз аркама бир соравсыз урады*») / «Бабушка, твой взгляд, наполненный мною, без всякого спроса спину мою заковал»). Невозможность выбора между «надо уехать» и «хочу остаться» подсказывает героине трогательный компромисс:

*Эм бурылып, мен энеме шабаман,
Карт тоьсине оз басымды саламан.
Кушагына озым онынъ ютылып,
Мен бир куйнге йолдан кери каламан.
(«Энеме»)*

И повернувшись, я бегу обратно к ней,
Приникнув головой к родной груди, я замираю.
И утонув в ее объятии, теплом и уютном,
Еще на день один я счастье это продлеваю.
(«Бабушке»)

⁹ Кадрия. Монолог. См. наст. изд. Т. 1. – С. 329.

¹⁰ Темирбулатова К. Предисловие к подборке собственных стихов // Песня, Мечта и Любовь (поэтессы Советского Союза). Антология. – М.: Детская литература, 1972. – С. 349–351.

Такая же трогательная искренность ощущается в посвящениях Кадрии матери Насипли. Мама незримо присутствует в лучших ожиданиях, в лучших песнях, в муках творчества и в рано пришедшей к поэтессе славе. («Аьзиз анам» – («Дорогой маме»)). Испокон веков у ногайцев, как и у многих других народов, соблюдался культ предков, далеких и самых близких – матери и отца. Этот культ – в основе благодарной, ничего не требующей взамен, напротив, отдающей всю теплоту сердца любви поэтессы. Она ощущает «врачующие все недуги покой и тепло маминых рук» на своих щеках после долгой разлуки, и это – знак окончания долгого пути («Анама» – «Матери»):

*Тувган ерди кушагыма кушаклап,
Кобйлегинънинъ этегиннен оббермен.*

Вместив в объятия свои мой милый край,
Я край подола, мама, твоего целую.

Естественность проявления нежных чувств к матери соседствует с особенным проявлением нежности к отцу. Отца, как символа, столпа семейной иерархии, гаранта порядка, воспитывающего детей, преимущественно, взглядом, принято почитать, безоговорочно следовать его воле. Эта традиция – в основе того самого «отцовского молчания» во время проводов в дальний путь героини. Ни «слезы мамы», ни «заверения брата в поддержке», ни «предостережения невестки», а «молчание отца» осталось в ее памяти:

И с тех пор, сколько б ни было верст за спиной –
То молчанье отцовское – всюду со мной.

(«Провожали в дорогу меня земляки...»)

Перевод Т. Кузовлевой

Но при этом Кадрия намерена изменить такой стереотипный подход к осмыслению образа отца: у нее он заслуживает не только положенное априори почитание, но и искреннюю, нежную привязанность, любовь, заботу дочери, которые она не хочет прятать за традиционной сдержанностью, а выражать открыто. Помня о разочаровании, которое пережил отец с рождением ее, дочери, когда он ждал сына-наследника, героиня – теперь уже его любимая дочь – дарит ему тепло своего сердца, убеждая, что не все так плохо вышло в итоге:

*Атам, атам, ийним юка болса да,
Кыйын болса, кол созарман, буюгилмен.
Шалай шашлы сенинъ картлык шагынъды,
Кеш куъзинъди мен айдиклеп юрермен.
(«Атама»)*

Пусть даже мои плечи хрупки слишком,
Отец, я не согнусь, и в трудный час подставлю их.
Твою седую старость поддержи,
Согрею осень позднюю твоей я жизни.
(«Отцу»)

Глазами бабушки, матери, отца, близких и просто земляков смотрит Кадрия на свою жизнь вдали от родных мест. Для нее крайне важна их оценка решений, которые она принимает, поступков, которые совершает – одобрение или порицание. Женщине у ногайцев традиционно не позволялось покидать дом по причине иной, чем замужество:

*Ногай хатын тапкан тунгыш – кызалак
Юртын таслап, эрдей, казак шыгарма?
(«Ана»)*

Рожденная ногайской женщиной девочка-первенец
Покинет разве отчий дом,
Как мужчина, подавшийся в казаки?
(«Мать»)

В такой же степени неслыханно то, что женщина занята творческим ремеслом, далеко не женским:

*Хатынларга берилмеген кайгылар
Сол саялы туъсти меним ийниме.
(«Тереклиде уыш куън»)*

На мои плечи легли заботы,
Никогда не предназначавшиеся женщине.
(«Три дня в Терекли»)

Кадрия осознает предначертанность своей судьбы творца и сердцем принимает ее:

*Йок, босына берилмеген мага илхам.
(«Келер, келер заман...»)*

Нет, не зря мне послан этот божий дар.
(«Придет, придет пора...»)

Более того, она намерена совместить в себе предназначение быть поэтом и ответственность дочери своей степи. Это намерение как нельзя лучше иллюстрирует трансформацию национальных устоев, динамику меняющихся (а значит живущих) традиций. Открытость поэтессы переменам ни в коей мере не означает отказа от традиционных устоев. В стихотворениях: «Аталар ман сойлесуьв» («Разговор с прадедами»), «Айтадылар» («Говорят»), «Пашман йыры» («Грустная песня») и других ясно обозначена ее позиция: она стремится к сближению в своем сознании оппозиций: цивилизация – природа, прошлое – будущее, традиция – современность, а также ищет разумный компромисс в проблеме гендерной дискриминации – «нежелательном» (для женщины) выходе в открытый мир и сохранении верности базовым ценностям национального бытия:

*Тувган ягы куска абзиз болса да,
Оьмир бойы сол якта ол турмайды.
Заман етсе, уясына кайтады,
Оьз йолыннан баска якка бурмайды.
(«Айтадылар»)*

Как бы ни была дорога родина для птицы,
Она разлучается с ней.
Но время приходит – возвращается,
Находит гнездо. С пути ничто ее не свернет.
(«Говорят»)

Связь лирической героини поэтессы с родной землей крепка, устойчива. Это та сила, которая не даст сорвать, сбить ее с пути, какие бы ветры ни подули:

*Бьбригоьздинь япыраклады коьзьястай,
Тыгырады бужьыр тоьбе бетиннен.
Бармаклардай, тамырлар увьис ерди
Сыгып ьслап, таймайдылар ериннен.*

*Обз еримде мен де кишкей боьригоьз,
Эссин еллер, тек сувырмас еримнен...
(«Куьшили еллер эседилер шоблимде...»)*

Лепестки тюльпанов, словно слезы,
Катятся по лицу – склону песчаного холма.
Но словно пальцами, корни их вцепились в землю,
Не сорвать их никакому ветру.
Я на родной земле – тоже тюльпан,
Пусть дуют ветры, не оторвать им меня от земли.
(«Сильные ветры дуют в степи»)

Стихотворение «*Эске алсам*» («Воспоминание»), наполнено чувством пронзительной нежности героини к своей земле, к родной степи. В этом чрезвычайно теплом признании предметы и явления национального мира, каждый из которых имеет свое незаемное место в памяти, судьбе героини, иллюстрируют ее отношение к этому миру:

*Шоблим меним, сени эске мен алсам,
Ювсан оьскен туьзликлер мен яйрайсынъ.
Яланъаяк кишкей кыздынъ ызларын
Сен тоьсинъде дайым аяп саклайсынъ.
(«Эске алсам»)*

Степь моя, в моих воспоминаниях ты –
Полыню поросший бескрайний простор.
Ты бережно хранишь на своей груди
Следы еще маленькой босоногой девчушки.
(«Воспоминание»)

Песчаные холмы – это колыбель героини, гуща степных цветов защищала ее от солнца, радужный свет нежно гладил ей лицо, а звонкий колокольчик на шее верблюжонка – звон ее детства. Мир героини – это юноша – чабан, однажды открывший ей сердце. Этот мир олицетворен и в образе матери-степи:

*Буйратлар, тап тыртыкларынъ, манълайды
Йолаклаган, о карт анам, коьремен.
Кушаклайсынъ конъыр кол ман оьзимди,
Аь мен болсам манълайынънан оьбемен.
(«Эске алсам»)*

Сила родной земли притягательна, потому неминуемо возвращение героини из любой дали:

Будет много дорог и они позовут меня в дали,
Но меж мной и тобою останется тропка одна –
Тоньше хрупкого стебля, травинки заметней едва ли, –
Отовсюду к тебе привести меня сможет она.

(«Воспоминание»)

Перевод Т. Кузовлевой

Почти все стихи Кадрии, посвященные родной земле, написаны в разлуке с нею, в таком душевном состоянии, когда дума о ней способна «неба синь окутать облаками грусти», а щемящая тоска «застлать мир пеленой дождей непрестанных» («Ты пишешь мне...»). Такие моменты обостряют чувства, усиливают былые впечатления, ностальгические воспоминания, когда все помыслы человека соединяются в едином порыве – вернуться домой:

*Мине алай асыл юрттынъ авазы!
Аьзиз аьел – меним аьзиз Ватаным.
Бу авазлар кулагыма шалынса,
Яханемнен капы бузып кайтарман.*

(«Асыл юртом»)

Так силен зов моей родной земли,
Моей родной семьи, моего дома!
Если этот зов, эти звуки однажды,
Пусть даже послышатся мне,
Я вернусь и из ада, разнеся в щепки его врата.

(«Отчий дом»)

Ряд стихотворений Кадрия посвятила своей родине, в более широком смысле, чем ногайская степь, – Дагестану. Метафоричное стихотворение «*Дагыстаным*» («Мой Дагестан»), написано в форме диалога со своим родным краем. Величие далеких больших городов, высокие пороги высоких домов, звучная похвала уважаемых людей, – все эти радости большого мира не заслонили воспоминаний лирической героини о маленьком степном крае, его рассветном зареве, не заглушили «шелест, шепот деревьев». Эта метафора – признание успехов лирической

героини в большом мире. Высокие пороги высоких домов и звучная похвала не вытеснит из ее памяти, не заглушит шепот деревьев, доносящийся в минуты душевной тоски с ее «высокой родины». Эпитет «высокий» поэтесса использует в сочетании с образом Дагестана, имея в виду не только и не столько «высокогорность» Дагестана:

*Дагыстаным, яным яккан соьзлерден,
Мутылаган коьп мактавлар арадан
Келе мага бийик меним элимнен
Мени эмлеп, эп табаган сыбырдав.*
(«Дагыстаным»)

Дагестан мой, во многих словах, греющих сердце,
В звучной похвале, быстро забывающейся,
Из далекой, высокой моей родины доносится до меня
Целительный, живительный шепот, шелест моих деревьев.
(«Мой Дагестан»)

Если деревья символизируют в поэзии Кадрии образ соплеменников (по аналогии – родной аул – Терекли), то «шелест, шепот деревьев» – это слова одобрения земляками того поэтического труда, которым занята героиня в большом мире. И этот шепот для героини гораздо значимее, важнее и выше, чем «высокая звучная похвала» с высоких порогов.

Контакт с большим миром существенно раздвинул горизонты поэтического мировидения Кадрии. Отныне она стала представлять свой национальный мир частью мира вселенского, а свою родную историю – частью всемирной истории:

*Сапарларга аньсат кестим дуныяда
Не коьрсетсе – онда сени табаман.*
(«Тереклиде уьш куьн»)

Какими бы открытиями меня ни удивляло
Мое поэтическое ремесло, разомкнувшее меня в мир,
Во всем я нахожу образ, частицу тебя, мой Терекли.
(«Три дня в Терекли»)

Такое видение в своем родном – общего, всемирного, естественно, требует большой ответственности: выдержать

напряжение, чтобы удерживаться на этой грани: не остаться навсегда в своем ограниченном мире и не уйти навсегда – в чужой. И не просто удержаться, а способствовать взаимообогащению этих миров: не утопить свой в потоке огромного мира и достойно представить свое родное, донести свою звездочку, и, может, не одну до гигантского небосвода:

*Кангыраган кыраларым, сизден болган йыравман...
Обрислердинъ омыравын керип аткан гуьлинъмен,
Ат туюгынъ тиймес ерге тилмаши шыккан тилинъмен.
(«Айт десенъиз, айтайым...»)*

Мои высохшие от жажды степные «государства»!
Я – певец, рожденный вами,
Я – цветок, который пробился к свету,
разорвав грудь долины.
Я – ваш гонец, ваш переводчик, ваш язык
В тех землях, где нет следов копыт ваших коней.
(«Если просите, спою...»)

Мотив возвращения на свою родную землю – будь то мысленно, во сне или наяву, на короткий срок или навсегда – весьма актуален для Кадрии. («Келермен» – «Я вернусь», «Келер язым» – «Придет моя весна», «Кайтар мени» – «Верни меня»). И понятно, что речь идет не только о возвращении физическом, но и о возвращении духовном. О родной земле, как почве, мире, взрастившем ее, Кадрия говорит всегда по-разному, в разном стиле, который ей диктуют настроение, повод вспомнить о доме, глубина ее ностальгических чувств в конкретный момент, но всегда – с любовью. В одном из писем коллеге она писала из Москвы: «Как я хочу уехать домой, к вам, ... быть счастливой с вами. Москва, этот большой мир, незаметно убивает самобытное, нежное и искреннее начало в человеке. Правда, во мне что-то убить очень сложно, я от рождения драчунья, но и я чувствую, как давит это на меня...»¹¹.

То есть, меняется стиль стихов – от народного до сложных философических обобщений, меняются всякий раз образы, иной раз – это сакральные символы, только чувства, что в основе, все те же – чрезвычайно глубокие и всегда искренние. Если

¹¹ Из письма Кадрии Ш. Курмангуловой // Архив Ш.Курмангуловой. – См. наст. изд. Т. 3. – С. 251.

стихотворение «*Ногайым*» («Мой Ногай») написано молитвенным слогом, то поэма «*Келермен*» («Я вернусь»), в основе которого те же трепетные чувства к своему миру, имеет совершенно другое настроение – оно создано в жанре аульской беседы лирической героини со своей подругой детства Маулизат:

*Келиш, авзиз кыймасым,
Кайгы ойлар таслайык,
Йыракларда болсак та,
Эски хабар баслайык*
(«*Келермен*»)

Давай, дорогая подруга,
Отбросим тяжелые мысли прочь.
Хоть и вдали мы от дома,
Поведем нашу старую беседу.
(«*Я вернусь*»)

Поэма «*Келермен*» народно по форме и содержанию, отражает национальный уклад жизни, ментальность аульчан. Маулизат приглашена к задушевной беседе, мысленно переносящей героиню в родные места. Звезды над Орта-Тюбе (ногайский аул в Дагестане), бричка старого Юсыра, в которой девочки играли в куклы, а порою прямо в ней и засыпали, сливки Савдат-абай, ногайский чай Шаарзат, звуки домбры Исы, многословность соседки Элбийке – это «материя» мира героини Кадрии. Здесь же и события, горестные и радостные: цветы у изголовья усопших, качающиеся в домах колыбели новорожденных. Все эти живые жизненные подробности родины становятся той притягательной силой, которая не дает героине отдалиться, остыть:

*Олар берген йылувдыр
Саклайган коьп сувыктан.*

Тепло, что подарено ими,
Не раз согревало меня, озябшую, вдали.

Слог, стиль, ритм, размер поэмы (семисложная строка) настолько органичны для воплощения замысла Кадрии, а мысли и чувства настолько всеобщы, что читатель-адресат легко и свободно чувствует себя собеседником подруг и сотворцом произведения. Частный разговор подруг обретает всеобщий

смысл, затрагивает струны души читателя, поскольку он строится с опорой на символы-коды народного бытия. В этой непринужденной беседе присутствует мягкий юмор, специфичные народные шутливые выражения типа «*атанъ оьлмегир*» («да чтоб отец твой не умер»), «*ана боьри ашасын*» («чтоб волчица тебя съела»), «*Тактак беттинъ шыбыны шымып-шымып таласын*» («чтоб его муха Тактака (местный топоним. – Н. С.) покусала»). Проникновение в поэтическую речь таких выражений, содержащих легкое, незлобное порицание некоторых из упоминаемых земляков, а порой и не только их, создает атмосферу аульского общения:

*Ох, боска оьткен куьнлер,
Атанъыз оьлсин сизинъ.*

Ох, впустую потраченные дни,
Пусть отец ваш сгинет.

Однако по сути «*Келермен*» – произведение глубоко философичное. Это ощущается с самого зачина – размышления о смысле земного бытия, о быстротечности времени:

*Ах, аман, куьнлер кете
Келетин бизден бурып.
Заман тура бетке – бет,
Яшавдан сорав курып.*

Ах, дни уходят, отворачивая
Свой взор от нас.
А Время лицом к лицу встает,
Превращая жизнь нашу в один большой вопрос.

На антиномии *холодный – горячий* строится следующая строфа, отражающая влияние многоликого времени на собеседниц:

*Сувыклардан сувыдык,
Иссилерден – исидик
Исси соьйлер нешевдинъ
Буз юрегин де билдик.*

Охладели и мы к тем, кто холоден был,
От горячих – согрелись.

Ледяные сердца многих, горячо (льстиво) говоривших,
Мы тоже распознали.

Далее – совершенно типичный для такого рода беседы переход к ее завершению: *«Келиши, кайгы ойлар таслайык»* («Давай, оставим эти грустные мысли»).

Самозабвенная беседа-воспоминание растревожила, разбередила и распалила душу героини, сделала невыносимой разлуку с домом, когда каждая подробность жизни там обретает значимость и ценность. Поэтесса, дав волю чувствам, в то же время рассудочно, философски относится к жизни, понимает, что идут рядом радость, боль, печаль, *«камыр узак ерде орынласпаган»* (и могила недалеко от человека), поэтому не исключает того, что однажды она может и не вернуться:

*Мен бир кере сага кайтып келмесем,
Йырым келер, халкым меним, оззинье.*
(«Меним халкыма»)

Если я однажды вдруг не вернусь к тебе,
Народ мой, к тебе моя песня придет.
(«Моему народу»)

Песня, которая будет сложена на родном ногайском языке.

Язык, основа национальной идентичности, основа литературного творчества, для Кадрии имел всегда особую значимость и ее всегда очень волновало состояние родного языка, что нашло отражение в ее поэзии. В своей статье *«Тил байлыгы – эл байлыгы»* («Богатство языка – достояние народа») она пишет: «Если бы мастера мировой литературы: Навои, Низами, Насими, Гёте, Байрон, Пушкин, Брюсов... не проявили бы умения в использовании ресурсов своего языка, они не достигли бы высот... И есть ли смысл в великом богатстве языка, если некому оценить его и обратить на пользу его носителей? Ногайский народ имеет великое, наукой еще не изученное, народное словесное творчество... К лицу ли нам, наследникам этого богатства, позволить себе не знать о нем?.. Уходят из жизни мудрые предки, и не мучает нас то, какие изящные по форме, глубокие по смыслу изречения безвозвратно уходят с ними? Многие писатели не используют исконные замечательные слова, думая, что их не поймет читатель. Дорогие писатели, красноречивые поэты! Не стесняйтесь!

Поймет народ – почему не понять! Ведь это у него вы заимствовали их!» (перевод – Н. С.)¹²

Проникновенное стихотворение – посвящение школьной учительнице ногайского языка О.Толубаевой «Тилим меним» («Язык мой»), – это глубокая признательность Кадрии «маьлим хатын, каьмбил хатын» (ученой мудрой женщине) за подаренное ею богатство – знание родного языка. Одновременно это и размышление о преходящем и вечном. Забываются места, где человек был счастлив, забывается возносившая его заслуги похвала, предательство друзей и мгновения собственной слабости. Но есть вещи, забвение которых невозможно:

*Тек мутылмай ювыкларынь койылган
Ахыр мекан, тамыр – тайпа мезарынь.
Ялгыз ногай хатын айткан туьнлерде
Дуныяда болмагандай сазларынь.
Тек мутылмай ана тилде айтылган
Ювыклардан калган ахыр оьсиет
Ана тилде айтылаган суййиниши
Ана тилде айткан кайгы – касуьвет.
(«Тилим меним»)*

Но незабвенны могилы близких,
Родовые кладбища – дом их в праведном мире,
Несравненные звуки колыбельной,
Что пела тебе ночами та единственная женщина – ногайка.
Незабвенно на родном языке оставленное завещание предков,
На родном языке озвученная однажды радостная весть.
(«Язык мой»)

Поэтесса уверена, что на ее родной земле река с берегом делится секретами на ногайском языке, а журавли, улетевшие с ее земли, на этом языке рассказывают югу о далекой степи. На этом языке однажды весной кто-то сказал ее лирической героине те самые главные слова. Именно поэтому:

*Кайсы тилде, кайдай соьзлер айтсам да,
Бил, шоьллигим, ногай тилим эринде.
На каком языке говорить бы не стала однажды,
На губах встрепенется ногайских созвучий поток.
Перевод Т. Кузовлевой*

¹² Кадрия. Тил байлыгы – эл байлык // Тувган ерим. – Махачкала, 1975. – С. 5–6.

В большой мир героиня уходит «налегке» («Кетегенде куржынымда тек илхам» – «Ухожу я, и при мне лишь дар мой божий...»), возвращается также без казны, но ею привезено нечто особенное:

*Мен мундаман, ыхтыяр бер айтпага
Ковргенимди, билгенимди, Ногайым!
(«Тереклиде уыш куьн»)*

Я здесь, дай мне волю поведать
О том, что обрела я, мой Ногай!
(«Три дня в Терекли»)

Образ деревьев – олицетворение образа соплеменников, объект особого творческого внимания Кадрии. В нем зашифрован свой смысл: родной аул поэтессы называется Терекли (букв. «аул среди деревьев»). Потому дума о деревьях ассоциируется с родным и близким, в их образах персонифицированы земляки – аульчане и шире – соплеменники, радостью и болью которых в пору студенчества она живет вдали. В то же время, дерево – это мифологический символ, сакральный центр моделируемой поэтессой художественной реальности: о земляках-соплеменниках и для них пишет Кадрия. Природа не молчит, она умеет говорить, но только с теми, кто понимает ее язык, кто ее чувствует:

О том, что таят глубоко внутри себя,
Молчат в безмолвии выросшие деревья.
(«Умеют говорить деревья»)

Молчанию в безмолвии выросших деревьев есть объяснение:

Улыбаясь весенним цветением, плача падающей
осенней листвой, как слезами,
Молчащие деревья умеют и говорить, как люди,
Но боятся впустую растраченных слов,
И ждут лишь того, кто сможет их понять.
(«Умеют говорить деревья»)

А о том, что пора говорить уже настала – в стихотворениях «Уьндемей калма, ерим!» («Не молчи, земля моя!»), «Когда мне грустно». Время безропотного повиновения обстоятельствам для надломленного тяжестью исторических испытаний племени

должно уже пройти. Метафоричен образ деревьев, испытываемых несправедливостью, подвергающихся грубой агрессии со стороны самонадеянного ветра, безнаказанно расправляющегося с ними («грубо схватит кого-то за ветвь», «ударит хлестким сильным порывом»):

А деревья, нещадно терзаемые, молчат,
Только сердце мое кричит, не вынеся этого.
(«Не молчи, земля моя!»)

Обвить ветвями (ведь они сильные!), остановить самоуверенного обидчика призывает героиня, ответить тем же злему налетчику, расправить сильные ветви, не молчать... Но:

*Уьндемейлер оьктем оьскен тереклер,
Ерге туьскен емислерин коьзястай,
Белин буьгиип, бутаклар ман сыбырдап,
Уялгандай, япыраклар ман ясыра.*

Но молчат гордые деревья,
Роняя, как слезы, свои спелые плоды.
И, будто стесняясь их, прячут под листьями,
Согнувшихся, тихо шепчущихся веток.

«Гордые» деревья «тихо шепчутся», «согнувшись», «стесняясь своих плодов, пряча их». В такой несовместимости емко выражен драматизм судьбы народа, трагедия гордого в былом племени с богатой историей, развезанного по миру, утратившего плоды многовековой культуры. В образе тихо шепчущихся деревьев, прячущих свои плоды, воплощены преобладающие ныне черты национального характера: созерцательность, философичность. Желание Кадрии увидеть свой разделенный народ единым духовным целым – в стихотворении «*Бир туьеде оьркешлердей боьлинген...*» («Разделен, как верблюжьи горбы...»). С горбами верблюда сравнивает поэтесса разделенное судьбой племя. Но горбы соединяет позвоночный столб. Даже если нельзя вернуть землю обетованную, сакральные просторы, столицу Сарайчик, остается возможность духовного единства. Оно и может стать «позвоночником» для народа. На это единство работает поэзия Кадрии:

Арка суьек болсын меним йырларым

Сол йырларга ана тилим егилген.

(«Бир туьеде оьркешлердей боьлинген...»)

Пусть позвоночным столбом мои песни будут,

Песни на родном ногайском языке.

(«Разделен, как верблюда горбы...»)

В пространстве творчества Кадрии значительное место отведено философской и любовной лирике, которые ожидают своего специального исследования. При этом нужно подчеркнуть, что философичность пронизывает все творчество поэтессы, независимо от темы, также в основе всех ее произведений – любовь, как всеобъемлющее чувство.

Выход Кадрии в своем творческом поиске к глубинным, сущностным основам бытия и человеческого сознания активизировал ее философские искания, в которых проявилась внутренняя полемичность творчества поэтессы. О «наполненности дерзкой полемической определенностью» стихов Кадрии и «одновременной пропитанности их душевной незащищенностью, обнаженной тревогой» говорил в свое время К.К. Султанов.¹³ Действительно, еще в начале своего пути поэтесса спрашивала: «Кто сказал, что с вершин начинаются горы?», смело заявляла о неминуемом приходе новой реальности («*Келе заман*» – «Настает время») и о своей верности избранному пути («*Илхам*» – «Мое вдохновение»), «*Келер, келер меним таньым...*» – «Придет, придет мое утро...»). В то же время «обнаженная тревога» определенно заявляет о себе в стихотворениях «*Мен тувганда*» («Когда я родилась»), «*Тереклер соьйлей*» («Умеют говорить деревья»), в элегических монологах («*Етим юрек*» – «Осиротевшее сердце»). Анализируя предпосылки такой полемичности, К.К. Султанов говорил о том, что «питательная почва признаний Кадрии – выстраданное переживание».

В основу мировидческой позиции поэтессы изначально была заложена убежденность в необходимости признания многомерности действительности (в эпоху черно-белой советской одномерности в искусстве). «Жизнь – то радость, то – боль», жизнь – это грань между мудростью человеческой и беспечной растерянностью («*каьмбиллик пен диваналык межеде*»),

¹³ Султанов К.К. Преодоление как путь / Молодые о молодых. – М., 1981. – С. 105–110.

между душераздирающей грустью и безудержной радостью («аньланмаган мунълыкта, суьек ярган шатлыкта»), между слезой и улыбкой («куьлки минен коьзяс кол ысласып яшавда...»), только вечно и невозмутимо солнце, одинаково щедро льющее свет на плачущий и смеющийся мир («Йылмаяган эм йылаган дуныяга, / Бир туьрленмей, тек куьн саввле себеди»).

Стремление к утверждению своей личностной и творческой позиции относительно реалий своего времени было изначально свойственно творчеству Кадрии, в последние годы ее жизни оно значительно активизировалось. «Внутренняя интенсивность душевного отклика на впечатления бытия» (К. Султанов) позволила ей создать убедительную художественно-философскую концепцию совершенствования мира. Здесь было важным обращение к национальной традиции, освященной религиозной (суфийской) философией, народной философией, этикетом (*абдет*), а также принятие импульсов современного межкультурного процесса. Такой спектр понятий, как милосердие («*Рахимликке рахим явап бермеген...*» – «На милосердие тем же не ответивший...»), добро («*Уьмитлердинь сандыгьндай ашып таньды...*» – «Рассвет, как надежды сокровищница...»), справедливость («*Арыманьыз*» – «Не уставайте»), верность себе («*Кайтармени*» – «Верни меня»), дружба («*Дослык*» – «Дружба»), любовь («*Аньла*» – «Пойми»), «*Ямгыр ява эм терезе йылайды*» – «Дождь идет и плачут окна...»), являясь концептуальной опорой национального духовного развития на всем его протяжении, в силу своей универсальности, стал ценностным ядром художественной системы Кадрии. Философичность, как основа художественного мировосприятия поэтессы, позволяет ей «настойчивым ростком», «упрямым стеблем» пробиваться сквозь камни, преодолевать «кинжалами вонзающиеся напасти», не уставать в «извечной смене счастья и беды» творить добро. Лирическая героиня Кадрии без страха размыкается в мир, потому что ей «помогают ошибки», за которыми, как правило, приходит прозрение, не страшится крутых вершин, потому что, поднимаясь к ним, она «помнит про обратный путь», «путь к себе».

В основе художественной состоятельности любовной лирики Кадрии – использование ею традиционных сюжетов, образов и мотивов ногайского лирического эпоса, национального этикета, опыта предшественников – ногайских поэтов-лириков, а также современной многонациональной и мировой литературы. «Мое начало там, в его (народа. – Н. С.) началах», – говорит поэтесса

в экспозиции своей поэмы «Сказание о любви», написанной по мотивам ногойского лирического эпоса о герое по имени Бозйигит («*Бозйигит*»). Образец подлинных чувств – история трагической любви юной Саибджемал и мужественного Кемала, прототипами которых являются герои ногойского эпоса Бозйигит и Сайбямал.

Кемал! Саибджемал! Презрев забвенью,
И состраданье в сердце не тая,
Я вам дарую счастье воскрешенья,
Вас поднимаю из небытия.
Во имя вымысла, во имя правды,
Во имя чувств, живущих и сейчас,
Я дерзко поднимаю вас из праха,
И пыль столетий отряхну с вас.

Перевод В. Савельева

В основе монолога красавицы Кызылгуль («*Кызыл Гуьлдинь йыры*») («Песня Кызыл Гуль»), созданного по мотивам популярной лиро-эпической поэмы ногойских йырау XIX в. Арслана Шабан улы и Фахруддина Абушахман улы «*Карайдар эм Кызыл-Гуль*» (Карайдар и Кызыл-Гуль) – страдания влюбленной красавицы, потерявшей надежду на встречу с любимым Карайдаром. Традиционные мотивы – и в основе стихотворения «*Ак канатлы кусым болсань, аявлым...*» («Если птицей белокрылой станешь ты...») и др.

Национальные эпические и литературные традиции для Кадрии – не только источник идейного, мировоззренческого обновления ее творчества, это и богатейшая жанровая и поэтическая сокровищница. Актуализация ею традиционных стилистических средств: метафоричности, параллелизмов, звукописи (аллитерация, ассонанс) послужила значительному обогащению художественности ногойской поэзии. Ее посвящения («*Анама*» – «Маме», «*Амзатханга*» – «Гамзату», «*Алмирага*» – «Альмире» и др.), элегические монологи «*Пашман йыры*» («Грустная песня»), «*Эске алсам*» («Воспоминание»), «*Ызгы хат*» («Последнее письмо»), «*Етим юрек*» («Осиротевшее сердце»), лирико-философские размышления «*Недир яшав?*» («Что есть жизнь?»), здравицы «*Уьйиньызге яхшылык*» («Мир вашему дому»), «*Бир*

ногай тойда айткан соьзим) («Благопожелание на ногайской свадьбе») и др. обнаруживают устойчивую укорененность в традиционных фольклорно-литературных жанрах соответственно – *орнау, мунълау, толгау, алгыс*, а также вбирают опыт межлитературных влияний. Последнее наиболее отчетливо проявилось в любовной лирике поэтессы. Истоки подлинности, чистоты, искренности чувств – в душевной строгости и целомудренности лирической героини, воспитанной в национальных традициях. Беззастенчивому бахвальству лирического героя стихотворения «*Ковп гувллерди уьзгенмен деп, мактанып...*» («Цветов сорвал я в жизни много...») героиня противопоставляет свои «*увлы шобькир*» (отравленные шипы):

*Тек созбайсынъ энди колынъды мага
Эм тилейсинъ каравымды сен меним.
Сав болынъыз, шобькирлерим сиз меним,
Сакладынъыз эки аяклы камырдан.*

Теперь ты руки держишь при себе,
Моля меня о взгляде хоть едином.
Спасибо вам, шипы мои, что защитили честь мою,
От той могилы, что о двух ногах.

Постижение многоликости мира, жизни помогало преодолению одномерности и в восприятии ею мира чувств. Оказалось, что строгие нормы национального воспитания, предписывающие максимальную сдержанность в проявлении чувств, исключают инициативную роль женщины в решении «сердечных» вопросов, имеют смысл и действуют только в национальной среде, в условиях коллективной ответственности за сохранение коллективных ценностей. В открытом мире, где каждый сам творец своей судьбы, такие мерки лишь увеличивают опасность просто ее упустить:

*Сылтыраган зерли зарбаб яйгандай,
Суювимди яшав мага яйганда,
Зийнадыр бу, куьнадыр бу деп оьзим
Мен оьзимнен кашкан эдим, тек кайда!*

*Эгилип экин кетти меним суьювим
Улы инсан ягын шалган баладай...
(«Тобыгыннан тартып бувып атларды...»)*

Когда судьба послала мне любовь,
Слома я голову бежала от нее,
Сочтя ее за грех, за стыд, позор...
Ушла тогда любовь...
Уходит так дитя, сдавив рыдания,
Пощечину приняв от взрослого за что-то.

Облагораживающая душу любовь – это сила, преобразовывающая мир. Но настоящее чувство – это всегда компромисс, это принесение в жертву интересов, желаний. Маленьким, слабым, нежным росточком («*наъзик гуьл*») расцвела любовь на пограничье двух полюсов: его – спокойной холодности и ее – испепеляющего зноя. («*Кишкей гуьл*» – «Нежный цветочек»):

*Бу куватлы сувыклыкка куьшинъ сенинь етерме?
Бу кайнаскан иссиликке куьшим меним етерме?
Бек куватлы эки инсан,
Бизге аткан ялгыз гуьлди
Сакламага куват бизде етерме?*

Хватит ли сил одолеть тебе холод в себе?
Хватит ли сил мне умерить мой зной?
Хватит ли сил нам, двум сильным таким,
Для нас распустившийся слабый цветочек спасти.

Настоящее чувство испытывается крутыми поворотами судьбы («*Эсте сакла*» («Помни»), потерями, разочарованиями, разлуками («*Не айле мен авликтирдинъ...*») («Чем ты меня приворожил...»). Но даже если «плачут окна» в дождливый день, крупные капли, что за окном, «почему-то текут по щекам моим», и «мысли тяжкие мои протяжно воют» («*Ямгыр ява эм терезе йылайды...*») – «Дождь идет и плачут окна...»), вера живет, наполняя жизнь смыслом. («*Шилле шакта тар сокпакта коьристик...*») – «В летний зной мы с тобой повстречались...»).

Идя к миру, принимая жизнь такой, какая она есть, Кадрия приходит к тому, что за распознаением настоящего чувства должно

следовать принятию его сердцем. Иначе, «как ни примеряя к себе радость жизни, она будет не впору твоему безрадостному существованию» («*Суййиништи аьри-бери бураман, меним пашман бойыма ол келиспей...*»):

*Яшадым мен, яйнадым мен демеге
Бир суййимнен тувган навсип етиспей.*

Сказать я не смогу: «Жила, цвела!»
Без счастья, что любовь рождает.

Переживание драмы, рожденной столкновением устоев привычного воспитания и реальности – в основе элегических раздумий, романтических монологов поэтессы («*Эске туйсти сени суййген шакларым...*») («Я вспоминаю пору ту, когда тебя любила...»). Типичен для этих монологов и традиционный в русской классике элегический мотив – мотив писем, как источника воспоминаний, хранилища прошлого, присутствия разных времен, выстраивающих целую своеобразную биографию чувства («*Ызгы хат*» – «Последнее письмо», «*Тагы яптым сандыгымды...*» – «И вновь закрыла я сундук воспоминаний...», «*Ямгыр ява эм терезе йылайды...*» – «Идут дожди и плачут окна...»).

Таким образом, в поэзии Кадрии Темирбулатовой в 70-е годы XX века получили свое развитие мощная многовековая традиция, творческий опыт ее ближайших предшественников, что в совокупности стало способствовать восстановлению преемственности в эволюции художественного сознания в последние десятилетия XX века.

Время и пространство явились теми категориями, которые в тесном единстве создают основы особенного художественного мира Кадрии. Его «предметное» содержание: ногайская степь, родной очаг, мать и отец, подаривший счастье единственный человек, соплеменники, родной язык, историческая память, – все то, без чего поэтесса не мыслит себя. Этот мир озарен всеобъемлющей любовью, и потому имеет глубокий смысл, яркие краски от света солнца, питательную почву, воздух, поддерживающий дыхание, память и эмоции, дарящие вдохновение.

II. «НЕТ, НЕ ЗРЯ МНЕ ПОСЛАН БОЖИЙ ДАР...»

Поэт и поэзия в творчестве Кадрии Темирбулатовой

Поэзия была призванием Кадрии. В ее ранних дневниковых записях, стихах находим свидетельства тому, как приходило к поэтессе ощущение творческого начала в себе. В стихотворении «*Яшавымнынъ маьнеси*» («Смысл моей жизни») она еще только прислушивается к себе, пытаясь понять свое состояние, объяснить природу смешанных чувств: волнения, восторга, тревоги, сомнений. Со временем «стук сердца», «необъяснимая радость и боль» стали обнаруживать себя в «вырывающихся строках»:

*Бир аьлемет зат ша болды мени мен,
Заман кувьип, ойым оврге ушады.
Яшавымда не болганды, билмеймен,
Юрек тевип, сыдыралар шыгады.
(«Яшавымнынъ маьнеси»)*

Со мною что-то удивительное приключилось,
Время обгоняя, мысли мои рвутся ввысь.
Что в жизни моей такое случилось, не знаю,
Сердце стучит, и стихов строки вырываются.
(«Смысл моей жизни»)

(Здесь и далее подстрочный перевод. – Н. С.)

«Рифмы приходили по ночам, являлись бесшумно, словно тени, и я пряталась с головой под одеяло. Ребята играют во дворе, а меня замучивают рифмы – наверное, такая была болезнь. Только она так и не прошла...»¹⁴, – говорит Кадрия в одном из своих интервью.

«Желанным адом» назовет позже свое творческое ремесло поэтесса, отдавая «себя саму на растерзанье строке и слову». Она не будет мыслить своего творчества без вдохновения, поскольку только оно может быть в основе Слова, заключающего правду, выражающего искренние чувства, способного согреть, спасти или позвать в далекий опасный путь.

¹⁴ Кадрия. Из интервью «Комсомольской правде», № 243 от 16 октября 1975 г.

Придя в мир поэзии, открывая его просторы, вглядываясь в лица его обитателей, постигая его законы, Кадрия начинает поиск самой себя и своего места в этом мире, своей роли, отведенной для нее здесь. Это было началом формирования собственного понимания того, что есть мир поэзии и кто есть поэт, живущий в нем:

*Анъламага суйемен мен пашманлыгын ямгырдынь,
Танытынъыз сиз мага куьйгенлерди кайгыдан.
Анъламага суйемен мен суййгенлердинъ суйювин,
Досын йойып, ялгыз калган ялгызлардынь куьювин.
...Нешик баскады анълайым? Анъламайман озьимди.
(«Рахатлык йок юрегимде»)*

Мне нужно понять, почему так печален дождь,
Постигнуть горечь переживших горе.
В огне любви сгорать с влюбленными,
Чтобы понять любовь, чтобы познать разлуки боль.
...Как мне понять другое и другого, если я себя еще не пойму?
(«Нет в сердце моем покоя...»)

Тема поэта и поэзии в творчестве Кадрии – одна из важных для нее. В основе прозаической сказки-притчи «Сказка, которая мне приснилась», одном из малоизвестных произведений Кадрии, встреча Солнца и Девочки. Солнце дарит свой луч, яркий и горячий, и только Девочке, да так, чтобы она одна могла взять его в руки и не обжечься. А другие обычные люди, что вокруг Девочки, живущие своими повседневными заботами, – прикасаясь к подарку Солнца, обжигались. Девочка, сначала обрадовавшаяся необычному подарку, позже стала даже уставать от него, пыталась освободиться, потому что все вокруг или смеялись над ней, или советовали избавиться от подарка Солнца. Но когда однажды лучик проявил свою чудодейственную силу, Девочка решила оставить его у себя, чтобы помогать людям. Люди же, смеявшиеся над лучом, узнав о его волшебных свойствах, теперь сами всячески пытались завладеть им, преследуя ее обладательницу. Защищаясь от них, Девочка превратилась в далекую, недостижимую звезду. Метафоричность сюжета очевидна: богоизбранность поэта, творчества – дар свыше, а поэту сложно защитить свой внутренний мир от обыденности и обывателей,

от тех, кому нужны от луча свыше какая-то осязаемая выгода – слава, признание, например.

Кадрия не раз оказывалась в ситуации выбора между жизнью в мире своего вдохновения и жизнью в обыденном мире. Но однажды перед таким выбором лирическую героиню поставил ее любимый («Язба дединь» – «Не пиши»). Однако это было так же невозможно, как если бы запретили дышать, жить. Тяготение влюбленных к разным пространствам (лирической героини – в ирреальный мир, а ее возлюбленного – в земной) создало между ними духовно непреодолимое расстояние. Героиня без оглядки, без сомнений, но с болью уходит в свой мир:

*Юрегимнинь гуьллер аткан якларын
Неге, неге, соьзлеринь мен таптадын?
Уьйден шыгып кеткендей, яшавынънан
Шыгып кеттим. Соьз айтпага батпадым.
(«Язба дединь»)*

Мое сердце, цветами пестрящее,
Ты словами зачем растоптал?
Как из дома недоброго, из жизни твоей
Я тихо ушла. Не решившись и слова сказать.
(«Не пиши»)

Дело своей жизни поэтесса отстаивает и в споре с обывателем («Йылай кете яшавынъ...» – «Впустую тратишь свои дни...»). В этом противостоянии ее лирическая героиня окончательно определяет свою позицию: нет, не может быть объявлена пустой жизнь, отданная утверждению добра, милосердия, безусловной любви, даже если все благие порывы пресечет разочарование, а неблагодарность станет платой за милосердие и «над свежим твоим могильным холмом кто-то не станет скрывать своего равнодушия к твоему уходу». Обывателю не понять, что творящий добро, проповедующий истинные ценности человек не ждет взамен ничего, он просто не может поступать иначе:

*Туьшинмеди оьнькилдеген кайгыдан
Улы уьмит нешик тувып болувын.
Языкларга языксынган юреклер
Яхшылыктан нешик яйнап толувын.
(«Йылай кете яшавынъ...»)*

Нет, не понять им, как отчаяние
Может надежду спасительную родить.
Как озаряется счастьем то сердце,
Что может в себя состраданье вместить
(«Впустую тратишь свои дни...»)

«Мукой и счастьем» называет свое вдохновение Кадрия и, воспринимая как дар свыше, обязательно сопрягает его с ответственностью за Слово. Об этом – в целом ряде ее стихотворений о назначении поэта и поэзии: «*Мен тувганда*» («Когда я родилась»), «*Меним соьзим*» («Мое слово»), «*Илхам*» («Вдохновение»), «*Байлыгым*» («Мое богатство»), «*Юрегимнинъ мен шеклерин курайым...*» («Я настрою струны сердца моего...»), «*Шынты шайыр болсанъ...*» («Если ты поэт...») и др.

Слово должно вдохновлять, излечивать, спасать, вести. Такое слово должно быть искренним, а значит – выстраданным, рожденным в свете вдохновения, силой мысли и недюжинной душевной работы. Оно должно быть отточенным, огранным, иначе не обретет воздействующую силу:

*Ойларымнынъ босагасында меним
Каладылар хыйлы соьзлер, телмирип.
Соьзди излеп, ойга толган коьзлерим
Каладылар, етим яндай, суьзилип.
(«Соьзлерим»)*

За порогом мыслей моих
Остается, толпясь и томясь, множество слов.
Ищущие то единственное слово мои глаза
При этом, как сироты, остаются ни с чем.
(«Слово мое»)

Поэтесса пишет мало, и потому по капельке, «словно роса, стекающая с лепестков в бутон цветка, накапливается сила ее Слова»: «*Шешекейге йыйылаган шык кимик, / Юрегиме ойлар меним саркыган. / Аз язаман*» («*Аз язаман*»).

Кадрия, осознанно выбравшая жизнь в мире поэзии и вдохновения, принимает его радости и тяготы: «Я себя украдала из мира людей, я себя отдала на растерзание строке и слову»:

«Мен օвзимди урлаганман / Инсанның дуңысыннан, / Мен օвзимди таслаганман / Сыдыраларга язага».

Такое понимание назначения искусства слова позволяет поэтессе, несмотря ни на что, оставаться верной избранным принципам творчества. Потому-то, «во имя звуков, слов во имя», она бежит от «праздности речей», пытаясь понять, «чье же горе немо пульсирует в груди» ее. Она не спешит к бумаге и перу, «накапливая в себе безмолвный крик», обуздывая «бьющуюся в застенках души музыку», которые вырвутся однажды отточенным Словом о «говорящих камнях и молчащих людях», о «боли и восторге», об «извечной смене счастья и беды».

Жизнь в этом ирреальном мире, в представлении Кадрии, уготована лишь избранным, способным жить, «приемля муки ради Слова», «прорастающего из боли», могущего стать «молитвой и проклятием», «плотком воды в жару и теплом в стужу» («Мое слово»).

Свободу самовыражения Кадрия изначально считала главным условием полноценной реализации своего творческого потенциала. В силу не только личностных черт характера, но и в соответствии с уже определившимися принципами творчества, она не признавала «хоженных дорог», проявляя безудержность и настойчивость в своем стремлении к цели, оставаясь при этом на собственной стезе, сохраняя индивидуальность. Поэтическим олицетворением этой особенности характера Кадрии явилось культовое для ногайцев животное – конь, причем конь необъезженный, в образе которого удачно воплотилась бескомпромиссность позиции поэтессы в вопросе свободы творчества:

*Уйретилмеген аттай меним юрегим,
Тыньламайды ол акыллы ойларга.
Алгасамангыз сиз оны тысавлап,
Йибермеге коьп юрилген йолларга.
(«Юрегим меним»)*

Словно конь необъезженный сердце мое.
Не прислушивается оно к разумным предостережениям.
Не спешите его стреножить, чтобы пустить
Хожеными тропами скакать.
(«Сердце мое»)

По просторам долин пусть скачет этот конь, не зная пут, пусть познает усталость, грусть, кровавые раны: «Хотя бы раз если он смирится с путами, вы сбросьте его со скалы». Пусть это сердце испытает муки любви, только не потеряет при этом способность к большому чувству, к состраданию. Смысл стихотворения сопрягается с той «истовостью, с которой работала Кадрия, будто чувствуя скоротечность своей жизни», – писал В. Дементьев¹⁵.

Многозначная развернутая метафора – в основе композиции другого стихотворения Кадрии – «*Мен тувганда*» («Когда родилась я»). В нем она выразила понимание смысла собственного прихода в мир поэзии, смысла рождения ее звезды на поэтическом небосклоне. Буквально в каждой из двадцати восьми строк, из которых состоит стихотворение, заключен скрытый, иносказательный смысл. На поверхности – биографический слой – рождение лирической героини. Но это и рождение поэта. Смысловая параллель проглядывает сквозь метафору, ассоциации, их сплетение, развитие и в своем художественном завершении выступает в виде многозначного иносказания – рождение человека – рождение поэта:

*Мен тувганда, мени минен тавларда
Атылганлар тав сувлары оърлерде,
Танылмаган куслар тувьып бавларда,
Ымтылганлар, сарнайым деп коьклерге.
Янгы юлдыз тувган коькте мени мен,
Мен кышкырып, дуныя сонда сескенген.
Ер юзине инсан келди, – деп сонда,
Ер коькиреги шангын таслап силкинген.*
(«Мен тувганда»)

Когда родилась я, вместе со мною в горах
Стали бить ключи родниковой воды.
Неведомые птицы появились в садах,
Чтобы петь, чтобы парить в небесах.
Новая звезда зажглась с моим рождением.
От моего первого крика встрепенулась Земля.
– Человек родился! – пронеслось по ней,
И Земля покачнулась, стряхивая пыль с себя.
(«Когда родилась я»)

¹⁵ Дементьев В. «Жизнь – то радость, то боль...» // Пламя поэзии. – М., 1982. – С. 134–152.

Родившийся человек криком сопровождает свой первый вдох. Для него все ново, все он впервые видит и слышит: и горные родники, и птицы. С его рождением, согласно поверью, зажигается в небе новая звезда. Вместе с этим читаем между строк смысловую параллель. Родился поэт. Его крик – это голос его в мире поэзии. Вместе с ним «стали бить ключи родниковой воды» – хлынувшая в литературу новая струя творческой энергии молодых. «Неведомые птицы» – новое поколение поэтов, пришедшее в литературу с намерением освоить новые выси. «Зажженная новая звезда» – творчество самой Кадрии. Ведь про звезды ногайцы думают, что у каждого человека есть своя звезда и, когда человек умирает, звезда его гаснет. Стихи Кадрии заставили творчество застоя «страхнуть с себя пыль» и поверить в рождение новой поэзии, новых творческих смыслов:

*Келгенмен мен айтарга озь соьзимди.
Мен айтпасам, баска оны айтарма?
Оьмир кыска, уьлгирмесем яшав мен,
Тагы яшав, уьлгириши, – деп кайтарма?
(«Мен тувганда»)*

Я пришла в этот мир, чтобы сказать свое слово.
Другой разве сделает это за меня?
Но вдруг короток окажется мой век,
И не успею я осуществить задуманное?
Не повторится ведь жизнь,
Чтобы дать мне возможность успеть.
(«Когда родилась я»)

Решимость выполнить свою миссию во что бы то ни стало, соседствует с опасением не успеть, перерастающим в непреодолимую тревогу, безысходное отчаяние перед лицом неожиданной преграды:

*Кара таслар кайнар сувды бегитер,
Мени минен тувган ялгыз юлдызды
Кансыз туьнлер кагып ыслап эгитер.
– Инсан тувыл ерге келген, янььылдык, –
Деп ер юзи тагы шаньга коьмилер.*

*Мени минен бирге тувган куслардынъ
Кобънъиллери, мен болмасам, туйнъилер.
(«Мен тувганда»)*

Черные камни заткнут собою ключи,
А звезду, рожденную вместе со мной,
Навсегда растворит бескровная мгла.
– Нет, не Человек то был, ошиблась я, –
Вздыхнет Земля и вновь погрузится в пыль.
И птицы, что родились вместе со мною,
Лишатся веры, без меня загрустят.
(«Когда родилась я»)

«Черные камни», «бескровная мгла», «погружение в пыль» – мифологические образы, картины, олицетворяющие хаос, враждебный жизни и предшествовавший житнетворению. Эти силы – угроза свободе творчества. Как следствие, «лишение веры и грусть птиц» – ситуация, совершенно не допустимая для героини, и потому вновь и вновь усиливается свойственная творчеству Кадрии внутренняя полемика: изгоняются опасения, преодолеваются сомнения, и ее героиня утверждает в намерении исполнить свое предназначение, несмотря ни на что.

Полный глубокого смысла лирический текст и богатый подтекст создают концентрированность поэтической мысли и точность ассоциаций. Связь «рождений» – человека и поэта – прочитывается при условии целостного, неразрывного восприятия произведения читателем, способным на сотворчество.

О том, каким должен быть поэт, Кадрия задумывалась еще с самых первых своих творческих опытов. Эта тема разрабатывается ею в целом ряде стихов: «*Келе заман*» – «Близится время», «*Мен тувганда*» – «Когда я родилась», «*Каъмбиллик пен диваналык межеде*» – «Мое слово», «*Илхам*» – «Вдохновение», в «Сказке, которая мне приснилась» и др. В дневниковых записях, стихотворных посланиях редакторам изданий, печатающим ее стихи («*Тахрирлериме*» – «Редакторам»), литературным современникам («Гамзату», «Келдихан»), прозаических лирических миниатюрах, статьях ясно сформулирована зрелая не по годам позиция Кадрии. «Никогда не завидовала поэтам, без устали пишущим и печатающимся. Всегда завидую

поэтам, без устали думающим и честно пишущим только то, что подсказано сердцем и великой правдой жизни»¹⁶, – писала поэтесса в предисловии к подборке своих стихов в московском сборнике. «Шаблоны-то надоели. Хочется уже сказать новое, да не дают. Что-то надо с этим делать, а что – не знаю»¹⁷.

70-е годы XX века были временем, когда с новой силой стало звучать поэтическое Слово, обретшее особую значимость. Оно было подобно некой реальной силе, способной восстановить нарушенные связи, вернуть целостность мира, его красоту и возвышенность. Как к внутреннему резерву, хранителю национального культурного кода обращается Кадрия к Слову. Свою позицию она сверяет в творческом общении со своими литературными современниками: Келдихан Кумратовой, Исой Капаевым, каждый из которых, как и Кадрия, в разное время прошли школу Литинститута.

Кадрии особенно близок и понятен был мир Гамзата Аджигельдиева. Она чувствовала «глубокую печаль гамзатовской домбры», когда та пела о ногайской степи, и в ностальгическом порыве «о снежных московских улицах». Они в числе первых в ногайской поэзии XX века ощутили драматическое вызревание свободной мысли. Именно поэтому в своем посвящении Гамзату Кадрия могла сказать: «*Бизим кимик халкта шайыр болганма?*» – «А много ль было-то в народе певцов подобных нам?».

Такая созвучность их поэтических миров была рождена посвященностью обоих поэтов в одни и те же истины, другими пока еще не открытые:

*Эскиден ювыгым, Амзатхан,
Келсенъе, бир лакыр этейик,
Ой этпес оьрлерге бу аксам
Оьнерли оьзимиз этейик.*
(«Гамзат Аджигельдиевке»)

Мой старый добрый друг Гамзат,
Приди же, душу изольем друг другу.
В те выси, что и мысль не покорит,
Искусные, мы сами в этот вечер устремимся.
(«Гамзату Аджигельдиеву»)

¹⁶ *Темирбулатова К.* Предисловие к подборке собственных стихов // Песня, Мечта и Любовь (поэтессы Советского Союза). Антология. – М.: Детская литература, 1972. – С. 349–351.

¹⁷ Из письма Кадрии Ш. Курмангуловой // Архив Ш. Курмангуловой. См. наст. изд. Т. 3. – С. 251.

В стихотворении-послании своей коллеге Келдихан Кумратовой («Келдиханга») Кадрия рассуждает о разной манере их письма: свои стихи сравнивает со спокойным течением равнинной реки («*обз йырларым туьзлик сувдай агады*»), а стихи Келдихан – с проворными горными реками («*тав булактай, тавдан туьскен сувлардай*»). Однако, такое различие она считает плодотворным и приглашает, соединив горы и равнину в одном поэтическом пространстве, вместе, соловьям подобно, петь для своего народа, жизнь которого «садом пышным цветет».

Общность творческих интересов Кадрии с Гамзатом Аджигельдиевым и Келдихан Кумратовой впоследствии вылилась в близкие эстетические программы. Это стало особенно заметно в 70-е, когда ощущение приближающихся перемен стало более явственным.

Творческая интуиция позволила поэтессе предвидеть многое из того, что еще предстояло испытать ее стране и народу. Противовесом «светлому будущему» явилось ожидание новой реальности в стихотворении «Келе заман...» («Близится время...»). Спокойное начало стихотворения с приметами движущегося времени – ...*куьнлерим кете / дни мои уходят, ...айларым кете / месяцы мои уходят, ...йылларым кете / годы мои уходят* – неожиданно прерывается категорическим несогласием: *кетпей заман / не уходит время, келе заман / оно только близится*. Это значит, что время, о котором хочет думать и писать поэтесса, – впереди, оно еще грядет:

*Берекетли уййиме, меним онъсыз уййиме
Оьзи минен мага авыр борышлар да келтире.
(«Келе заман»)*

К моему изобилующему, но неустроенному дому
И несет с собой тяжелое бремя ответственности для меня.
(«Близится время»)

Кадрия вводит в текст этого монодиалога образ alter ego, чтобы, соглашаясь или полемизируя с ним, четче выразить свое отношение к текущей и грядущей реальности:

Безголовые становятся головами народа,
А сколько достойных людей,

Не вынеся суетного пустословия,
Уходят в мир иной, уходят...
(«Близится время»)

Отражением драматичности бытия являются судьбы поэтов и их творений, отношение общества к культурному наследию, когда «настоящие поэты умирают, а их творения живут, и когда сомнительные творения умирают раньше, чем их создатели успеют поседеть».

О том, что грядет другое время – в метафоричных строфах стихотворения:

*Тахларыннан тахлылар да туьселер...
Келе заман меним асыл уййиме...*

Покинут свой трон те, кто его недостоин...
Новое время близится к моему родному дому...

*Толтырмаган антларым –
Талайсыз уьмит –
Босагамнынъ шетинде
Каладылар телмирип.
(«Келе заман»)*

Неисполненные клятвы мои,
Неоправданные надежды мои
За порогом пока остаются
В ожидании часа своего.
(«Близится время»)

Стихотворение изобилует вопросами-вызовами, риторическими по сути. В них заключен порыв содействовать упорядочению мира, преобразованию хаоса в космос. Констатация того, что «уходит время, поглощая жизнь» переходит в многозначное предположение:

*Яде яшав кетеме бу заманды кемирип?
А может, жизнь моя поглощает это время?*

«Моя жизнь» – жизнь целого поколения, сложенная из множества «я».

Подстрочный перевод стихотворения не может передать ничего из того, что создается посредством интонации, ритма, в котором слышно движение времени, стилистику оригинала дополняет звукопись – аллитерация и ассонанс – традиционная для ногайской поэзии форма организации стиха. В сочетании с конечной рифмой звукопись организует в строфе единство, выполняя не только орнаментальную, но и смыслообразующую функцию – создают ощущение нарастания напряжения в спокойном течении времени, затем так же обозначает его смену.

Столь же важную смысловую нагрузку несут эпитеты, сочетающиеся со словом *уьйим* (мой дом): *келе заман берекетли уьйиме* (близится время к моему изобилующему дому); *меним онъсыз уьйиме* (к моему неустроенному дому); *меним асыл уьйиме* (к моему исконному дому). Дом – это малая родина поэтессы. Эта родина богата и материально и духовно, но не устроена (боль от сознания этого поэтесса давно носит в своем сердце). Наступление ожидаемого времени, когда все изменится, воодушевляет ее героиню. Дважды прозвучавший рефрен о бремени личностной ответственности для поэта – это и есть вклад в скорое наступление новой эпохи.

Кадрия пришла в ногайскую поэзию тогда, когда обнажившее дыхание семидесятых охватило не только литературу, представленную ее талантливыми современниками: Г. Аджигельдиевым, К. Кумратовой И. Капаевым, В. Казаковым, Б. Кулунчаковой, но и искусство в целом. Развивалась и национальная наука. В области истории, фольклористики, литературоведения и языкознания появились труды национальных ученых, широкое распространение получило в народе наследие ногайского средневековья – поэзия Шал-Кийиза (XV в.), Досмамбета Азаулы (XVI в), Казтугана (XVII в.) и др. Эта традиция впоследствии отозвалась как в мировоззренческой, так и в поэтической сфере творчества Кадрии. В эти же годы стал проливаться свет и на перипетии исторической драмы народа в прошлом и современности. Кадрия открывала для себя эти реалии, расширяя мировидение, размыкая горизонты своего творческого пространства, глубже познавая историко-культурной контекст родной литературы:

*Ювык болдым озинъе, аьиз ерим,
Кеткен сайын шакырымлар абытлап.
(«Тереклиде уьш куьн»)*

Я становлюсь все ближе к тебе, моя дорогая земля,
Чем дальше ухожу, километры пройдя.
(«Три дня в Терекли»)

Кадрия была одной из первых ногайских поэтов-семидесятников, кто восстанавливал в литературе влияние традиции, способствовал освобождению художественного творчества от конъюнктуры, идеологических установок, утверждал новые ценностные ориентации. Понимая, что нельзя найти себя в отрыве от традиции, она говорит: «Мое начало там, в его (народа – Н. С.) началах». «Надо идти от родного очага, от земли, где качали твою колыбель... Орел не будет орлом, если у него отнять небо, тур перестанет быть туром, если отнять у него горы...»¹⁸, – читаем в одной из дневниковых записей Кадрии.

Известно, что основу культуры составляет творческая среда. Недопустимо, чтобы она была некачественной или вовсе разрушалась по причине ее обескровливания. Особенно чувствительны были для нее потери. Одна из них – смерть Гамзата Аджигельдиева – глубоко потрясла Кадрию. Он ушел из жизни очень рано, в 27 лет, оставив после себя замечательное поэтическое наследие¹⁹. И оно стало знаковым в истории эволюции ногайской поэзии XX века. Утверждение самоценности личности в творчестве Гамзата выразилось в усилении экзистенциальных начал. В этом же русле обновляющейся духовности формируется и поэтическое видение Кадрии. В стихотворении «*Халкым меним*» («Народ мой») есть такие строки:

*Бирев оьктем уллы халктынъ улы деп,
Оьктем бир халк уллы болган уланга.*

Один человек горд своей принадлежностью великому народу,
И целый народ бывает горд своим великим сыном.

*Уллы халкты кишкой эткен замандыр,
Кишкой халкты уллы эткен инсандыр.
(«Халкым меним»)*

¹⁸ Кадрия. Дневниковые записи // Архив Кадрии. См. наст. изд. Т. 1. – С. 309.

¹⁹ Аджигельдиев Г. Дуняя ман сойлемеге суйемен / Туъзуьвши Т. Акманбетов. – Махачкала, 2019.

Великий народ малым делает время,
Малый народ великим делает личность.
(«Народ мой»)

Кадрия считала неприемлемым факт утраты должного влияния классических традиций на современную литературу. Верность своего движения по избранному пути поэтесса сверяет по предкам, потому как извечная сакральность их восприятия, трансформировавшаяся ныне в обычай почитать старших, для поэтессы имеет более глубинный смысл. В нем сконцентрирован многовековой синтез позитивного опыта поколений, ориентир на который не даст сбиться с пути, поможет устоять в условиях турбулентности современного мира. В среде, которая взрастила поэтессу, традиционно почитались те, у кого много в роду славных предков. Проекция этой традиции на бытие целого народа – это внимание к историческому прошлому, личностям, сохранившим культурное предание для потомков:

*Сутьемен мен сак уйкымда туюсимде
Аталардынъ баьтирлиги энгенин.
Аталардынъ оьз колымнынъ куьшине
Оьктем болып, бир иркилмей, сенгенин.
(«Сутьемен»)*

Мне радостно, когда мне в крепком сне являются
Могущество и мужество моих далеких предков.
Когда они верят в твердость моей руки и силу ума,
Когда гордятся мною.
(«Мне нравится»)

*Аталардан калган аьдет сыйлайган
Ана ердинъ акын билген саялы,
Халкым меним, сен яшайсын дуныяда,
Мени кимик шайырлеринъ сол саялы йойылмай.
(«Меним халкыма»)*

Народ мой, ты чтить традиции своих предков,
Ты знаешь прошлое своей земли.
Потому ты жив еще,
Потому не перевелись еще твои поэты
(«Моему народу»)

Возвышенный мир поэзии – особенно желанное для лирической героини пространство: «Я к высоте стремилась, на простор. Искала совершенства и покоя». Именно там можно услышать голос цветка, шепот листьев, побеседовать с морской волной, постичь смыслы, каких не ведает реальный земной мир. Линия, связывающая землю и небо, прочерчена в поэзии Кадрии лунным светом от неба до письменного стола в бессонную ночь («Бессонница»), ливнем печали («Ливень воспоминаний»), стволами деревьев, рвущихся к небесам. Это может быть также путь Слова, устремляющегося ввысь, отделяясь от своего творца («Мое слово»).

Но Кадрию не порадует Слово, рожденное на такой высоте, если оно не станет «глотком воды для жаждущего», «теплым лучом для замерзшего» на земле. Ее героиня предпочтет тогда отказать от своего предназначения и «вернуться к радостям обывателя в земную жизнь» или, «закрыв глаза, уйти в небытие», оставив завет Слову:

Но в мыслях о смерти тебе завещаю
Моим непарадным надгробием стать²⁰.
Перевод Я. Козловского

Поэтесса идет к своему главному Слову, тому, что скажет о своем создателе больше, чем другие ее стихи, и на этом пути не знает усталости и не страшится разочарований:

*Кобзел таньды, кирпич какпай, карсы алып,
Энь баалы бас соьзимди излеймен.
Ойларымнынъ кайсы соьзде маьнеси?
Кайзаман мен бас йырымды язарман...
(«Терезеде тымды ызгы юлдызлар»)*

Красавицу-зарю, не сомкнув ресниц, встречая,
Я пребываю в поиске своего благословенного слова.
В каком из потоков моих мыслей кроется его суть?
Когда же отыщу я его? Когда же создам свою главную песню...
(«В окне погасли последние звезды...»)

²⁰ Кадрия. Моему слову. Цит. по Т. 2. наст. изд. – С. 138.

В стремлении встать над рациональностью бытия лирическая героиня Кадрии заботится о спасении Слова – олицетворения ее духа, Слова, «огнем обожженного земным», и делает его, напутствуя, посланником своим в открытой ею беспредельности мира. Жизнь переживается поэтессой на пограничье между сознательным, историческим и бессознательным, ирреальным, между должным и сущим:

Когда подо мною земля провалилась,
И небо как будто завесила тьма...
Пути не прервала я, зубы сжимая,
И Слово, огнем обжигая земным, ...
Сумела посланником сделать своим.

Напутствуя Слово, вздыхаю тревожно:
– Лети, оставаясь пред небом в долгу.
И если растоптано будешь безбожно,
Я гибель твою пережить не смогу.

(«Моему слову»)

Перевод Я. Козловского

Тема творческого бессмертия, когда Слово должно остаться «непарадным надгробием» поэта, неестественно часто для возраста поэтессы, волновала ее. «Когда этот бренный мир покидают поэты, песни остаются после них», – пишет поэтесса. Они – «свидетели того, что поэт жил на земле».

Сможет ли ее Слово стать таким памятником, поэтесса размышляет в стихотворениях *«Йылга толса – сув тасыйды, тебинип»* («Волны реки полноводной вздымаются...»), *«Бу йыр»* («Эта песня»), *«Каьмбиллик пен диваналык межеде»* («Меж безумьем и мудростью...»).

В творчестве Кадрии получила внимание тема отношения общества к поэтам, кому свыше отпущена чрезмерная чувствительность к боли и страданию человеческому, способность любить безусловно, нести бремя заботы о гармонии в мире, но самим, таким незащищенным, уязвимым, – чаще всего выпадает страдать всей своей душой, оголенной, открытой, ранимой. В стихотворениях (*«Мен оьзимди урлаганман»* («Я себя украла»), *«Байлыгым»* («Мое богатство»), *«Оьзим ойлап тапкан соьзлерге»*

сыймай) («Когда душа не может в звук вместиться»), «*Илхам*» («Вдохновение»), в других произведениях («Сказка, которая мне приснилась») – образ поэта, несущего свое бремя с достоинством, несмотря ни на что. В одной из своих неопубликованных лирических миниатюр Кадрия по-особенному осмысливает эту всегда ее волновавшую тему: «Поэты! Ваши судьбы, как заплатки на ткани мира. Конечно, миру на виду у всех миров не совсем удобно носить на себе эти нелепые заплатки. В порыве гнева, а, может быть, и от скуки он готов сорвать с себя их, и выбросить, но, поразмыслив, он, все же, оставляет их на себе... Заплатки слишком яркие, слишком привлекательны, даже в своей нелепости, и кажущейся бесполезности... И потом, – как каждый человек, мир тоже страдает боязнью стать безликим»²¹. Конечно, заплатка в этой миниатюре – метафорический образ, несущий в себе множество смыслов. Она, как правило, ассоциируется с понятием несовершенства, причем настолько, что сама заплатка и воспринимается в качестве этого самого несовершенства. Но если помнить о ее функции: закрыть, скрыть, устранить собой несовершенство ткани (мира), то этот яркий или в цвет кусок ткани «врачает» поверхность. Безликость – это тоже несовершенство, поэтому в представлении Кадрии эти яркие «аппликации» – поэты – расцвечивают мир, создают и поддерживают его индивидуальность.

Кадрия прожила недолгую жизнь, однако ее Слово, явившись лирическим дневником времени, в котором ей довелось жить и творить, сохраняет силу своего влияния в поколениях, поддерживает интерес к себе в среде любителей ее поэзии, а также ее последователей – ногайских поэтов нового века.

---

²¹ Кадрия. Миниатюры. – См. наст. изд. Т. 1. – С. 326.

III. «КАК МНОГО НУЖНО РАССКАЗАТЬ О ТЕБЕ ЛЮДЯМ, МОЙ НОГАЙ!»

Неизвестные страницы творчества Кадрии

Кадрия ушла из жизни на творческом подъеме, даже не достигнув его пика, полная ярких нереализованных замыслов. Но в эти десять лет своего творчества она создала значимое наследие. Большая его часть – это шесть прижизненных поэтических сборников на ногайском и русском языках, а также множество солидных поэтических подборок в ногайской и русскоязычной периодике Дагестана и Карачаево-Черкесии, в московских литературных изданиях. Другая часть – посмертные издания – сборники произведений Кадрии, составленные в том числе и с привлечением небольшого объема ее не публиковавшихся ранее произведений²². Следует также иметь в виду множество произведений поэтессы, печатавшиеся в разное время в ногайской и в переводах в русскоязычной периодике, но позже так и не включенные ни в один из сборников Кадрии. В основном – это ее публицистика (статьи, очерки), проза (эссе, новеллы, рассказы), и конечно, стихи.

Но существует целый пласт вовсе не публиковавшихся произведений многожанрового творчества поэтессы, который по сей день остается в ее личном архиве, бережно хранимом семьей. Это множество тетрадей, исписанных аккуратным школьным почерком Кадрии, как чернилами, так и шариковой ручкой, с пометками на полях, сделанными ее рукой. Здесь же – стопки пожелтевших от времени бумаг с машинописными текстами, записные книжки, и – вызывающие запредельно тяжелые эмоции, – страницы, по краям обгоревшие, спасенные от того самого адского пламени, которое вырвало Кадрию из мира ногайской поэзии. Много папок с черновиками уже опубликованных произведений, а также выполненных самой поэтессой рукописных подстрочных переводов стихов на русский язык.

Перебирать их нелегко, поскольку случалось наткнуться и на такое: «И кончится день – будто этого дня не было, кончится жизнь – будто не было дивной жизни. Мне закроют глаза – раз

²² *Кадрия Темирбулатова*. Ыырланмаган йырлар. – Махачкала, 1999; *Кадрия Темирбулатова*. Мое слово. Сб. стихов. – Махачкала, 1999.

кончилась жизнь, будто в них продолжение моих утрат и мук, которые я прожить успела, но они пережили меня... Будут мои близкие и неблизкие ворошить мой стол, надеясь, что в столе больше тайн, чем унесла с собой моя душа»²³.

Введение в широкий культурный и нучный оборот всех этих групп произведений Кадрии, так или иначе оставшихся за пределами внимания ее читателя, будет служить восполнению этого яркого творческого мира, высветит новые грани мирочувствия поэтессы, ее таланта.

Рассматривая малоизвестные произведения Кадрии, к которым следует отнести очерк «Деревья надежды», статью «*Тил байлыгы – эл байлыгы*» («Язык – богатство народа»), «Монолог», новеллу «Одно мгновение любви», «Сказка, которая мне приснилась», рассказы «Прости меня», «Встреча с Шарлем Бодлером», следует исходить из того, что Кадрия при жизни получила признание, прежде всего, как поэт, хотя к неполным тридцати годам успела попробовать себя и в разных других жанрах литературы, проявив себя при этом еще и как писатель-билингв. Указанные произведения Кадрии, написанные на ногайском и русском языках, не получили такую широкую известность, как ее стихи, однако, в разное время они печатались в газетах «Советский Дагестан», ногайских – «*Шоьклик маягы*» («Степной маяк»), «*Ленин йолы*» («Путь Ленина»), в альманахе «*Тувган ерим*» («Родная земля»), а впоследствии – в ее посмертных сборниках, в частности, «*Йырланмаган йырлар*» («Неспетые песни») (1999) и «Мое слово» (1999).

Кадрия сотрудничала с газетами на ногайском языке, работала в журнале «Советский Дагестан», ввиду чего она писала множество статей публицистического характера. Из наиболее значимых следует отметить ее очерк «Деревья надежды»²⁴. Несмотря на жанр (публицистический очерк), он пронизан глубоким лиризмом, трепетным чувством огромного уважения к героям – труженикам степи, к их «молчаливому достоинству» и «некрикливой приветливости». Их традиционное радушие, гостеприимство, заботу довелось испытать Кадрии, приехавшей на эти пастбища, чтобы собрать материал для своего очерка. «Еще и еще раз, тысячу раз благодарю я народ, воспитавший людей в

²³ Кадрия. Дневниковые записи // Архив Кадрии. См. наст. изд. Т. 1. – С. 321.

²⁴ Кадрия Темирбулатова. Деревья надежды // Советский Дагестан. 1974. – (№ 1) январь. – С. 14–16.

добром почитании путников, с миром встречать идущего, протягивать руку ему, не спрашивая, кто он и откуда, как бы благодаря его лишь за то, что он посетил их дом, тихий круг друзей вокруг маленького костра», – таковы были впечатления автора от первой встречи. «В этом кругу, среди этих людей, знающих цену и хлебу, и слову, я отчетливо поняла, какое это достоинство – умение видеть радость и печаль других», – пишет автор. Отношение этих людей к своей работе-долгу, гордость за ее результаты, бережное отношение к природе побуждают каждого, кто соприкасается с ними даже в коротком по времени общении, к тому, чтобы внимательнее присмотреться к их миру, к земле, на которой они трудятся, и попытаться постичь ее великую суть. «Я взяла комочек душистой земли, растерла его в ладони... Земля моя со скошенным хлебом и травой, с медленно движущимися облаками отар вдали, в тишине и покое, словно уставшая женщина, прилегла в тени закатного солнца, прислушиваясь к собственному дыханию», – пишет Кадрия.

Возможно, именно тогда, в ту поездку к труженикам-землякам, при виде сада, посаженного в ауле Кунбатар хрупкой женщиной по имени Келдихан, Кадрия впервые мысленно отождествила своих прекрасных земляков с деревьями из этого сада. Ведь «деревья, как дети, знают, на чью ласку и заботу ответить зеленым шумом листьев и налитыми солнцем и влагой плодами. Растить деревья, кормить детей, поддерживать вечный огонь очага... Благословляю извечную заботу твою, женщина! Припадаю к твоим рукам, ... так по-родному пахнувшим парным молоком, дымом очага и всеми запахами обновленной и цветущей степи...».

В своем очерке «Жизнь – то радость, то – боль», посвященном творчеству Кадрии, русский писатель В. Дементьев писал: «Ее очерк «Деревья надежды», который был напечатан в «Советском Дагестане» (1974 г.), стал начальной песней ее Главной книги о родном ногайском народе»²⁵.

Действительно, есть правда в том, что с той самой первой встречи со своими землякам-тружениками Кадрия пережила переоценку ценностей, и уже до самого конца жизни ее не покидало ощущение того, что она постигла некий великий смысл жизни в простом служении делу, которым издавна занимались деды и прадеды, сохраняя гармонию в душе, не испытывая смущением

²⁵ Дементьев В. «Жизнь – то радость, то боль...» // Пламя поэзии. – М., 1982. – С. 134–152.

свое сознание, черпая энергию в природе родной степи. Провожая в последний путь одного из таких людей, вместе с земляками в скорбном молчании стоит героиня другого произведения, лирической миниатюры Кадрии «Раздумье». Этот старец прожил долгую жизнь на родной земле, «длину всей жизни измеряя трудом и временем, что длилось до заката». «О, постоянство мудрости простой, что я в тебе понимала, бывая у непонятных чувств в плену, влекомая неведомыми странами!» – вопрошает героиня. А старец жил, «ни разу мысль не допустив, что жить иначе можно, что иную жизнь себе придумать можно, но всю жизнь, оглядывая эту степь, он видел дальше и больше, чем я, объездившая далекие земли»²⁶.

Очерк Кадрии «Дерева надежды» имеет важное значение в ее творчестве, поскольку впечатления от той поездки к степнякам-труженикам ногайского аула Кунбатар значительно обогатили ее творческое мировидение и впоследствии легли в основу целого ряда ее произведений разных жанров: множества стихотворений, лирических миниатюр, эссе. Признанием в бесконечной любви звучат заключительные чрезвычайно эмоциональные и поэтичные строки очерка Кадрии: «...Дорогой белого дня иду по родной земле и думаю – как много нужно рассказать о тебе людям, мой Ногай. И сады твои, и каналы, и отары овец, и белогрудые ласточки твои, и орлы, и белые сайгаки, и тихие песни в дремотной, но чуткой тишине твоих ночей, – все это строки в величественной книге твоей жизни. Беру комочек теплой земли, вдыхаю запахи свежескошенных трав, гляжу в бездонную синь твоего неба и, задыхаясь от счастья и нежности, шепчу:

– Я люблю тебя, я бесконечно люблю тебя, земля моя!».

Столь же заметной в публицистическом наследии Кадрии представляется ее статья «*Тил байлыгы – эл байлыгы*» («Язык – богатство народа»), безусловно, имевшая в то время программное значение. Поскольку язык – это основа литературного творчества, то проблемы его витальности не могут не беспокоить писателей. Ряд стихотворений Кадрии посвящен этой теме («*Тилим меним*» – «Язык мой»). В отмеченной статье, посвященной проблемам литературного языка она пишет: «Если бы мастера мировой литературы: Навои, Низами, Насими, Гёте, Байрон, Пушкин, Брюсов... не проявили бы умения в использовании ресурсов своего языка, они не достигли бы высот... И есть ли смысл в великом

²⁶ Кадрия. Миниатюры // Архив Кадрии. См. наст. изд. Т. 1. – С. 326.

богатстве языка, если некому оценить его и обратить на пользу его носителей? Ногайский народ имеет великое, наукой еще не изученное, народное словесное творчество... К лицу ли нам, наследникам этого богатства, позволить себе не знать о нем?.. Уходят из жизни мудрые предки, и не мучает нас то, какие изящные по форме, глубокие по смыслу изречения безвозвратно уходят с ними? Многие писатели не используют исконные замечательные слова, думая, что их не поймет читатель. Дорогие писатели, красноречивые поэты! Не стесняйтесь! Поймет народ – почему не понять! Ведь это у него вы заимствовали их!» (перевод – Н. С.)²⁷. В собственном творчестве Кадрия очень ответственно подходила к поэтическому языку. Свободное владение и умелое использование исконной, подлинно народной лексики, понятий-символов, излучающих целую систему национального мировидения, были сильной стороной ее творческой индивидуальности. Конечно, многое она «знала отродясь», впитывая влияние бабушки Бийке, мира ее сказок и легенд, но и усилий было приложено немало. Так, в архиве Кадрии сохранилось большое количество записанных ею и систематизированных в алфавитном порядке ногайских пословиц и поговорок, произведений других фольклорных жанров. Поэтесса сознательно обогащала и укрепляла основы своего творчества, была внимательна к источнику, из которого она будет черпать.

Среди малоизвестной части наследия Кадрии есть образцы ее разножанровой художественной прозы. Ряд из них, написанных в форме миниатюр, эссе, новелл и рассказов, заслуживает специального внимания.

В жанре лирической автобиографии написан монолог Кадрии «О себе», предпосланный ею к подборке своих стихов в антологии «Песня, мечта и любовь» (поэтессы Советского Союза)²⁸. В этом коротком эссе автор излагает яркие моменты истории своего рождения, раннего детства, юности и начала творческого пути. «Я должна была появиться на свет первым ребенком в семье и многие «предсказывали», что непременно будет сын..., родственникам нашим особенно хотелось, чтобы родился мальчик... Но... женщина, сообщившая о новорожденном, сказала,

²⁷ Кадрия. Тил байлыгы – эл байлык // Тувган ерим. – Махачкала, 1975. – С. 5–6.

²⁸ Темірбулатова К. Предисловие к подборке собственных стихов // Песня, Мечта и Любовь (поэтессы Советского Союза). Антология. – М.: Детская литература, 1972. – С. 349–351.

«Да будет богат калым, что принесет за себя родившаяся». Мужчины, говорят, при этом известии надвинули папахи на самые брови. Тогда встала моя бабушка и сказала: «Я – старейшая в роду. Волосы мои давно поседелли от прожитых дней и невзгод. К нам пришел гость, пусть совсем еще крошечный, но гость! С каких это пор вы непочтительны к гостям?.. Бабушка сама дала мне имя Кадрия, что в переводе означает «достойная уважения»²⁹. Важная в содержании монолога часть – это отношение автора к собственному творчеству, ее ожидания от встреч со своим читателем. «Я принесла в этот сборник горсточку стихов – несмелых цветов моих мечтаний и дум. И, если в стихотворениях этих есть хоть одна хорошая строчка, то это заслуга моих настойчивых учителей, моих мудрых земляков, моих преданных друзей... Я стою на пороге удивительной страны – Поэзии...»³⁰.

Еще до того, как стала студенткой Литинститута им. Горького, Кадрия уже жила в своем творческом мире, испытывая потребность в расширении горизонта своего мировидения, не в силах сдержатъ своей увлеченности классикой мировой литературы, находя в ее образцах близкое ей мироощущение. «Джордж Байрон, Эдгар По, Поль Верлен, Райнер Рильке – буквально «глотала» книги, читала очень быстро и очень много, и в ней всё оставалось»³¹, – вспоминает близко знавшая поэтессу, ныне заслуженная артистка России Фаина Графченко.

Позже, обучаясь в семинаре С. Смирнова, в талантливой среде Кадрия оттачивала свое мастерство, обретала опыт творческого общения, тем самым ограняя дар, которым она была наделена свыше.

В одном из писем, адресованных в 1972 году своей коллеге, литературоведу Ш. Курмангуловой, Кадрия пишет: «Читаю Шарля Бодлера...»³². Надо полагать, что ее обращение к творчеству классика французской литературы XIX века, создателю, в том числе и афористичного в своей сути поэтического творчества было вполне осознанным. Именно после знакомства с его наследием появился рассказ Кадрии с

²⁹ *Темирбулатова К.* Предисловие к подборке собственных стихов // Песня, Мечта и Любовь (поэтессы Советского Союза). Антология. – М.: Детская литература, 1972. – С. 349–351.

³⁰ Там же.

³¹ *Графченко Ф.* О Кадрии. – См. наст. изд. Т. 3. – С. 129.

³² Из письма Кадрии Ш. Курмангуловой // Архив Ш. Курмангуловой. См. наст. изд. Т. 3. – С. 252.

сюрреалистичным сюжетом «Встреча с Шарлем Бодлером». «Я шла по берегу моря... сумерки ... сопровождали меня, ... мои размышления. Мне было хорошо, и древнее бормотание моря не отвлекало меня. Неожиданно вдали показалась одинокая фигура... мужчина в длинном плаще...»³³. Это был Бодлер, или ... видение в его облике. Однако, насколько случайна была эта встреча? «Наша встреча с ним была неизбежна, потому что направо от самого моря высилась громадная стена, оттуда некуда было отступать. Этот взгляд будто пронзил меня насквозь и пробудил во мне непонятный интерес к самой себе. Мне показалось (от этого ощущения я не могу избавиться и до сего дня), что этот господин Бодлер знает обо мне все, даже больше, чем я сама. Какое-то внутреннее обаяние излучал этот человек, и я уже не могла противиться желанию идти рядом с ним», – признается героиня Кадрии. То есть, «встреча была неизбежна», и «взгляд пробудил непонятный интерес к самой себе».

И Бодлер увлек героиню рассказа за собой. Примечательно, что они карабкались вверх на пригорок, к дому со светящимися окнами – кабачку под названием «Цветы зла». Поэтический сборник Шарля Бодлера под таким названием, как известно, является вершиной его творчества, проникновенной исповедью странствующей души, ее болью и страданиями в жизненных исканиях. К этой символической вершине – пригорку – вел героиню Кадрию Бодлер, чтобы познакомиться с людьми, населяющими кабачок «Цветы зла» (читаем – его собственный художественный мир). А героиню вело туда еще желание, потребность познать реалии другой жизни, kloкочущей за пределами знакомого и в деталях понятного ей мира. Такое стремление сделало для нее интересным образ мысли, как теперь уже видно, неслучайно открытого ею французского классика. Уже после «Цветов зла» на берегу спокойного тогда моря продолжилось виртуальное общение героини с мастером в образе видения. Имея в виду созданных им героев, Он говорил о том, что «любит всех этих людей, потому что выдумал их... И теперь, когда они живые, с ними уже нельзя ничего сделать... И страшно оттого, что я умру, а они будут жить, у них нет возраста, они – вне времени. Они – не боятся смерти». Когда лирическая героиня ему тихо сказала: «А я боюсь смерти...», Он ответил, что «человеку, прошедшему жизнь, смерть не так страшна, потому что в жизни бывают вещи страшнее смерти...». Но напоследок, как бы напутствуя,

³³ Кадрия. Мое слово. Сб. стихов. – Махачкала, 1999. – С. 299–304.

добавил: «Живите, любите мир. Я тоже очень люблю жизнь... И я прошу Вас, не ходите в те сумерки, откуда шел я. Не ходите...». Но лирическая героиня пошла, потому что ей «очень хотелось в те сумерки, откуда вышел он...», «узнать, откуда же все-таки шел господин Шарль Бодлер», «так хотелось понять его, войти в его мир, узнать, что же хочет этот человек от жизни... Он был страшен в своей независимости. Он был прекрасен». Это произведение Кадрии, несомненно, одно из самых символических и проникновенных, максимально отразивших творческие искания поэтессы последних лет ее жизни.

Шарль Бодлер, Поль Валери присутствуют и в лирических миниатюрах поэтессы. Героиня одной из них, отчаявшись быть понятой, как ей казалось, близким человеком, утратив всякую надежду совместить абсолютно разные плоскости их жизненных пространств, говорит: «И что тебе Бодлер и Валери! – буквы, сложенные в слова... И не почувствовать тебе боль загнанной лошади, усталость морского альбатроса... »³⁴.

Такого рода «встречи», как с Шарлем Бодлером, размыкали мировидение Кадрии в иное измерение, способствовали обогащению творческого опыта, помогали идти к новому уровню осознания меры ответственности за плоды своего творчества, за то, о чем она скажет миру, что предложит ему.

В такой же степени чудесная, сюрреалистичная «встреча» в основе другого малоизвестного произведения Кадрии – прозаической сказки-притчи «Сказка, которая мне приснилась»³⁵. В этом ярком метафоричном повествовании также прочитывается лирическая автобиография самой поэтессы. На этот раз встречаются Солнце и Девочка. Солнце дарит свой луч, и только ей одной, да так, чтобы она одна могла держать его в руках и не обжигаться. А все обычные люди, что вокруг девочки, живущие своими повседневными заботами, – прикасаясь к подарку Солнца, обжигались. «...Девочка побежала в селение, ей хотелось, чтобы мальчик поверил ей. Но мальчик (уже обжегшийся. – Н. С.) стоял возле своего дома с перевязанной рукой и зло кричал ей:

– Обманщица, лгунья! Не подходи сюда со своим противным лучиком!»

Однажды лучик проявил свою чудодейственную силу, девочка решила оставить его у себя, чтобы помогать людям.

³⁴ *Кадрия*. Миниатюры // Архив Кадрии. См. наст. изд. Т. 1. – С. 322.

³⁵ *Кадрия*. Сказка, которая мне приснилась. См. наст. изд. Т. 1. – С. 259.

Люди же, смеявшиеся над ее лучом, узнав о его волшебных свойствах, теперь сами всячески пытались завладеть им. Защищая себя и лучик, Девочка ушла от них. «Люди говорят, что девочку забрало к себе Солнце. Оно превратило ее в самую красивую и самую любимую звезду. Говорят, что издали оно всегда любит ее. В селении еще заметили, что на небе появилась звезда, которая дольше обычных задерживается над их домами и долго и печально смотрит на них. Может эта звезда и есть их маленькая добрая девочка? Никто не знает этого. И никто никогда не узнает».

Метафоричность сюжета очевидна: богоизбранность поэта, творчества – как дара свыше – вне сомнений, и нелегко поэту защитить свой возвышенный внутренний мир от обыденности и обывателей.

Бесценными по значимости представляются, безусловно, не публиковавшиеся произведения Кадрии. Они значительны по объему, если помнить о том, что весь творческий путь Кадрии не столь длителен – чуть более десяти лет она создавала свое наследие.

Привлекают внимание в первую очередь, конечно, неопубликованные рукописные стихи. Их насчитывается более пятидесяти. Ни одно из них не имеет даты. Но, судя по тому, что значительная их часть написана аккуратным школьным почерком в школьных тетрадях в клеточку и линеечку, есть косвенные основания предполагать, что это ранние стихи поэтессы – самые первые ее опыты. Чего не сказать, имея в виду поэтическую мысль, заключенную в них, складную форму и главное – искренность чувств, воплощенных в этих произведениях, слишком уж они совершенны для первого творческого опыта.

Тематика их традиционна: малая родина – родные степные просторы, близкие, воспитание чувств, характера, постижение философии жизни. Степь – родина предков, исток духовных поисков лирической героини, воссозданная в ярких красках, искренних, душевных тонах, в последующем творчестве пройдет лейтмотивом. Переживание, ощущение дома, как сокровенного пространства, полного внутренней духовной жизни, радостных событий и неповторимых по своей значимости моментов – излюбленное эмоциональное состояние Кадрии, и потому оно столь продуктивно.

Вернувшуюся в родной аул и идущую по знакомой улице героиню переполняет «захватывающая дух радость» («*Субийиништен*

тынысымды бувдырды»). Это ее мир, в котором звучали милые сердцу песни бабушки об эпическом Шора-батыре, о царственной Суюмбийке: *Шора батыр, Суюмбийке акында / Аьем мага кыска туьнде толгады* («Дагыстаным»)³⁶.

Поэт постигает мир, пропуская его через свои ощущения, не только слух, но и зрение, а чувственность восприятия родины связана со знакомыми до боли картинами народной жизни:

*Мен коьремен, шалгы алып, пишенге
Бараяткан ак явлыклы хатынлар.
Яс айгырлар кенъ шоьликте уьйреткен
Ялавлары сызгыраган атлылар.
(«Авыл яшай оьз яшавын яйнатып...»)*

Вижу я белые платки женщин,
Идущих на сенокос с косою в руках.
И всадников, со свистящими плетками,
Объезживающих коней в широкой степи
(«Аул живет прекрасной жизнью...»)

Цветовая символика в соединении со звуковой также усиливают чувственное восприятие героиней родины. Это и «яркие красные лепестки тюльпанов», «синие ветра», доносящие «до небесных высей песни ногайских девушек, что слышны в степи»:

*Эм коьк еллер элтейдилер авага
Ногай кызлар шоьлде тоьккен йырларды.
(«Кумлы авыл»)*

Здесь работает и вкус, обоняние:

*Куьзде келсем, аяларга кавынды
Шоьлим, яздынъ йылувындай, салсынышы.*

Когда осенью приеду, дыню сладкую,
Как тепло летнее, степь моя на ладони мои положит.

И хотя речь идет о конкретном ауле Кумлы, который, словно «бриллиант на золотом кольце степи» («Алмас тастай, алтын юзик уьстинде, сен конгансынъ сары кумнынъ тоьсинде»),

³⁶ Здесь и далее цит. по тексту наст. изд. Т. 1. – С. 33.

понятно, что это обобщенный образ-символ малой родины. В аккумуляции образов степной жизни, хранящихся в этноментальной памяти, реализуется связь прошлого с настоящим. Словесные образы душистых степных трав, дыма родного очага, яркой звезды на небе, рисуют пейзажную миниатюру, насыщенную национально-культурными символами.

В этом мире Кадрия не только росла, но и выросла как личность, формировалась как поэт, ввиду чего в ее ранней лирике не могли не отразиться условия и процесс становления характера, формирования мирочувствия. В стихотворении «Керек мага» (Необходимо мне), лирическая героиня счастлива в умиротворяющей атмосфере родной степи, но ее сердце «рвется к неизведанному». Поэтесса, рано ощутившая свое предназначение, пытается понять, чего просит ее душа, к чему стремится ее сердце. Поскольку ее героиня – личность, открытая новому, неизведанному, ей не привыкать «настойчивым ростком», «упрямым стеблем, распрямившимся до срока» пробиваться сквозь камни, и то, что «необходимо ей»: чистая совесть («таза намыс»), доброе имя («ат эм дан»), песни такие создать, что проживут века. А еще:

*Мага керек аьзиз коллар колларды
Кенъ яйганда, бос калмасын кушагым.
Мага керек кызыл танълар, коьк асман,
Ялгызлыктан тартып алган ашыгым.
(«Керек мага»)*

Мне нужно добрые руки распростертые увидеть,
Когда я свои раскину объятия.
Мне нужны алые рассветы, синее небо,
Любимый, что вырвет из плена одиночества.
(«Необходимо мне»)

Героиня при этом готова к тому, что жизненный и творческий путь будет полон вызовов, но они ее не страшат.

*Наьсинти мен тувдырайым кайгымнан,
Мунълыгымнан куванышты кешеде.
Калсын ызлар, канлы ызлар йолымда,
Кыйын наьсин! Баа болар ол эш те...
(«Яшав мага коьп суййиниши бермеген...»)*

Из горя моего пусть счастье прорастет,
Из грусти – радость в тихий вечер.
И след кровавый на дороге от ступней моих
Пусть будет. Счастье трудное – оно ценнее.
(«Жизнь меня не баловала...»)

В своем обстоятельном обзоре творчества молодых поэтов Дагестана, К. Султанов, говоря о талантливой ранней лирике Кадрии, заметил: «Питательная почва ее признаний – выстраданное переживание. Откуда это, спросите вы, в молодой девушке при отсутствии протяженного биографического опыта? Не принесено ли со стороны? Не знаю, откуда, но стихи, «свидетели живые», говорят: «Это свое, незаемное, непривнесенное». Дело, очевидно, во внутренней интенсивности душевного отклика на «все впечатления бытия»³⁷.

Еще одна жанровая группа среди неопубликованных произведений Кадрии привлекает к себе внимание. Это небольшие по объему произведения лирической прозы – миниатюры, стихотворения в прозе, эссе. Их в архиве Кадрии также достаточно. Надо сказать, что требуется специальная работа над жанровым определением произведений этой группы. Однако и поверхностный взгляд позволяет видеть, что они представляют собой различные формы: фабульные и бесфабульные, с большей или меньшей степенью фрагментарности, лирической окрашенности, философичности, обращенности к психологическому состоянию лирического героя. Как бы то ни было, все эти формы, во всяком случае у Кадрии, обладая всеми признаками прозаического жанра, по интонации, мелодике, степени эмоциональной окрашенности ближе к поэзии. Обращение Кадрии к этой форме самовыражения имеет основания. Прежде всего – это наличие соответствующей традиции в ногайской словесности, традиции *толгау* – философический монолог, широко использовавшийся в героическом эпосе и поэзии средневековых *йырау* – поэтов-импровизаторов. Во-вторых, это опыт русской (И. Тургенев) и европейской (П. Верлен, Ш. Бодлер, П. Валери) литературы, в которой Кадрия была начитана. Основанием для обращения к этим формам следует считать и значимость их содержательного ресурса. Они предоставляют на редкость большие возможности

³⁷ Султанов К.К. Преодоление как путь // Молодые о молодых. – М., 1981. – С. 105–110.

для экспериментов в самовыражении, для проявления, оттачивания авторской индивидуальности. И Кадрия активно, успешно использовала эти формы, не укладывающиеся в рамки канонических жанров, открытые для проявления индивидуальной, авторской инициативы. На этом пути поэтессой созданы замечательные лирические миниатюры, глубоко философичные эссе (книга «Когда ты меня еще не знал») разной тематики, которые наполнены невероятно пронзительными чувствами, эмоциями.

Большая часть стихотворений в прозе, фабульных миниатюр, эссе Кадрии, написанные как на ногайском, так и на русском языках, отражают события и переживания ее собственной биографии и носят исповедальный характер, являются отражением психологического состояния лирической героини, откликом на яркие жизненные эпизоды, впечатлившие факты и события, выражают отношение к поэзии и назначению поэта, звучат как гимн родной земле и его людям. Причем интерпретация тем, образов и мотивов – самая разная. Важную композиционную роль в миниатюрах, эссе Кадрии играет лирический герой. Он является объединяющим композиционным началом, структурообразующим элементом и действующим лицом, скрепляющим в единое целое произведение. Иногда – это сочувствующий несчастью ближнего прохожий (эссе «Женщины на скамейке»). Две женщины сидели на скамейке в городском парке, две падшие женщины, нашедшие счастье в вине. Одна из них захотела сплясать перед героиней. «Она плясала, будто плакала. Ее тело рыдало. Руки всхлипывали. Она оплакивала свою жизнь, погрязшую в кошмаре бездомности, заброшенности. Кто знает, может, она оплакивала и мою жизнь, жизнь других, тех, кто сейчас, проходя мимо нее, смеялся над ней»³⁸. Героиню до глубины души тронуло увиденное, долго терзало впечатление от него: «Мне было стыдно своих рук, привыкших только брать. Брать довольство, комфорт, ласку, любовь и так и не научившихся возвращать взятое. Мне было стыдно себя. Какая боль, какая душевная неуравновешенность гнала меня? Истеричка от довольства, что я понимаю в боли!» И вопрос о том, в чем же была трагедия этих людей, имел для нее однозначный ответ: в неспособности этих женщин осознавать свою боль.

Сочувствующий прохожий в основе и ряда миниатюр Кадрии. В одной из них запечатлен глубоко символический эпизод, когда

---

³⁸ Кадрия. Женщины на скамейке. Эссе // Архив Кадрии. См. наст. изд. Т. 1. – С. 335.

появился всадник на коне в плотном потоке машин на городской улице. «Конь шел рядом с машинами, но был спокоен и строг. На коне был джигит, нет, просто парень в тенниске. Мальчишка – не водитель авто, он не учил правил как скакать на коне – это у него в крови – от отцов. И... он пошел на красный свет. Вот и всё...». Конечно, мир цивилизации имеет свои правила, и ошибки в нем – фатальны.

Пронзительны по эмоциональному накалу и глубоко лиричны исповедальные миниатюры Кадрии биографического плана. Известно, что в судьбе Кадрии большую роль сыграла ее бабушка. Именно под ее влиянием развивалось творческое начало в будущей поэтессе, обреталась жизненная мудрость, обогащалось мировидение. И ей, конечно, казалось, что бабушка в ее жизни будет всегда – родная, любящая, мудрая... «...Я стояла над свежей могилой моей любимой бабушки, и черный платок, моя черная скорбь, как самая тяжелая ноша давила меня, гнула меня к земле, как если бы я была тонким стебельком.

Я обняла маленькую могилу моей бабушки и медленно начала осознавать жестокую суть неизбежных утрат и постигать тайну, оставшуюся живым»³⁹.

Самые трогательные эмоции, глубочайшая ответная нежность, обращенная к бабушке, изложенные в жанре лирической прозы, нашли отражение и в ее поэзии, в частности, известном стихотворении «Энеме» («Бабушке»).

Очень важной опорой для духовного мира Кадрии, которую она обрела, благодаря бабушке, явились жизненная мудрость и смирение. Бабушка принимала безропотно и даже с благодарностью все, что на ее долю посылала судьба. Даже когда тяжело заболела, она сказала: «Я благодарю Бога, Он помнит обо мне и посылает мне болезнь».

В коротком эссе «Лети, молва!» (еще одном произведении на русском языке из списка неопубликованных) Кадрия пишет, что пример бабушкиного отношения к жизни оказался очень кстати, когда на долю поэтессы выпали тяжелые испытания, и ее «слова, улыбки, жизнь стали мишенью сотен глаз., маленькое сердце стало мишенью сотен языков». Какой же была ее, Кадрии, реакция, когда стали «прожигать слова, достигшие цели, наотмашь ударять волной молвы»? И вот какой: «Я благодарю людей, помнящих меня и говорящих обо мне. Желаю им не уставать. Свет их глазам и силу языкам! Лети, молва, хваля мою покорность...

³⁹ Кадрия. Миниатюры // Архив Кадрии. См. наст. изд. Т. 1. – С. 314.

Лети, молва, стихи мои читай, захлебывайся в красоте моих слов... Черни меня, как тебе угодно. Ведь ты не знаешь, как унижена ты моим молчанием»⁴⁰. Концепция эссе «Лети, молва!» – также в основе ряда стихотворений Кадрии («*Айтадылар*» – «Горят»).

Кадрия всегда осознавала ответственность, которая возложена на поэта, особенно если он себя может считать голосом своего народа. «Некоторым талант и слава кажутся таким красивым хрустальным сосудом, которым любуешься и никак не любишься. Если бы всё было так... Кто хоть когда-нибудь на миг был талантлив и имел признание других, тот знает, как тяжело носить этот груз. Очень легко сбиться с пути, упасть под тяжестью или возомнить о себе. По-настоящему талантлив человек, который умеет нести бремя славы, не сворачивая с дороги истины»⁴¹. «Моя молитва, произнесенная перед тем, как начать эту Книгу» – так называется одно из необнародованных произведений Кадрии, написанных на русском языке в жанре стихотворения в прозе или лирического эссе⁴². Причем книга, о которой говорит автор, – это Книга, то есть все ее творчество в целом. Тема произведения – назначение поэта и поэзии, – очень важна для Кадрии. «Никогда не завидовала поэтам, без устали пишущим и печатающимся. Всегда завидую поэтам, без устали думающим и честно пишущим только то, что подсказано сердцем и великой правдой жизни»⁴³, – писала поэтесса в предисловии к подборке своих стихов в московском сборнике. Молитвенный слог ее обращения к высшим силам, даровавшим ей творческий талант, лишь подчеркивает значимость, которую автор придает ниспосланному ей дару свыше, ответственность за Слово, которую она чувствует. «О, бог мой, моя Поэзия! То, что я избрана среди многих, – мука моя и мое счастье... Не каждый смертный удостоивается увидеть явление твое. Обращаюсь к тебе в этот неожиданный час вдохновения... Будь же со мной, пока завершу то, что задумала я в час вдохновения. Не карай меня тем, чтобы утратив ощущение твоего присутствия, я выдумала тебя. Более тягостной кары я не знаю, чем то, когда я буду знать, что мир поэзии выдуманный...»

⁴⁰ Кадрия. Миниатюры // Архив Кадрии. См. наст. изд. Т. 1. – С. 333.

⁴¹ Кадрия. Миниатюры // Архив Кадрии. См. наст. изд. Т. 1. – С. 309.

⁴² Кадрия. Миниатюры // Архив Кадрии. См. наст. изд. Т. 1. – С. 330.

⁴³ Темирбулатова К. Предисловие к подборке собственных стихов // Песня, Мечта и Любовь (поэтессы Советского Союза). Антология. – М.: Детская литература, 1972. – С. 349–351.

и я, отвернув лицо, буду лгать себе. Будь великодушна, не карай меня этою смертельною карою...»⁴⁴.

В этом двухстраничном молитвенном тексте Кадрия излагает свои желания, ожидания, опасения, просьбы, в связи с тем, что ей даровано Слово. «Явись и будь со мной, – просит она, – И эту высокую муку, называемую вдохновением, я у тебя прошу». Но при этом она точно знает, что время не властно над ней: «Не во власти времени, а во власти твоей, живя во времени, хочу писать». Это произведение, отражающее концепцию, принципы творчества Кадрии, есть своего рода программирование ею собственного сознания перед тем, как она начнет писать свою Книгу.

Конечно, тексты «Моей молитвы...» и других неопубликованных произведений представляют большой интерес в качестве объектов для специального исследования. Прежде всего, они побуждают задаться вопросами: задумывались ли эти произведения как самостоятельные произведения или как наброски, своего рода эскизы, контуры, подходы, настрой для будущих полноценных произведений? Поскольку по смыслу, главное – по духу и возвышенности слога «Моей молитве...» абсолютно идентичны, к примеру, известные стихотворения Кадрии «Илхам» («Вдохновение»), «Я себя украла...», «Когда душа не может в звук вместиться...», «Мое слово», то можно предположить, что изначально складывавшаяся как набросок, «Моя молитва...» вдруг зажила своей отдельной жизнью и, вопреки воле автора, вдруг отлилась в собственную форму.

Лирическая героиня миниатюр Кадрии – не только сочувствующий прохожий, любящий близких человек, но и одинокий, задумчивый скиталец, ищущий душевного равновесия в общении с многоликим миром, с его радостями и горестями. Она верит, что в нужный час «разорвав желтую пелену одиночества», придет верный друг, даже если «желтеющий восход посетит, птицы с желтым опереньем рядом запоют...». Она не сдерживает свой восторженный порыв сказать любимому главное: «Мне нужны твой восторг и твоё безумие, твоё ласка и твой гнев, твоё нежность и твоё гордость, твоё смелость и твоё незащищённость. Мне бесконечно дорог и постоянно необходим ты, мой любимый, в котором сосредоточено всё самое дорогое для меня: моя родина, мой дом, мои слёзы, мой смех, моя боль...»⁴⁵.

⁴⁴ Кадрия. Миниатюры // Архив Кадрии. См. наст. изд. Т. I. – С. 331.

⁴⁵ Кадрия. Миниатюры // Архив Кадрии. См. наст. изд. Т. I. – С. 314.

Среди неопубликованных произведений Кадрии особого внимания заслуживают ее эссе – сюжетные произведения в жанре лирической прозы.

Глубоко философское отношение к действительности, к людям, которые появлялись в жизни лирической героини Кадрии, чтобы затем пойти дальше собственным путем, – в коротком лирическом эссе на ногайском языке «*Ялгыз инсан*» («Одинокий человек»). Под заголовком этого (также из неопубликованных) произведения – авторское определение жанра – *лирическая поэма*.

Герои этой поэмы в прозе – Он, Она и Море. Морю эти двое открывали свои тайны, в их горячих сердцах оно пробуждало идеи, примиряло, снимая обиды. «Как же счастливы были мы! Но затем – Осень. Ветер. Голые деревья. Вечер. Наши сердца стучат размеренно. Пришли к Морю, а оно – холодное, и волны огромные бьются друг об друга. Море, ты не смогло унять их спор. И нас ты остудило своим ветром. Остыли руки, сердца,... чувства... Остыло к нам и ты»⁴⁶.

В жанре автобиографического эссе написано сохранившееся во фрагменте произведение «Как начиналась эта Книга». Образ Книги конкретно в этом произведении выступает как история, символ рождения ее семьи, когда после войны познакомились и поженились родители, как символ рождения самой Кадрии, а вместе с ней – и ее Книги – творческой судьбы. Ее появление на свет, как она пишет в «Книге...», «стало знаком покоя и согласия» в семье. Именно весть о рождении Кадрии заставила ее бабушку сменить гнев на милость, поскольку та, гордясь знатностью своего рода, вначале не приняла брак своей дочери (матери Кадрии) и «нищего солдата» (ее отца). «Так пришло примирение..., об этом потом часто говорила мне моя любимая и незабвенная бабушка. Может быть, поэтому с самого начала своей жизни мне отвратительны никчемные ссоры, ничтожные разговоры, порождающие вражду», – пишет Кадрия в «Книге...»⁴⁷.

Лучшими страницами «Книги...», возможно, следует признать рассказ Кадрии о бабушкином влиянии на формирование мира будущей поэтессы: «Нескончаемые рассказы о своей жизни, легенды и песни, умение показать в самых обыкновенных вещах чарующую детское воображение сказку пробудили во мне

⁴⁶ Кадрия. Миниатюры // Архив Кадрии. См. наст. изд. Т. 1. – С. 334.

⁴⁷ Кадрия. Миниатюры // Архив Кадрии. См. наст. изд. Т. 1. – С. 364.

желание самой искать эти сказки. Я могла часами сидеть где-нибудь в укромном уголке и рассказывать себе то, что я придумывала, смеяться и плакать над судьбами вымышленных героев. Эти герои шли рядом»⁴⁸.

Неоконченные и сохранившиеся во фрагментах произведения Кадрии – это следующая группа произведений из ее архива: ряд стихотворений («*Куьн баткан якта*»), поэма «*Аьсирет*» («Печаль»), автобиографическая повесть «Как начиналась эта Книга», а также – с десятков страниц начатого ею драматургического произведения «*Карайдар эм Кемал-ян*» (на ногайском языке), задуманного по мотивам ногайского лирического эпоса («Бозйигит», «Карайдар эм Кызыл-Гуль»). Судя по приведенному в начале количеству действующих лиц, заявленной экспозиции, последнее из перечисленных произведений планировалось как довольно масштабное и предназначалось, как она писала в своих черновиках, – для включения в репертуар тогда еще народного театра родного села Терекли-Мектеб.

В письме Ш. Курмангуловой⁴⁹ Кадрия пишет о том, что «закончила работу над поэмой «Карайдар и Кызылгуль», спрашивает о «возможности опубликовать ее в Черкесске». Поэма должна была представлять собой современный лирический эпос, написанный по мотивам одноименного произведения ногайских поэтов XIX века Арслана Шабан улы и Фахруддина Абушахман улы. Однако, среди опубликованных этого произведения Кадрии нет. Как нет и завершено большого произведения об истории ее семьи, судя по всему, – полной версии истории «Как начиналась эта книга».

По словам сестры Кадрии Софии Язлыбаевой-Темирбулатовой, это произведение было уже завершено, и «отрывки из него Кадрия зачитывала вслух. А поскольку в роковой день гибели поэтессы эта рукопись, наверняка, находилась на ее рабочем столе, где всегда лежали ее готовые вещи, то она, несомненно, сгорела со всем тем, что было на столе»⁵⁰. Осталось другое – поэма «Сказание о любви» – лирическое повествование о Кемале и Саибджамал, опубликованное в переводе на русский язык В. Савельева в посмертном сборнике Кадрии «Мое слово» (1999).

⁴⁸ Кадрия. Миниатюры // Архив Кадрии. См. наст. изд. Т. 1. – С. 364.

⁴⁹ Из письма Кадрии Ш. Курмангуловой // Архив Ш. Курмангуловой. См. наст. изд. Т. 1. – С. 352.

⁵⁰ Из воспоминаний С.У. Язлыбаевой-Темирбулатовой.

Ногайский вариант поэмы сохранился лишь в нескольких страницах фрагмента.

Неизвестные страницы творчества Кадрии – тексты ее малоизвестных, не публиковавшихся, а также неоконченных и сохранившихся во фрагментах произведений являются важнейшей частью ее наследия. Они находятся на пересечении всех линий ее, поэта и прозаика, творчества, увенчивают ее философско-эстетические, жанровые и поэтические искания.

Специальное исследование этих произведений откроет новые грани мировидения автора, будут способствовать более детальному раскрытию художественного мира поэтессы.

ЛИТЕРАТУРА ПО ТЕМЕ:

1. Аvezов М. Блеск молнии и росчерк пера // «Районные вести» (Терекли-Мектеб), № 13, 11 дек. 2009. – С. 1, 3.
2. Аджигайтканова А. Слово к читателям // Кадрия. Человек и солнце. Сб. стихов. – Алматы, 1998. – С. 3–6.
3. Алишева Ш.-Х. Кадрия и блеск молнии // Алишева Ш.-Х. Развязала узлы. – Махачкала, 2013. – С. 214–220.
4. Айт десенъиз, айт айым... (Если просите, спою...) Ногайские народные песни. Запись и составление А.И.-М. Сикалиев. – Черкесск, 1971.
5. Асыл соъз. Ногай шайирлигининъ антологиясы. Туъзувшилер: Н.Х. Суюнова, И.С. Капаев. – Черкесск, 2013.
6. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. – М., 1979.
7. Бартольд В. История культурной жизни / Туркестана. Соч. Т. 2. – М., 1963. – С. 246–247.
8. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. – М., 1975.
9. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М., 1979.
10. Бердяев Н.А. Смысл творчества. – М., 2002.
11. Веселовский А. Историческая поэтика. – М. 1989.
12. Гамзатов Р. Утренняя звезда // Кадрия. Дочь степей. – Сб. стихов. – М., 1984. – С. 3–4.
13. Гамзатов Г.Г. К проблеме востоковедных аспектов истории национальных литератур на Северном Кавказе // Культурная диаспора народов Кавказа: генезис, проблемы изучения: Материалы Междунар. научной конф. – Черкесск. 1993. – С. 26–34.

14. Гегель Г. Эстетика. Т. 3. – С. 416–421.
15. Гусейнов М.А. Поэтический мир Кадрии Темирбулатовой: к проблеме творческого своеобразия // Ногайцы: XXI век. История. Язык. Культура. От истоков – к грядущему: Материалы Третьей Междунар. научно-практ. конф. (г. Черкесск, 2–3 окт. 2019 г.). – Черкесск, 2019. – С. 323–326.
16. Далгат У.Б. Литература и фольклор. – М.: Наука, 1975.
17. Дементьев В. «Жизнь – то радость, то боль...» // Пламя поэзии. – М., 1982. – С. 134–152.
18. Дмитриева О. Песня голубых гор // «Комсомольская правда», № 243. – 16 окт. – 1975.
19. Джанибеков А.-Х.Ш. Союз казасы. Сокровищница слов / Под ред. Н.Х. Суюновой. – М., 2019.
20. Дюришин Д. Межлитературные общности, как конкретизация закономерностей мировой литературы // Проблемы особых межлитературных общностей. – М., 1993.
21. Ершу М. Поэзия – жүректердің елшісі... // Ершу М. Шығармашылық лаборатория. – Нур-Султан, 2020. – Б. 152–168.
22. Жирмунский В.М. Тюркский героический эпос. – Л., 1974.
23. Ибрагимова Л. «Моя Родина пахнет водой и камнем...»: [о творчестве Кадрии] // Литературный Дагестан. – Махачкала, 1975. – С. 221–222.
24. Ибрагимова Л. В добрый путь: [о стихах Кадрии] // Дагестанская правда. – 1975. – 22 июля. – С. 4.
25. История национальных литератур. Перечитывая и переосмысливая. Сборники научных статей. Выпуск 1–3. – М., 1995, 1996, 1998.
26. Каракаев Ю. Омьирлерге – яс // Шойллик маягы (Степной маяк). – 14 дек. – 1978.
27. Катаева Л. Ее спасенные звезды // Газета «Советская Хакасия». – Окт., 1980.
28. Конрад Н.И. Запад и Восток. – М., 1966.
29. Керейтов Р.Х. Мифологические персонажи традиционных верований ногайцев // Советская этнография. № 2. 1980. – С. 117–127.
30. Кулиев К. О Кадрии // Кадрия. Улыбка Луны. Сб. стихов. – М., 1975. – С. 3.

31. *Кулиев К.* Новые имена: [о ног. поэтессе К. Темирбулатовой] // Дружба народов. – № 5. – 1973. – С. 176.
32. *Курманакаева М.М.* Эпические традиции и становление повествовательных жанров ногоайской литературы 30–40-х гг. – Автореф. дисс. канд. фил. наук. – Махачкала, 1997.
33. *Кулунчакова Б.* Чародейка: [о ног. поэтессе К. Темирбулатовой] / Б. Кулунчакова // Дагестанская правда. – 25 фев. 2005. – С. 5.
34. *Курмангулова Ш.А.* Ногоайская советская литература: динамика формирования и развития. – Автореф. дисс. канд. фил. наук. – Махачкала, 1986.
35. *Курмангулова Ш.А.* Ф.А. Абдулжалилов. Жизнь и судьба. – Нальчик, 2014.
36. *Курмангулова Ш.А.* Тав данъылдан басланады // Тувган ерим. – Махачкала, 1974. – Б. 79–80.
37. *Кусегенова Ф.А.* Ногоайские дастаны. – Махачкала, 2007.
38. *Кусегенова Ф.А.* Влияние дастанов на творчество Кадрии Темирбулатовой // Вестник молодых ученых Дагестана: Сб. молодых ученых и аспирантов. – Махачкала, 2002. – № 2. – С. 94–98.
39. *Кусегенова Ф.А.* К вопросу о фольклорном источнике «Сказания о любви» Кадрии // Вопросы тюркологии: Межвузовский научно-теоретический журнал. – Махачкала, 2011. – № 7. – С. 139–142.
40. *Кусегенова Ф.А.* Образ Родины в лирике Кадрии // Образ Родины: содержание, формирование, актуализация: Материалы III-й Международной науч. конф. (г. Москва, 19 апр. 2019 г.). – М., 2019. – С. 269–274.
41. *Кусегенова Ф.А.* Фольклорный мотив как сюжетобразующий элемент поэмы «Сказание о любви» Кадрии // Государственный язык Российской Федерации и языки народов Дагестана: теория, практика, перспективы обучения в образовательных организациях: Материалы Респуб. научно-практ. конф., 20 фев. 2018 г. – Махачкала, 2018. – С. 282–285.
42. *Кусегенова Ф.А.* Поэтика синтеза фольклорного и литературного начал в лирике Кадрии // Мир науки, культуры, образования. № 5(90) 2021 г. (октябрь). – С. 401–403.
43. *Лотман Ю.М.* Внутри мыслящих миров. В кн.: Лотман Ю.М. Семиосфера. – СПб., 2000.

44. Мелетинский Е.М. От мифа к литературе. – М., 2000.
45. Надъярных Н.С. Время перечтений // Способность к диалогу. Ч. 1. – М.: ИМЛИ РАН, 1993.
46. Накохов М. Наследница вольной степи // «Вестник Карачаево-Черкесии». – № 4. – март. – 2013.
47. Нация. Личность. Литература. Сборник научных статей. Выпуск 1. – М., 1996.
48. Ногай халк йырлары (Ногайские народные песни). Запись Калмыковой С., Сикалиева А. Сост. С. Калмыковой. – М.: Наука, 1969.
49. Ногайдынъ кырк баътири (Сорок ногайских батыров). Запись и составление А. Сикалиева. – Махачкала, 1991.
50. Оьсиет (Завещание) Сб. стихов ногайских средневековых поэтов. Составление, предисловие А. Сикалиева. – Махачкала, 1991.
51. Ногайско-русский словарь / Под ред. К.М. Мусаева. – М.: Наука – Восточная литература, 2018.
52. Нурдинова Г. Кадриядынъ хатларын эскерип // Шоьл тавысы. – 10 авг. (№ 63–64). – 2004. – Б. 4–5.
53. Павлов В. Взгляд на дорогу: [рец. на кн. Темирбулатовой Кадрии «Улыбка Луны»] // Литературная Россия. – 1975. – 29 авг. – С. 7.
54. Пименов В. Внимание молодым талантам: [принятие в Союз писателей К. Темирбулатовой] // Литературная Россия. – 11 июнь. – 1976. – С. 8.
55. Потенбня А. Эстетика и поэтика. – М.: Искусство, 1976.
56. Рамазанова П. Кадриян 50 шин хьунтиссия гьашину // Илчи. – 20 авг. (№ 34). – 1999. – чI. 20. – *На лакск. яз.*
57. Рахмедов С. Звезда ногайской поэзии: [о ног. поэтессе Кадрии Темирбулатовой] // Дагестанская правда. – 8 июня. – 1995. – С. 3.
58. Рахмедов С. Улица её имени: [в Терекли-Мектебе ул. им. Кадрии] // Дагестанская правда. – 7 янв. – 1989. – С. 4.
59. Рахмедов С. «Я словно голос этой вот земли, хранимая тобою, не исчезну»: К 50-летию со дня рождения Кадрии: [о ног. поэтессе Кадрии] // Дагестанская правда. – 9 дек. – 1998. – С. 3.
60. Рахмедов С. Ногайымнынъ Шолпаны // Шоьл тавысы. – 2002. – 15 янв.

61. Саламов С. Кадриядынъ эстелигине // Шоьл тавысы. – 2004. – 27 янв. – № 7–8. – Б. 2.
62. Сикалиев А. Древнетюркские письменные памятники и ногайцы. // Советская тюркология. – № 4. – 1970. – С. 131–135.
63. Сикалиев А.И.-М. Ногайский героический эпос. – Черкесск, 1994.
64. Сикалиев А.И.-М. Магическая поэзия в жанровой системе ногайского фольклора // Вестник КЧИГИ. Вып. 1. – Черкесск, 1999. – С. 167–175.
65. Сикалиев А.И.-М. Устное народное творчество ногайцев (к характеристике жанров) // Фольклор народов Карачаево-Черкесии. Жанр и образ. – Черкесск, 1988.
66. Сикалиев А.И.-М. Проблемы изучения поэтических жанров ногайской литературы дооктябрьского периода // Традиции и современность. Метод и жанр. – Черкесск, 1986.
67. Способность к диалогу. Ч. 1–2. Сборник научных статей. – М.: ИМЛИ РАН, 1993.
68. Султанов К. Преодоление как путь // Молодые о молодых. – М., 1981. – С. 105–110.
69. Султанов К.К. По законам художественности. – Махачкала, 1979.
70. Султанов К.К. Национальное самосознание и ценностные ориентации литературы. – М., 2001.
71. Султанов К.К. От Дома к Миру. – М., 2007.
72. Султанмуратов А.М. Ногайская тема в кумыкской литературе // Ногайцы: XXI век. История. Язык. Культура. От истоков – к грядущему: Материалы Третьей Междунар. научно-практ. конф. (г. Черкесск, 2–3 окт., 2019 г.). – Черкесск, 2019. – С. 350–353.
73. Суюнова Н.Х. И жизнь продлится... Художественный мир Исы Капаева. – Ставрополь, 1999.
74. Суюнова Н.Х. Ногайская поэзия XX века в национальном и общетюркском историко-культурном контексте. – М., 2006.
75. Суюнова Н.Х. Ногайская литература // Персоналии: Абдулжалилов Ф.А. – Джанибеков А.-Х.Ш. – Капаев С.И. – Капаев И.С. – Кумратова К.И. – Темирбулатова К.У. // Литература народов России. XX век: словарь. – М., 2005. – С. 212–217.
76. Суюнова Н.Х. «Я здесь, дай мне волю поведать...» (О поэзии Кадрии Темирбулатовой) // Литературная Кабардино-Балкария. – № 4. – 2001. – С. 100–102.

77. Суюнова Н.Х. Кадрия Темирбулатова: неизвестные страницы творчества // Ногайцы: XXI век. История. Язык. Культура. От истоков – к будущему: Материалы Третьей Междунар. научно-практ. конф. (г. Черкесск, 2–3 окт., 2019 г.). – Черкесск, 2019. – С. 354–363.
78. Суюнова Н.Х. Элегическая традиция в творчестве Кадрии Темирбулатовой // Социально-культурная и историческая общность Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии: традиции, современность, перспективы развития: Материалы Межрегион. научно-практ. конф. с междунар. участием (г. Черкесск, 23 мая 2019 г.). – Черкесск, 2019. – С. 277–282.
79. Суюнова Н.Х. «Драма творческого сознания» (Гамзат Аджигельдиев, Кадрия Темирбулатова) // Ногайская поэзия XX века в национальном и общетюркском историко-культурном контексте. – М., 2006. – С. 85–140.
80. Суюнова Н.Х. Йок, босына берилмеген мага илхам... (Кадриядынъ яратувшылыгы акында) // Ногай давысы. – 4 авг. – 2003. – Б. 3.
81. Suyunova N. Nogay Yazili Edebiyati // Turk Edebiyatları Antolojisi. 21. Nogai Edebiyati. (Bulgarova M., Kurmanseitova A., Suyunova N.). – Ankara, 2003. – s. 215–217.
82. Урусбиева Ф. Метафизика колеса. Вопросы тюркского культурогенеза. – Сергиев Посад, 2003.
83. Шевелева И. Рецензия на кн. Кадрии «Улыбка Луны»: [стихи]; пер. с ног. Т. Кузовлевой и В. Савельева. М.: Молодая гвардия, 1975 // Литературное обозрение. – № 1. – 1976. – С. 60–61.
84. Шутукова (Капланова) А.И. Жанрово-стилевые особенности прозы С.И. Капаева в свете новаторских исканий отечественной литературы 60–80-х гг. XX века. – Нальчик, 2001.
85. Эдиге. Ногайская эпическая поэма / Под ред. Н.Х. Суюновой. – М., 2016.
86. Ясперс К. Смысл и назначение истории. – М., 1991.

ХРОНИКА ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА КАДРИИ

1948 г. 14 декабря в ауле Терекли-Мектеб Караногайского района Дагестанской АССР (ныне Ногайский район Республики Дагестан) в семье Уразбая и Насипли Темирбулатовых родилась дочь Кадрия.

Терекли-аул (с ног. «изобилующий деревьями аул»); *мектеб* (с ног. «школа») основан в конце XVIII века. В ставке Терекли-Мектеб официальный представитель царской администрации – пристав Ф. Капельгородский распорядился вырыть артезианский колодец и разбить фруктовый сад.

Кадрия была первым ребенком в семье. Именем Кадрия («достойная уважения», «ценная») поэтессу нарекла ее бабушка Бийке.

1956–1966 гг. Учеба в средней школе им. А.-Х.Ш. Джанибекова а. Терекли-Мектеб. В эти годы проявился ее интерес к искусству, к художественному слову. Кадрия – участница школьного драмкружка, организованного С. Рахмедовым, творческих встреч, знакомство с Гамзатом Аджигельдиевым.

Первые стихи написала в 14 лет, и это стало началом ее раннего творчества.

Кадрия поступает на первый курс очного отделения филологического факультета Дагестанского педагогического института в г. Махачкала.

1966 г. В течение трех лет обучения в этом вузе печатает свои стихи на родном языке в газете «Шоьллик маягы» («Степной маяк»), ежегодном альманахе «Тувган ерим» («Родная земля»), в переводах на русском языке и языках народов Дагестана в периодике. Тяжело переживает смерть Гамзата Аджигельдиева (стихотворение «Неге?» – «Почему?»).

1968 г.

Год знакомства, и начала творческого общения с дагестанскими писателями Расулом Гамзатовым, Омар-Гаджи Шахтамановым.

Получение рекомендации для поступления в Литературный институт им. Горького в Москве, после трех лет обучения в пединституте.

Этот период стал благоприятным для обретения Кадрией единомышленников не только в родной республике, но и налаживания связей с соплеменниками – представителями творческой интеллигенции различных регионов проживания ногайцев: Ф. Абдулжалиловым, С. Капаевым, К. Кумратовой, ногайскими учеными: С.А.-Х. Джанибековой, Э.А.-Х. Джанибековым, Ш.А. Курмангуловой, художником С. Батыровым, певцом и композитором К. Зарманбетовым и др.

Кадрия приезжает в Карачаево-Черкесию. Встречается со своими читателями в Доме культуры а. Икон-Халк (Токтамыс). Участники встречи – ногайские писатели и ученые: С. Капаев, К. Кумратова, Д. Туркменов, Ш. Курмангулова.

1969–1974 гг. Учеба в Литинституте им. А.М. Горького Союза писателей СССР, в творческом семинаре С.В. Смирнова.

В эти годы:

Знакомство и начало творческого общения в Москве с Исой Капаевым – будущим ногайским прозаиком, (Кадрия в 1969 году консультирует И. Капаева, приехавшего в Литинститут с намерением узнать об этом вузе, помогает ему подготовиться к творческому конкурсу, сообщает ему в 1970 году об успешном его прохождении).

Знакомство Кадрии с Кайсыном Кулиевым.

Знакомство Кадрии с московской творческой интеллигенцией, поэтами-переводчиками: Р. Казаковой, Ю. Мориц, Я. Козловским, Н. Гребневым,

Т. Кузовлевой, В. Савельевым, Т. Бек, В. Равичем, М. Колюбакиной и др.

Первая публикация подборки стихов «Глаза в глаза...» в еженедельнике «Литературная Россия», публикации в журналах «Юность», «Дружба народов», «Новый мир», «Молодая гвардия», «Аврора».

Кадрия продолжает активно печататься и на родине: в ногайских газетах «Шоьллик маягы» – «Степной маяк» (Дагестан) и «Ленин йолы» – «Путь Ленина» (Карачаево-Черкесия). Это было временем признания уже состоявшейся поэтессы в дагестанской творческой среде. Она публикуется в переводах на русский язык и языки народов Дагестана на страницах газет «Комсомолец Дагестана», «Дагестанская правда», «Ленин ёлу» (на кумыкском языке), в журналах «Советский Дагестан», «Дослук» (на кумыкском языке), «Молодежь Дагестана», участвует во встречах с читателями.

1971 г. Выход в Махачкале, в Дагестанском книжном издательстве, первого поэтического сборника поэтессы на родном языке «Тав данъылдан басланды» («Горы начинаются с равнин»).

1972 г. Выход в Черкесске, в Карачаево-Черкесском книжном издательстве, второго сборника стихов Кадрии на родном языке «Сокпак йолга ымтылса» («Тропа, ведущая к дороге») (ред. С.И. Капаев).

Второй приезд Кадрии вместе с подругой А. Аджигайткановой в Карачаево-Черкессию. Встреча с Ф. Абдулжалиловым, С. Капаевым, К. Кумратовой в Доме печати г. Черкесска.

1973 г. Выход в Махачкале, в Дагестанском книжном издательстве, сборника стихов на родном языке «Яслык йырлары» («Песни юности»).

Летом Кадрия проходит практику в журнале «Советский Дагестан».

1974

Кадрия – делегат XVII съезда ВЛКСМ (27 апреля 1974 г.)

Завершение обучения в Литинституте им. А.М. Горького, получение 19.06.1974 г. диплома по специальности «Литературная работа». Дипломная работа Кадрии – рукопись сборника стихов «Спасенные звезды», впоследствии вышедшего в издательстве «Современник» (1977).

Возвращение после учебы в Дагестан. Начало трудовой деятельности старшим научным сотрудником литературного отдела Дагестанского краеведческого музея (г. Махачкала).

Участие Кадрии во Всесоюзном празднике поэзии в с. Михайловском Псковской области, посвященном 175-летию со дня рождения А.С. Пушкина. Выступление с речью.

Вступление Кадрии в Союз писателей Дагестана (удостоверение от 29.11.1974 г.)

1975 г.

Выход в Москве, в издательстве «Молодая гвардия», первого поэтического сборника Кадрии на русском языке «Улыбка Луны» (в переводах Т. Кузовлевой и В. Савельева), с предисловием Кайсына Кулиева.

Первый экземпляр сборника поэтессе вручил в Москве, на VI Всесоюзном совещании молодых писателей, участницей которого была Кадрия, писатель, член Правления Союза писателей СССР Алим Кешоков.

Кадрия принята в члены Союза писателей СССР (членский билет № 9809 от 17.04.1975 г.).

Поэтесса продолжает активно публиковаться в литературных журналах и периодической печати в Москве, в Дагестане и Карачаево-Черкесии, участвует в литературных мероприятиях регионального, всесоюзного и международного уровней. Встречается и общается с А. Твардовским, Р. Рождественским, Е. Евтушенко, Б. Ахмадулиной, А. Вознесенским, Э. Межелайтисом и др.

поэтами-шестидесятниками на этих литературных мероприятиях начала 70-х годов.

В «Литературном обозрении» и «Литературной России» выходят статьи-рецензии (И. Шевелева, В. Павлов) на первый переводной сборник Кадрии «Улыбка Луны».

Кадрия – участница заседания советско-болгарского Клуба молодой творческой интеллигенции в г. Минске (октябрь 1975 г.).

Кадрия – участница Всемирной встречи девушек в Москве. Торжественное открытие форума состоялось 14 октября 1975 г. в Колонном зале Дома союзов. Организаторы: ЦК ВЛКСМ, комитет молодежных организаций СССР и Всемирная Федерация молодежи. Выступают: В. Терешкова, Анна-Мария Хунцигер (Швейцария), Петра Бауэр (ФРГ), Клод Бодуэн (Франция), Чан Тхи Ен (Вьетнам), Элени Плапутас (Греция), Изабел Пату (Португалия), Гладис Марин (Чили) и другие. Поездки участниц Всемирной встречи девушек в города Волгоград, Баку, в Среднюю Азию.

Выступление на форуме Кадрии с речью и стихами «*Йылама, анам, йылама...*» («Не плачь, мама»).

Кадрия – участница VI съезда писателей Дагестана (г. Махачкала, 21.10.1975 г.), член рабочего президиума съезда, избрана на этом форуме в числе 15 коллег членом правления Союза писателей Дагестана. Выступление с речью.

Кадрия – делегат IV Съезда писателей РСФСР (Москва, 15–18 декабря 1975 г.)

Кадрия получила квартиру в Махачкале, в доме писателей, по улице Синявина, 3-а и поселилась там.

1976 г.

Кадрия – участница Встречи молодых писателей стран Азии и Африки в г. Ташкенте (28.09.–3.10.1976 г.). Расширение творческих контактов, новое осмысление собственных творческих задач.

За книгу «Улыбка Луны» (М: Молодая гвардия, 1975 г.) поэтесса удостоена Премии комсомола Дагестана.

1977 г.

Кадрия – участница встречи в ЦК ВЛКСМ Первого секретаря Е. Тяжельникова с молодыми лауреатами литературных премий комсомола страны.

Выход в Москве, в издательстве «Современник», второго поэтического сборника на русском языке «Спасенные звезды» (в переводе Т. Кузовлевой).

14 июня в родном ауле Кадрии Терекли-Мектеб состоялось торжественное открытие Дней литературы и искусства народов Дагестана. На мероприятие, организованное при активном содействии Кадрии, приехали все самые известные писатели республики во главе с Р. Гамзатовым.

1978 г.

Выход в Махачкале последнего прижизненного сборника стихов поэтессы «Хайран» («Удивление»).

С апреля Кадрия работает в отделе литературы и искусства общественно-политического и литературного журнала «Советский Дагестан» (г. Махачкала). Ведет активную общественную работу по линии Союза писателей Дагестана.

Продолжает публиковаться в центральной печати, в родных ногайских газетах, альманахе, коллективных сборниках ногайских писателей, дагестанской многонациональной периодике, участвует в многочисленных встречах с читателями, общается с писателями, переводчиками, выезжает для участия во всесоюзных литературных мероприятиях.

Имя ногайской поэтессы звучит из уст известных писателей, критиков: Р. Гамзатова, К. Кулиева, Д. Кугультинова, Р. Казаковой, Ю. Мориц, Т. Кузовлевой, К. Султанова, В. Дементьева и др. Ее стихи становятся любимыми песнями в народе, о ногайской поэзии знают теперь далеко за пределами степи.

В июне 1978 г. Кадрия участвует в совещании молодых писателей в Латвии (Рига, Юрмала).

В июне 1978 г. Кадрия получает приглашение из ЦК ВЛКСМ стать членом делегации СССР на XI Всемирном фестивале молодежи и студентов, который открывался в столице Кубы Гаване 28 июля. Она готовится к этой поездке.

30 июня 1978 г. Кадрии не стало.

Днем, в собственной квартире в Махачкале, при так и не выясненных обстоятельствах ее, 29-летнюю, жестоко убили и сожгли.

Преступление, ставшее тогда шоком для всего народа, вызвавшее большой резонанс в культурной среде, до настоящего времени не раскрыто.

В том адском пламени сгорел ряд готовых к изданию рукописей поэтессы: сборник стихов последних лет на ногайском языке, книга эссе «Когда ты меня еще не знал», лирическая драма «Карайдар и Кызыл-Гуль», рукопись с ее рассказами и автобиографической повестью, а также переписка, фотоархив и многое другое.

- 1979 г.** Выход в Москве, в издательстве «Советский писатель», посмертного сборника Кадрии «Мосты». Творчество Кадрии включается в обзоры советской многонациональной поэзии, произведения включаются в школьные и вузовские программы.
- 1980 г.** Выход в Махачкале, в Дагестанском книжном издательстве, сборника «*Ятлавлар*» («Избранные стихи») Кадрии.
- 1982 г.** Выход в Москве, в книге русского писателя В. Деметьева «Пламя поэзии», его очерка «Жизнь – то радость, то боль...» о творческой судьбе Кадрии.
- 1984 г.** Выход в Москве, в издательстве «Современник», второго посмертного сборника Кадрии «Дочь степей», с предисловием Расула Гамзатова.
- 1990 г.** Издание в Махачкале, в Дагестанском книжном

издательстве, сборника стихов Кадрии «*Айындырык ярыгы*» («Блеск молнии») с предисловием редактора Б. Кулунчаковой.

1998 г. Выход в Алма-Ате (Казахстан), в издательстве «Жазушы», сборника стихов Кадрии «Человек и Солнце», с предисловием А. Аджигайткановой.

1999 г. Издание в Махачкале, в Дагестанском книжном издательстве, сборника стихов Кадрии на ногайском языке «*Йырланмаган йырлар*» («Неспетые песни») к 50-летию со дня рождения поэтессы, с предисловием редактора А. Култаева.

Издание в Махачкале, в Дагестанском книжном издательстве, книги стихов Кадрии «Мое слово» на русском языке (ред. А. Култаев).

2004 г. Творчество Кадрии становится объектом научных исследований. Защита в Махачкале, в Институте языка и литературы им. Г. Цадасы, кандидатской диссертации Ф.А. Кусегеновой «Ногайские дастаны: национальная специфика, межэтнические и фольклорно-литературные взаимосвязи» (издание одноименной монографии. Махачкала, 2007. – 244 с.), основанной в том числе на материале творчества Кадрии Темирбулатовой.

2006 г. Защита в Москве, в Институте мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, докторской диссертации Н.Х. Суюновой «Ногайская поэзия XX века в национальном и общетюркском историко-культурном контексте» (издание одноименной монографии: М: ИМЛИ РАН, 2006. – 235 с.), основанной в том числе на материале творчества Кадрии Темирбулатовой.

2008 г. Издание в Махачкале, в Дагестанском книжном издательстве, сборника стихов Кадрии на ногайском языке «*Уьйинъизге яхшылык*» («Мир вашему дому») к 60-летию со дня рождения поэтессы, с предисловием А. Култаева.

2016–2018 гг. На сцене Театра поэзии г. Махачкала в рамках

Республиканского театрального фестиваля-конкурса «Воспевшие Дагестан» представлена литературно-музыкальная композиция «Кадрия» Государственного ногойского драматического театра (режиссер Б. Джумакаев).

Создание к 70-летию со дня рождения поэтессы художественно-документального фильма «Кадрия», снятого Республиканской ногойской газетой «*Шоьл тавысы*» («Голос степи») при содействии Министерства информатизации, связи и массовых коммуникаций Республики Дагестан. (Автор и режиссер – Э. Кожаева). Фильм был презентован и получил одобрение широкой российской и зарубежной аудитории.

Юбилейные мероприятия, посвященные 70-летию Кадрии прошли в Театре поэзии и в библиотеках г. Махачкала, в Ставропольской краевой универсальной научной библиотеке им. М. Лермонтова, в домах культуры и школах Ногойского района РД и Ногойского района КЧР.

2019 г.

Издание книги переводов стихов Кадрии на языки тюркских народов в Анкаре (Турция) «*Kadriya Temirbulatova. Yiğitlerin Destanıym*» (Ankara, 2019), при содействии ТЮРКСОЙ.

2018–2020 гг.

В Карачаево-Черкесском институте гуманитарных исследований при Правительстве КЧР подготовлено к публикации 3-х томное научное издание произведений Кадрии на ногойском, в переводах на русский и другие языки народов РФ и зарубежья, с привлечением материалов архива поэта, предоставленных ее семьей. Значителен в этом труде объем ранее не публиковавшихся произведений поэтессы, вводимых в научный и культурный оборот.

3-х томник также включает в себя: исследование творчества Кадрии, хронику ее жизни и творчества, полную библиографию изданий и научной литературы, статьи о творчестве, документы,

письма, воспоминания, посвящения и фотоархив поэтессы.

Составители-редакторы: д. ф. н. Н.Х. Суюнова, к ф н. Ф.А. Кусегенова.

Издание получило также гриф Института языка, литературы и искусства им. Г.Цадаасы ДФИЦ РАН

УВЕКОВЕЧЕНИЕ ПАМЯТИ КАДРИИ

Память Кадрии увековечена на родине поэтессы:

- в названии ее родной улицы в Терекли-Мектебе (*Пост. от 16.12.1988 г. Терекли-Мектебского сельского Совета депутатов Ногайского района ДАССР*), а также в названии улиц в других аулах Ногайского района Республики Дагестан: Батыр-Мурза, Калининаул, Карасу, Кунбатар, Ленинаул, Нариман, Орта-Тюбе, Червленые буруны;
- в названии школы № 2 в Терекли-Мектебе (*Пост. от 14.10.1992 г. Президиума районного Совета народных депутатов РД; Пост. от 7.09.1993 г. Совета Министров РД*), во дворе которой стоит ее бюст; в школе открыт музей Кадрии Темирбулатовой (*Пост. от 17.04.2016 г. Терекли-Мектебской СОШ им. Кадрии*);
- памятной табличкой на доме, где жила поэтесса (*Пост. от 18.09.2018 г. МО сельского поселения «Село Терекли-Мектеб»*).
- в названии Парка культуры и отдыха в с. Нариман Ногайского района РД (*Пост. № 124 от 03.07.2020 г. 2-ой сессии III-го созыва депутатов собрания МО сельского поселения «Сельсовет Коктюбинский»*).

Общественная награда Орденский знак «Кадрия» учрежден Санкт-Петербургской Академией русской словесности и изящных искусств им. Г. Державина (*Пост. № 35 засед. Президиума Академии от 05.09.2018 г.*).

Орденский знак «Кадрия» вручается людям искусства, деятелям культуры, внесшим неоценимый вклад в дело образования, просвещения, культуры.

24 декабря 2019 г. в Турецкой Республике, в городе

Ялова, состоялось торжественное мероприятие, посвященное присвоению одному из проспектов города имени Кадрии (*Решение муниципалитета г. Ялова: Karar NO: 81. 2.10.2019 г.*).

Стихи Кадрии к настоящему времени, кроме русского, переведены более чем на 20 языков народов РФ и зарубежья и опубликованы в различных изданиях.

Поэзия Кадрии вдохновила композиторов (У. Ваисов, Я. Кудайбердиев, З. Зинеев, А. Романов, А. Аджибаев, М. Максудов, И. Сатыров, К. Шамасов, А. Джафарова, К. Магомедшапиев, К. Тесленко) и многие ее стихи стали песнями в их собственном исполнении, а также в исполнении прославленных артистов (А. Кумратова, А. Черкесова), солистов Ногайского государственного оркестра народных инструментов и Государственного ногайского фольклорно-этнографического ансамбля «Айланай».

Личность и творчество Кадрии вдохновили ногайских художников и скульпторов на создание своих произведений (С. Батыров, К. Зарманбетов).

БИБЛИОГРАФИЯ ТВОРЧЕСТВА КАДРИИ

1. Личный архив Кадрии Темирбулатовой. (Материалы предоставлены С.У. Язлыбаевой-Темирбулатовой.)
2. ГКУ «Центральный государственный архив Республики Дагестан».
Ф. № 168. Оп. № 74. Д. № 175. Л. 129.
3. МКУ «Ногайский районный архив» Администрации МР «Ногайский район» РД.
Ф. № 17. Оп. № 1. Д. № 157.
4. МКУ «Ногайский районный архив» Администрации МР «Ногайский район» РД.
Ф. № 1. Оп. № 1. Д. № 727.
5. Личный архив Тагира Акманбетова. (Материал предоставлен Т. Акманбетовым.)
6. Личный архив Шахидат Курмангуловой (Материал предоставлен Ш. Курмангуловой.)

*КНИГИ СТИХОВ КАДРИИ ТЕМИРБУЛАТОВОЙ
НА НОГАЙСКОМ ЯЗЫКЕ:*

1. Темирбулатова К. Тав данъылдан басланады. – Махачкала: Дагест. кн. изд-во, 1971. – 24 б.
2. Темирбулатова К. Сокпак йолга ымтылса. – Черкесск: К.-Черкесское кн. изд-во, 1972. – 32 б.
3. Темирбулатова К. Яслык йырлары. – Махачкала: Дагучпедгиз, 1973. – 47 б.
4. Кадрия. Хайран. – Махачкала: Дагест. кн. изд-во, 1978. – 67 б.
5. Кадрия. Ятлавлар. – Махачкала: Дагест. кн. изд-во, 1980. – 88 б.
6. Темирбулатова К. Айындырык ярыгы. – Махачкала: Дагест. кн. изд-во, 1990. – 156 б.
7. Кадрия Темирбулатова. Йырланмаган йырлар. – Махачкала: Дагест. кн. изд-во, – 1999. – 312 б.
8. Кадрия. Уьйинъизге яхшылык. – Махачкала: ГУ «Дагест. кн. изд-во», 2008. – 264 б.

*КНИГИ СТИХОВ КАДРИИ ТЕМИРБУЛАТОВОЙ
НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ:*

1. Кадрия. Улыбка Луны. – М.: Молодая гвардия, 1975. – 29 с.
2. Кадрия. Спасённые звёзды. – М.: Современник, 1977. – 79 с.
3. Кадрия. Мосты. – М.: Советский писатель, 1979. – 119 с.
4. Кадрия. Дочь степей. – М.: Современник, 1984. – 126 с.
5. Темирбулатова К. Человек и солнце. – Алма-Ата: Жазушы, 1998. – 88 с.
6. Темирбулатова К. Моё слово. – Махачкала: Дагест. кн. изд-во, 1999. – 308 с.

*ПРОИЗВЕДЕНИЯ КАДРИИ ТЕМИРБУЛАТОВОЙ,
ОПУБЛИКОВАННЫЕ В СБОРНИКАХ
И ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ*

На ногайском языке:

1. Темирбулатова К. Ата юртым // Шоьл шешекейлер. – Махачкала, 1971. – Б. 6.
2. Темирбулатова К. Конъилим // Тань ярыгы. – Махачкала, 1973. – Б. 10–11.
3. Темирбулатова К. Куьле эди ай // Тувган ерим. – Махачкала, 1974. – Б. 10–11.
4. Темирбулатова К. Тувган ерим // Тувган ерим. – Махачкала, 1977. – Б. 5–6.
5. Кадрия. Ай-анай-ананай, ай-нанай сенемен // Дослукь. – Махачкала, 1978, № 3. – Б. 78.
6. Кадрия Темирбулатова. Стихи // Антология дагестанской поэзии. Т. 4 – Махачкала, 1983. – С. 277–284.
7. Темирбулатова К. Сентябрь // Тувган ерим. – Махачкала, 1989. – Б. 22.
8. Темирбулатова К. Багыслав // Ногай поэзиясынынъ антологиясы. – Махачкала, 1996. – Б. 20–30.
9. Кадрия. Ятлавлар // Асыл соьз. Ногай шайирлигининъ антологиясы / Туьз.: Н. Суюнова, И. Капаев. – Черкесск, 2013. – С. 232–247.

На русском языке:

1. К. Темирбулатова. Предисловие к подборке собственных стихов // Песня, Мечта и Любовь (поэтессы Советского Союза). Антология. – М., 1972. – С. 349–351.
2. Кадрия. «Уже проснулся, но молчал аул...» // Комсомолец Дагестана. – 1971. – 26 июня. – С. 4.
3. Кадрия. Звуки // Дагестанская правда. – 1975. – 21 авг. – С. 4.
4. Кадрия. К вопросу об охране окружающей среды // Комсомолец Дагестана. – 1976. – 18 сент. – С. 4.
5. Кадрия. Что о тебе скажу // Женщина Дагестана. – 1977. – № 6. – С. 12.
6. Кадрия. Я к людям шла // Дагестанская правда. – 1978. – 22 июня. – С. 4.
7. Кадрия. Перед Моной Лизой // Молодёжь Дагестана. – 1996. – 8 марта (№ 9). – С. 6.
8. Кадрия. Большой дорогой ветра // Дружба народов. – 1974. – № 3. – С. 61–62.
9. Кадрия. Верни меня // Комсомолец Дагестана. – 1977. – 11 мая. – С. 4.
10. Темирбулатова К. Грезы детства // Комсомолец Дагестана. – 1975. – 20 марта. – С. 4.
11. Кадрия. День над нами властен, словно мастер // Комсомолец Дагестана. – 1978. – 25 апр. – С. 4.
12. Кадрия. День – это страшно // Комсомолец Дагестана. – 1976. – 12 июня. – С. 4.
13. Кадрия. За мир // Дагестанская правда. – 1974. – 3 нояб. – С. 4.
14. Темирбулатова К. Материнская боль // Комсомолец Дагестана. – 1968. – 24 дек. – С. 3.
15. Кадрия. Мгновение // Советский Дагестан. – 1974. – № 5. – С. 66.
16. Кадрия. Мне запретили видеться с тобой... // Молодая гвардия. – 1973. – № 5. – С. 243.
17. Кадрия. Моя юность // Литературная Россия. – 1974. – 15 марта (№ 11). – С. 18.
18. Кадрия. Моя юность // Советский Дагестан. – 1973. – № 4. – С. 40–41.
19. Кадрия. Не говори так // Комсомолец Дагестана. – 1970. – 14 фев. – С. 4.

20. Кадрия. ...Неспетая песня звучит // Дагестанская правда. – 1989. – 7 янв. – С. 4.
21. Кадрия. О, горы // Дружба народов. – 1979. – № 3. – С. 153–154.
22. Кадрия. Обычай гор // Крестьянка. – 1975. – № 12. – С. 26.
23. Кадрия. Одно мгновение любви // Советский Дагестан. – 1975. – № 6. – С. 65–68.
24. Кадрия. Отцу // Дагестанская правда. – 1977. – 30 авг. – С. 3.
25. Темирбулатова К. Позвала меня дорога // Дружба народов. – 1973. – № 5. – С. 176–179.
26. Кадрия. Песню слушают чабаны // Дагестанская правда. – 1975. – 23 мая. – С. 4.
27. Кадрия. Путь к себе // Юность. – 1978. – № 2. – С. 88.
28. Темирбулатова К. Работа // Аврора. – 1975. – № 12. – С. 11.
29. Кадрия. Разговор с прадедами // Советский Дагестан. – 1973. – № 4. – С. 41.
30. Кадрия. Разговор с собственной тенью // Комсомолец Дагестана. – 1976. – 1 июня. – С. 3.
31. Кадрия. Рождение стихов // Дагестанская правда. – 1976. – 11 дек. – С. 4.
32. Темирбулатова К. С твоих висков седые нити // Комсомолец Дагестана. – 1969. – 8 июля. – С. 4.
33. Кадрия. С чьего-то злого смертного ствола... // Комсомолец Дагестана. – 1971. – 29 окт. – С. 4.
34. Кадрия. Стихи рождаются, как дети // Литературная Россия. – 1974. – 18 янв. – С. 8.
35. Кадрия. Судьба // Комсомолец Дагестана. – 1974. – 2 нояб. – С. 4.
36. Кадрия. Так живу // Комсомолец Дагестана. – 1978. – 10 фев. – С. 3.
37. Кадрия. Фрески весны: Поговори, мой друг: Ливень воспоминаний // Комсомолец Дагестана. – 1975. – 11 янв. – С. 3.
38. Кадрия «Хожу по кладбищу забытому...» // Комсомолец Дагестана. – 1971. – 7 янв. – С. 4.
39. Кадрия. Человек и Солнце // Советский Дагестан. – 1978. – № 3. – С. 69.
40. Кадрия. Что о тебе скажу? // Женщина Дагестана. – 1977. – № 6. – С. 12.

41. Кадрия. Эй, ну-ка по чести ответь мне, чабан; Пой, Камиля, пой... // Юность. – 1973. – № 12. – С. 3.
42. Кадрия. Путь; Птичий танец, В молчанье женщины...; И за тыщу лет до нас... // Юность. – 1979. – № 7. – С. 56.
43. Кадрия. Я встречи не помню... // Комсомолец Дагестана. – 1971. – 7 марта. – С. 3.
44. Кадрия. Я к людям шла... // Дагестанская правда. – 1978. – 22 июня. – С. 4.
45. Кадрия. Я не знаю // Комсомолец Дагестана. – 1977. – 8 марта. – С. 4.
46. Кадрия. Я хочу сказать // Дагестанская правда. – 1973. – 12 окт. – С. 4.

Очерки, новеллы, рассказы:

1. Кадрия. Деревья надежды. Очерк // Советский Дагестан. – 1974. – (№ 1) январь. – С. 14–16.
2. Кадрия. Тил байлыгы – эл байлык. Статья // Тувган ерим. – Махачкала, 1975. – С. 5–6.
3. Кадрия. Одно мгновение любви. Новелла // Советский Дагестан. – 1975. – (№ 6) ноябрь. – С. 65–68.
4. Кадрия. Сказка, которая мне приснилась. Сказка // Советский Дагестан. – 1975. – (№ 2) март. – С. 73–75.
5. Кадрия. Прости меня. Рассказ // В кн.: Темирбулатова К. Моё слово. – Махачкала, 1999. – 304 с. – С.292–299.
6. Кадрия. Встреча с Шарлем Бодлером. Рассказ // В кн.: Темирбулатова К. Моё слово. – Махачкала, 1999. – 304 с. – С. 299–304.

*ПРОИЗВЕДЕНИЯ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ
НА ЯЗЫКАХ НАРОДОВ РОССИИ И ЗАРУБЕЖЬЯ:*

Kadriya Temirbulatova. Yiğitlerin Destanıym. – Ankara, 2019. – s. 228. (Языки: азербайджанский, балкарский, башкирский, туркменский, узбекский.)

Турецкий язык:

1. Кадрия. Стихи. Перевод Б. Каракоч / Turk Edabiyatlari Antologisi. Nogai Edebiyatı. 21. Антология тюркской литературы в 24 тт. Т. 21. Ногайская литература. / Сост. Булгарова М.А., Курмансеитова А.Х., Суюнова Н.Х. – Анкара, 2003. – 448 с. Текст параллельный на турецком и ногайском языках. – С. 393–398.
2. Kadriya Temirbulatova. Yiğitlerin Destanıym. – Ankara, 2019. – s. 228.

Казахский язык:

1. Кадрия Темирбулатова. Айдың аппак жарығы // Парасат. – Алма-Ата, 1992. – № 3. – Б. 12–13.
2. Маржан Ершу Айек. Шығармашылық лаборатория. Нур-Султан. Фолиант баспа. – 2020. – б. 152-168.
3. Алия Даулетбаева. Жан дауыс. – Алматы: Айғаным. – 2017
4. Kadriya Temirbulatova. Yiğitlerin Destanıym. – Ankara, 2019. – s. 228.

Киргизский язык

1. К.Темирбулатова. Ырлар. Которгон А.Темирова // Ала-Тоо. Литературно-художественный журнал СП Киргизии, апрель, 2020.
2. Kadriya Temirbulatova. Yiğitlerin Destanıym. – Ankara, 2019. – s. 228.

Каракалпакский язык

Кадрия Темирбулатова. «Билемен, сен мени алдайсаң, саям...» // Дағыстан шайырлары. – Нөкис, 1983. – Б. 161–162.

Аварский язык:

1. Темирбулатова К. «Эмен», «Анши»... // Бағ'араб байрахъ. – 1969. – 21 янв. – гІ. 4.

2. Кадрия. «Хъахлаб хИнгI»... // БагIараб байрахъ. – 1975. – 14 март – гI. 4.
3. Кадрия. «Гъури»... // БагIараб байрахъ. – 1976. – 25 дек. – гI. 4.
4. Кадрия. «Их», «Бице, диргъудул» // БагIараб байрахъ. – 1979. – 23 июня. – гI. 4.
5. Темирбулатова К. «Шибдай гъабилан дуца, Кадрия», «Гъури»... // Гъудулъи. – 1982. – № 3–4. – гI. 341.
6. Темирбулатова К. «Берал риинеГан духъ ялагъун дун...» // Гъудулъи. – 1982. – № 3–4. – гI. 343.

Кумыкский язык:

1. Темирбулатова К. Ногъай къуны сезлери // Дослукъ. – 1973. – № 4. – Б. 66–68.
2. Кадрия. Эсде къалажакъ гюнлер // Ленин елу. – 1976. – 4 нояб. – Б. 2.
3. Кадрия. Ногъайым // Дослукъ. – 1982. – № 3–4. – Б. 373–374.
4. Кадрия. Алгъасадым мен сагъа // Тангчолпан, № 2. – 2018. – Б. 59–63.
5. Кадрия. Бавда // Тангчолпан, № 1. – 2020. – Б. 9.
6. Kadriya Temirbulatova. Yiğitlerin Destanıym. – Ankara, 2019. – s. 228.

Лакский язык

1. Кадрия. «КIира цIу лахълай дур ттул чIарав цIана...» // Дусшиву. – 1982. – № 3–4. – чI. 386–388.

Лезгинский язык:

1. Кадрия. Шиирарни куърпеяр // Коммунист. – 1975. – 21 окт. – ч. 3.
2. Кадрия. Зи стхайри алукизава бармакар // Кард. – 1980. – № 12. – ч. 11.
3. Кадрия. «Квадарзава чили вичин чIехивал...» // Дуствал. – 1982. – № 3–4. – ч. 376–378.

*БИБЛИОГРАФИЯ СТАТЕЙ О ТВОРЧЕСТВЕ
КАДРИИ ТЕМИРБУЛАТОВОЙ:*

На русском языке:

1. Абдулова И. Я к людям шла... [вечер, посвящ. ног. поэтессе Кадрии в Президент-комплексе] // Махачкалинские известия. – 2008. – 31 дек. (52). – С. 6.
2. Аvezов М. Блеск молнии и росчерк пера // «Районные вести» (Терекли-Мектеб), 13, 11 дек. 2009. – С. 1, 3.
3. Алишева Ш.-Х. Кадрия и блеск молнии // Алишева Ш.-Х. Развязала узлы. – Махачкала, 2013. – С. 214–220.
4. Вечер, посвящённый Кадрии [в сел. Геме-тубе Бабаюрт. р.-на прошёл вечер, посвящ. ног. поэтессе Кадрии] // Дагестанская правда. – 1999. – 18 мая. – С. 1.
5. Гамзатов Р. Утренняя звезда // В кн.: Кадрия. Дочь степей. – М., 1984. – С. 3–4.
6. Гусейнов М.А. Поэтический мир Кадрии Темирбулатовой: к проблеме творческого своеобразия // Ногайцы: XXI век. История. Язык. Культура. От истоков – к грядущему: Материалы Третьей Междунар. научно-практ. конф. (г. Черкесск, 2–3 окт. 2019 г.). – Черкесск, 2019. – С. 323–326.
7. Дементьев В. «Жизнь – то радость, то боль...» // Пламя поэзии. – М., 1982. – С. 134–152.
8. Дмитриева О. Песня голубых гор // «Комсомольская правда», № 243 от 16 октября 1975 г.
9. Ермаков В. Из рецензии на рукопись сборника Кадрии «Спасенные звезды» // Архив Кадрии.
10. Ибрагимова Л. «Моя Родина пахнет водой и камнем...»: [о творчестве Кадрии] // Литератур. Дагестан. – Махачкла, 1975. – С. 221–222.
11. Ибрагимова Л. В добрый путь: [о стихах Кадрии] // Дагестанская правда. – 1975. – 22 июля. – С. 4.
12. Исмаилова Х. Памяти Кадрии: [мероприятие посвящ. 60-летию со дня рождения ног. поэтессы К. Темирбулатовой] // Молодёжь Дагестана. – 2008. – 26 дек. (№ 51–52). – С. 10.
13. Катаева Л. Ее спасенные звезды // Советская Хакасия, октябрь, 1980 г.

14. Кожаева Э. Я, словно голос этой земли, хранимая тобою, не исчезну...: [о юбилейн. вечере, посвящ. 50-летию Кадрии] // Молодёжь Дагестана. – 1999. – 2 июля (№ 27). – С. 12.
15. Кулиев К. Новые имена: [о ног. поэтессе К. Темирбулатовой] // Дружба народов. – 1973. – № 5. – С. 176.
16. Кулиев К. О Кадрии // В кн.: Кадрия. Улыбка Луны. – М., 1975. – С. 3.
17. Кулунчакова Б. Чародейка: [о ног. поэтессе К. Темирбулатовой] / Б. Кулунчакова // Дагестанская правда. – 2005. – 25 фев. (2). – С. 5.
18. Кусегенова Ф.А. Влияние дастанов на творчество Кадрии Темирбулатовой // Вестник молодых ученых Дагестана: Сб. ст. молодых ученых и аспирантов.– Махачкала, 2002. – № 2. – С. 94–98.
19. Кусегенова Ф.А. К вопросу о фольклорном источнике «Сказания о любви» Кадрии // Вопросы тюркологии: Межвузовский научно-теоретический журнал. – Махачкала, 2011. – № 7. – С. 139–142.
20. Кусегенова Ф.А. Образ Родины в лирике Кадрии // Образ Родины: содержание, формирование, актуализация: Материалы III-й Международной науч. конф. (г. Москва, 19 апр. 2019 г.). – М., 2019. – С. 269–274.
21. Кусегенова Ф.А. Фольклорный мотив как сюжетобразующий элемент поэмы «Сказания о любви» Кадрии // Государственный язык Российской Федерации и языки народов Дагестана: теория, практика, перспективы обучения в образовательных организациях: Материалы Респуб. научно-практ. конф., 20 фев. 2018 г. – Махачкала, 2018. – С. 282–285.
22. Кусегенова Ф.А. Поэтика синтеза фольклорного и литературного начал в лирике Кадрии // Мир науки, культуры, образования. № 5(90) 2021 г. (октябрь). – С. 401–403.
23. Накохов М. Наследница вольной степи // Вестник Карачаево-Черкесии. № 4. – март 2013.
24. Павлов В. Взгляд на дорогу: [рец. на кн. Темирбулатовой Кадрии «Улыбка Луны»] // Литературная Россия. – 1975. – 29 авг. – С. 7.
25. Пименов В. Внимание молодым талантам: [принятие в Союз

- писателей К. Темирбулатовой] // Литературная Россия. – 1976. – 11 июнь. – С. 8.
26. Рахмедов С. Звезда ногойской поэзии: [о ног. поэтессе Кадрии Темирбулатовой] // Дагестанская правда. – 1995. – 8 июня. – С. 3.
27. Рахмедов С. Улица её имени: [в Терекли-Мектебе ул. им. Кадрии] // Дагестанская правда. – 1989. – 7 янв. – С. 4.
28. Рахмедов С. Я словно голос этой вот земли, хранимая тобою, не исчезну: К 50-летию со дня рождения Кадрии: [о ног. поэтессе Кадрии] // Дагестанская правда. – 1998. – 9 дек. – С. 3.
29. Рахмедов С. В память о Кадрии: [в Терекли-Мектебе юбилейн. торжество посвящ. Кадрии] // Дагестанская правда. – 1999. – 24 июня. – С. 4.
30. Салихов Б. Кадрия // Архив Кадрии. См.: Т.3. Наст. изд.
31. Султанмуратов А.М. Ногойская тема в кумыкской литературе // Ногойцы: XXI век. История. Язык. Культура. От истоков – к грядущему: Материалы Третьей Междунар. научно-практ. конф. (г. Черкесск, 2–3 окт., 2019 г.). – Черкесск, 2019. – С. 350–353.
32. Султанов К.К. Преодоление как путь // Молодые о молодых. – М., 1981. – С. 105–110.
33. Суюнова Н.Х. «Драма творческого сознания» (Гамзат Аджигельдиев, Кадрия Темирбулатова) // Ногойская поэзия XX века в национальном и общепюркском историко-культурном контексте. – М., 2006. – С. 85–140.
34. Суюнова Н.Х. «Я здесь, дай мне волю поведать...» (О поэзии Кадрии Темирбулатовой) // Литературная Кабардино-Балкария. – № 4. – 2001. – С. 100–102.
35. Суюнова Н.Х. Кадрия Темирбулатова: неизвестные страницы творчества // Ногойцы: XXI век. История. Язык. Культура. От истоков – к грядущему: Материалы Третьей Междунар. научно-практ. конф. (г. Черкесск, 2–3 окт., 2019 г.). – Черкесск, 2019. – С. 354–363.
36. Суюнова Н.Х. Ногойская литература // Персоналии: Абдулжалилов Ф.А. – Джанибеков А.-Х.Ш. – Капаев С.И. – Капаев И.С. – Кумратова К.И. – Темирбулатова К.О. // Литература народов России. XX век: словарь. – М., 2005. – С. 212–217.
37. Суюнова Н.Х. Ногойская поэзия 60–70-х годов XX века.

Гамзат Аджигельдиев, Кадрия Темирбулатова // Тюркологический сборник. – Елабуга, 2003. – С. 152–159.

38. Суюнова Н.Х. Ногайская поэзия 70-х гг. XX века и творчество Кадрии Темирбулатовой // Вестник КЧИГИ. Вып. № 2. – Черкесск, 2002. – С. 235–243.
39. Суюнова Н.Х. Элегическая традиция в творчестве Кадрии Темирбулатовой // Социально-культурная и историческая общность Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии: традиции, современность, перспективы развития: Материалы Межрегион. научно-практ. конф. с междунар. участием (г. Черкесск, 23 мая 2019 г.). – Черкесск, 2019. – С. 277–282.
40. Шевелева И. Рецензия на кн. Кадрии «Улыбка Луны»: [стихи]; пер. с ног. Т. Кузовлевой и В. Савельева. М., 1975 // Литературное обозрение. – 1976. – № 1. – С. 60–61.

На ногайском языке:

1. Амангулова Д. Кадриядынъ эстелигине // Шоьл тавысы. – 2003. – 22 июль. – № 59–60. – Б. 8.
2. Батыров С. Йолыгысув // Ногай поэзиясынынъ антологиясы. – Махачкала: Дагест. кн. изд-во, 1996. – Б. 59–60.
3. Каракаев Ю. Оьмирлерге – яс // Шоьллик маягы. – 14 дек. 1978 г.
4. Курмангулова Ш. Тав данъылдан басланады // Тувган ерим. – Махачкала, 1974. – Б. 79–80.
5. Нурдинова Г. Кадриядынъ хатларын эскерип // Шоьл тавысы. – 2004. – 10 авг. (№ 63–64). – Б. 4–5.
6. Оразбаев К. О поэзии Кадрии // Архив Кадрии.
7. Рахмедов С. Ногайымнынъ Шолпаны // Шоьл тавысы. – 2002. – 15 янв.
8. Саламов С. Кадриядынъ эстелигине // Шоьл тавысы. – 2004. – 27 янв. – № 7–8. – Б. 2.
9. Суюнова Н.Х. Йок, босына берилмеген мага илхам... (Кадриядынъ яратувшылыгы акында) // Ногай давысы. – 2003. – 4 авг. – Б. 3.

На лакском языке:

1. Рамазанова П. Кадриян 50 шин хьунтИссия гьашину // Илчи. – 1999. – 20 авг. (№ 34). – чІ. 20.

**ПОСВЯЩЕНИЯ.
ВОСПОМИНАНИЯ О КАДРИИ**

КАДРИЯ⁵¹

Вижу кровь, замирая от боли,
Опаленные вижу крыла...
Кадрия, горской музыки давно ли
Ты заветной надеждой была?

Не Ногайской степи грамотейкой,
В этот мир прискакавшей верхом,
А застенчивою чародейкой
Ты вошла и блеснула стихом.

Кто, на жизнь молодую позарясь,
Смог злодейства исполнить приказ?
Не стекляшки ли черная зависть
Погубила бесценный алмаз?

Черноброва, тонка, смуглокожа,
Сделав сестрами звезды ночей,
Ты была на японку похожа
Азиатским разрезом очей.

Стонет Каспий с тобою в разлуке.
Кадрия! – Рвется на берег он.
Это я! – Протяни к нему руки,
Отзовись, выходя на балкон.

Кадрия! Кадрия! – Это чайки
У раскрытого кличут окна.
Почему в нем не видно хозяйки,
Или нас позабыла она?

---

⁵¹ Печатается по тексту: Р. Гамзатов. Кадрия / Кадрия Темирбулатова. Ырланмаган йырлар (Неспетые песни). Сборник стихов. – Махачкала, 1999.

Не тебя ль белый ангел успеха,
Выше черных вознес небылиц
Отзовись, отзовись словно эхо,
Зову моря и клёкоту птиц.

Не Анхил ли Марин вспоминалась
И не Анна ли Франк мне, когда
Лет прожившая самую малость
Закатилась, словно звезда?

В лунном свете и в сизом тумане
Ты поешь нам, куда ни ступи:
«Может не было б гор в Дагестане,
Не раскинь я Ногайской степи».

Вижу степь у подножия кручи,
А в степи – затерявшийся след.
И не твой ли, пробившись сквозь тучи,
Льется с неба таинственный свет?

Перевод Я. Козловского

ЮННА МОРИЦ

* * *

Над волнами каспийской пучины⁵²
Город ветренный Махачкала.
Там зарезали ночью мужчины
Поэтессу, чья жизнь умерла.

Говорят, красотой небесной
Ее гений кого-то дразнил,
И за это, по дикости местной,
Ее суд кровожадный казнил.

Улыбаются мстительно жены,
Вспоминая о ней без любви.

---

⁵² Печатается по тексту: Ю. Мориц. В логове голоса. Сборник стихов. – М.: Московский рабочий, 1990.

Но какой-то порок напряженный
Улыбается с ними в крови!
Если б нравы их не были жутки,
Я дала бы им добрый совет:
О, курдючные овцы и утки, –
Хуже нет, чем убитый поэт!

Ваша жертва поет, не смолкая,
Про чудесные ваши края,
Где цвела ее плоть несвятая,
Имя, полное тайн, – Кадрия.

И когда ее пенью я внемлю
На заоблачных синих лугах,
Вижу день я, когда вы на землю
Приползете на многих ногах.

АТКАЙ

КЪАДРИЯГЪА⁵³

Ногъай чёл, ювшан тёбе –
Торгъай бозлай кёгюнде,
Кекели мунглу гёбе
Биз батгъандай гёнгюне.

Ногъай чёл, пашман тёбе,
Тёбе башда тюльпан гюл.
Илбис гесгендей тёре
Гюлю яллап, кьалды кюл.

Йырав олюп йыр кьалды
Тынглаз йимик кьарт дюнъя.
Чечилмеген сыр кьалды
Чечегингден, КЪАДРИЯ.

---

⁵³ Печатается по тексту: Аткай. Юрек ювукъ, ел айланч (Тропою надежды). – Махачкала, 1991.

КЪАДРИЯМ⁵⁴!

Толгъуларым толкъунлатып
Гёнгюревге дёнсе дюнъям,
Чёллени ал гюнюн тартып
Кюлей чыгъа Къадриям!
Сраждинни расамларын
Тюшюндюре сырына,
Янаша гъис ясаймандыр
Кошманбетни йырына.
Асруланы авлап алып
Аслам ойгъан гъызларын –
Турна гёзлю уланлары,
Чолпан юзлю къызлары.
Сырыбыз бир,
Йырыбыз бир,
Торгъай англы ногъайым!
Сёзюбюз бир,
Озьюбюз бир,
Туран танглы ногъайым!
Къаныбыз бир,
Жаныбыз бир,
Къутлу къавум, бююк тан...
Деврен хатынг,
Дер къысматынг,
Варакъ оя, Къадриям!..

КЕЛДИХАН КУМРАТОВА

НОГАЙ ШОЪЛДИНЪ ЮРЕГИНДЕЙ⁵⁵

Кадрядынъ эстелигине.

Атлан, атлан, атланганда ногоай кыз,
Узак йоллар кашласыпты алдында.
Ат уьстине олтырганда йигит кыз,
Йырлар ушкан туягыннан, шапканда.

⁵⁴ Печатается по тексту: Алишева Ш-Х. Хасирет-наме. Т. 2. – Махачкала, 2008.

⁵⁵ Печатается по тексту: Кумратова К. Кызыл шылма (Красная алыча). Сборник стихов. – Черкесск, 2000.

Йырлар, йырлар, сиз – канатлы кырлувлар,
Мойыншак сиз шоьллигимнинь мойнына.
Йырлар, йырлар, атлы кыздынь йырлары
Кызув коскан юрегимнинь отына.

Ногай шоьлдинь юрегиндей дуьнькилдеп,
Тулпарынънынь туякларын эситемен.
Адым сайын аяклары дирилдеп,
Ат иерин иесиз мен коьремен.

Куьн саьвлели шоьл кызымыз, Кадрия,
Ысламады сени атынь – дирегинь.
Саьвле туьскен мезарынъды коьрип мен,
Етим калган юлкынады юрегим.

КАК СЕРДЦЕ НОГАЙСКОЙ СТЕПИ

Памяти Кадриш

Эй, не мешкай, поспевай-ка
Оседлать лихих коней...
Села на коня ногайка,
Сто дорог открылось ей!
Иноходца погоняет,
Мчится девушка-джигит.
Искрой песня вылетает
Из-под кованных копыт.

Песня грусти и веселья,
Словно в небе журавли,
Как степное ожерелье,
Украшение земли.
Песня всадницы прекрасной
Юного огня полна,
Ты сердца джигитов страстных
Раскалила докрасна!
По земле, посланец райский,
Бьет копытом твой тулпар.
Это пульс степи ногайской,

Внятен каждый мне удар.
Слышу стук копыт в долине,
Ночью в предрассветной мгле...
Бродит конь в степи поныне, –
Нет наездницы в седле.

То не солнце опалило
Лебединые крыла, –
Одолела злая сила,
Ненависть врагов сожгла.
И когда заря займется
Над землею, Кадрия,
Сиротливо сердце рвется,
Вся в слезах душа моя!..

Перевод А. Ануфриева

СРАЖДИН БАТЫРОВ

ЙОЛЫГЫСУВ⁵⁶

*Кобьрген эдим ол хатынды тентип юрген якларда...
Кадрия*

Туьн де туьсти, кара яюв оралып,
Калдым ялгыз, тынык туьнди байырлап.
Кобьккоьз-коьре мине тагы расамыз,
Болган ойлар, ашыклыкты айтармыз.

Алгасамай, яйлы болшы кеткеншей,
Таньгы саьвле кенъес соьзди боьлгеншей.
Такка минип, кавсыратып кевденьди,
Каравынъ ман мени сынап ат таьгдерди.

Бек таныйман энип турган келпетинъ,
Тек эсимде сенинъ сонъгы каравынъ.
Сол каравынъ – неге мунълы болганы,
Айтаяктай соьзинъ бар ма, сырларынь?

⁵⁶ Печатается по тексту: Ногай поэзиясынынъ антологиясы / Сост. А. Култаев.
– Махачкала, 1996.

Сен асыкпа, айтпасанъ да – сезуувде,
Сырларынъ да – деспи маржан эзуувде.
Сол сырларда – куезинъ эм суьйгенинъ,
Тынышсыздан телезийген юрегинъ.

Ак яйылган олтыргышка еткендей,
Олтыргансынъ сен янма-ян келгендей.
Эм бу туьнлик, ызлар сонда барувы,
Бу яшавдынъ терезеден каравы.

Каркыраган актан кийген коьйлегинъ –
Той коьйлек пе, етпей калган сагынынъ?
Яде болса... яде болса кебининъ?
Ал такыя – ак тастарсыз куьнлеринъ?

Оьмир етпес тентип юрген якларда
Не зат коьрдинъ, не зат таптынъ акларга?..
Эш явапсыз, уьнсиз турган суьвретен
Сезбей эдим йылув йогын ошактан.

Шайыт маьлек мени ойдан уянтып,
Терезеден ушып кетти ойланып,
Туьн де туьсти, кара яюв оралып,
Калдым ялгыз, тынык туьнди байырап.

ФАРИДА СИДАХМЕТОВА

САЗ⁵⁷

Кадриядынъ эстелигине

Домбра шегим,
Азат шегим,
Шет-кыйырсыз шоьлдинъ
Оьмир бойы
Азап шегип
Келген бакытын боьлдинъ.
Домбра сазым,
Кайгы сазым,

⁵⁷ Печатается по текстам: Сидихметова Ф. Ак оьрнек (Белый узор). Сборник стихов. – Черкесск, 1991; Ф. Сидихметова. Язувым – язув (Судьба моя – поэзия). – Черкесск, 2020.

Дунья бийлеп юздинь.
Оьтти язынь,
Оьлди кызынь,
Сарнавыньды уьздинь.
Сол домбрады
Колларыма,
Юрек толып,
Алдым.
Онынъ азат кылларына
Аksam намаз кылдым.

КАДРИЯГА

Сен бу ерге
Ямгыр болып энгенсинь,
Ямгыр болып,
Шоьллигимди яйнаткан.
Сен халкымды
Бир оьрмеге оьргенсинь,
Эслей келип,
Бакты бизди яйраткан.
Энди халкка
Сен калгансынъ
Таслайын –
Сыдыра ман
Еньмеге де
Йок куьшинь...
Ах, неге сен
Кетгинъ бизден яслайын,
Яланъаяк,
Яланъюрек бозлавышы...

* * *

Аз язаман...

Кадрия

Карлар ирип,
Куьн язылган –
Ер сувга тойсын.
Манълайынъа
Не язылган –
Тап сога бойсын!

Яманлардынъ
Ялганыннан
Буьгуьн ким кашар?
Бир Алладынь
Буйрыгына
Табынып яша!
Коп ойланып,
Аз язаман...
Юректе – кызув.
Эл алдында мен тазаман,
Язувым – язув.

ЗУХРА БУЛГАРОВА

ШОЪЛ. КОЪК ЕЛЛИ. КАДРИЯ⁵⁸

– Танысайык, – деп киремен эсиктен.
Коьк Еллидинъ кумлы ерин таптайман.
Уьнсиз яткан ян коркыткан мезарда
Уьйкен таска, ойлы болып, карайман.

– Танысайык, – деп, ювыклап янасып,
Сувык тасты аяларым сыйпайды.
Коьзясларым коьмекейде кайнасып,
Юрегимнинъ буьлкилдевин тынълайды.

Темир шынжыр, шайкалма сен тынык куьн,
Яс янымды коркытпашы босына,
Ким биледи, белки мен де, ахыр куьн
Тутанарман оьз соьзимнинъ отына.

Танысайык, сыйлы аьптем, Кадрия!
Кол алувсыз, коьз куьлуьвсиз, тыныкта.
Танысайык бирге юрген сокпактынъ
Кафиялы терегининъ ыгында.

Сен юргенсинъ сосы йол ман абытлап,
Тептеринъе коьп сыдыра тоьгилди.

⁵⁸ Печатается по тексту: Булгарова З. Нар танъым (Гранатовый рассвет).
Сборник стихов. – Черкесск, 2010.

Ах, исединъ, исединъ сен алгасап,
Билгенлей-ав кыскалыгын оьмиринъ!

Калмадынъ сен, коьп коьрдилер биревлер
Ногай кызы бийик йолды алганын.
Коьп коьрдилер (иши коьпсин олардынъ!)
Халкынъ уьшин, яынъ суьйип, язганынъ.

Тынышынъа ятшы, аьптем, Кадрия,
Сувык тасты йылы суьйип кайтарман.
Айтылмаган соьзлер уьшин кыйналма,
Мен оларды, сендей этип, айтарман.

САЛИМЕТ МАЙЛЫБАЕВА

СЕН БИЗИ МЕН, КАДРИЯ!⁵⁹

Карагыстынъ карлы куьнин иритип,
Сылтыраган симсир ава ийилтип.
Шоьлимизге Кудай кызды эндирди.
«Эл оьрлен!» – деп оьнерликти эмдирди.

Туьрли эди ол коьплердинъ ишинде!
Атайлардынъ дестанлары тилинде.
Асыл ойы уйкы бузган туьнинде,
Тентиреткен юректинъ терменинде.

Тек ногайы! Ногай турган тогайы!
Кумы, коьли, коьгоьлени, куврайы,
Бирде куйын, бирде ялын соьзлери.
Яманлыкка ынанмаган коьзлери.

Елпилдеткен еллер ога йылы анъ,
Тамшылар ман юзин ювган таза танъ.
Сезип билген оьленин де, шоьбин де,
Ерди оьпкен коькшил таза коьгин де.

⁵⁹ Печатается по тексту: «Шоьл тавысы» («Голос степи») от 13 декабря 2018 г.

Ах, Кадрия, барма экен сендей кыз?!
Бийикликке коркпай ушкан яп-ялгыз.
«Халкыма!» – деп сермеп алып коьк юлдыз,
Ягып кеткен соьнмейтаган ярык ыз.

Коьз алдыга аькелип бал шагынъды,
Кишкей бала окыйды ятлавынъды.
Сыдыранъа тоялмайды суьйгенлер,
«Мени язган!» – деп айтады нешевлер.

Авыр аьлди сезип билген Кадрия!
Дерт таркатып йырлап билген Кадрия!
Оьнеринъе суьйинген де коьп болды,
Куьншиликтен туьйилген де коьп болды!

Ак баскыш пан минген сайын йогарга,
Йырлар ушып данъылларга, тавларга.
Анълып турды артынънан аясызлар,
Кан ишкенлер, дин муткан Алласызлар!

Тек олардынъ халкка куьши етерме?
Мынъ кылышы халкты тилсиз этерме?
Атынъды айтып сукланады дуныя,
Оьмирлерге сен бизи мен, Кадрия!

ЭЛЬМИРА КОЖАЕВА

КАДРИЯ⁶⁰

Алтын куьннинъ саьвлесиндей,
Нур себесинъ, Кадрия,
Шоьлим нурды синъдиреди,
Калшедей, данъылларда.
Аksam юлдыз йоллары ман
Сен кезесинъ, Кадрия,

⁶⁰ Печатается по тексту: Кожаяева Э. Тень моей души. – Махачкала, 2016.

Сол йолларда биз расамыз
Терен коьлдей ойларда.
Сувдыраган тоьстуймеде
Шынъырдайсынъ, Кадрия,
Сол капталды кийип шаркка,
Куванады Ногайым.
Домбырадынъ толгай шегин
Соьз айтасынъ, Кадрия.
Сол сазынъды тынълап халкым
Козъ яс суьрте мунъайып.
Ак туьединъ ботасындай
Авлакларда, Кадрия,
Бийик тавдай ак кумларда,
Кенъ юресинъ, оьктемсип,
Анайлардынъ ак шашындай
Тастарында, Кадрия,
Козъ авадан, ак кар болып,
Явасынъ сен, телезип.
Ак кийиздинъ оювында
Ушкан кустай, Кадрия,
Кийизинъди тамга илип,
Сукланады ногайым.
Янъы тувган саьбийлердинъ
Бесигисинъ, Кадрия,
Сол бесикти ана шайкап,
Акырын йырлай йырын.
Бурынгыдан калган аьдет,
Кеткенлерди эскеруьв.
Сен кетсенъ де, келесинъ
Янъы эсте, Кадрия,
Ногай шоьлдинъ йигерлиси,
Шайир кызы, Кадрия,
Таьтли танъда коькте аткан
Ногайымнынъ Шолпаны.

ШОЪЛДИНЪ САЗЫ⁶¹

Суьйим отган энген юрек сазларынъ,
Яслыгынънынъ бас намазы сен эттинъ,
Кезди олар кенъ шоьлинънинъ язларын,
Йырларынъ ман юреклерге сен еттинъ.

Ата юрттынъ тогайлары, тойлары,
Йырларынънынъ ян тамыры болдылар.
Ногай кыздынъ ярык янган ойлары,
Нурлары ман халк коьньилге кондылар.

«Ох, замансыз кете ерден шайирлер»,
Сокпагынъда халк коьзясы ямгырдай.
Ай куьлкинъди ябып кетти коьк туьнлер,
Говзел дуньянъ – оьмир дазув толкындай.

Сен суьйикли кызыл гуьли халкымнынъ,
Карлыгашы аьр язлыкты сагынган.
Занъыраган оьнер сазы сен шоьлдинъ,
Ногай ерин узакларга таныткан.

ЛАРИСА АБДУЛЛИНА

МАКОВОЕ ПОЛЕ⁶²

Ногайской поэтессе Кадрии Темирбулатовой

От горизонта и до горизонта
Пылает степь, как пламя на ветру!
И, кажется, стучат подковы звонко,
И скачет всадник к белому шатру.

⁶¹ Печатается по тексту: Кадрия Темирбулатова. Йырланмаган йырлар (Неспетые песни). Сборник стихов. – Махачкала, 1999.

⁶² Печатается по тексту: Л. Абдуллина. Маковое поле // Бельские просторы. Ежемесячный общественно-политический и литературно-художественный журнал. – № 8 (273). – август, 2021. – С. 5–6.

Не эти ли пылающие маки
Так пламенно любила Кадрия?..
Они, как войско, скрытое в овраге,
Дух предков от забвения хранят.

Не в них ли слезы девушек ногайских,
Скорбящих о погибших женихах?..
Неистовая кровь закатов майских
И саван ночи, схоронивший прах?

Не в них ли слышен зычный глас акынов,
Грохочущий, как яростный набат?..
И не из этих песен ли полынных
В степи зачался Кадрии талант?

Не из огня ли своего народа
Ты родилась, чтоб ярко петь о нем?..
Как маковое поле, через годы
Сама ты стала светом и огнем!

От горизонта и до горизонта
Пылает степь, как пламя на ветру!
И, кажется, стучат подковы звонко:
«Я не умру, народ мой, не умру!»

Перевод М. Колюбакиной-Ахмедовой

СВЕТҚАЛИ НҰРЖАН

«ҚҰСЖОЛЫ». ӨРТ-ЖЕЛКЕНДІ АҚ КЕМЕ⁶³

Қадрияның рухына

О Қадрия, барасың жырақтап неге?
Қызғалдақ күйде кім сені өртеп жіберген?
...«Құсжолыменен» «Қадір түн» бір әппақ кеме
Жүзіп баратад... қызыл өрт желкенін керген...

⁶³ Публикуется впервые в настоящем издании.

Қазақ пен ноғай сүйреткен қайың құрықтың
Тозаңы сынды Құсжолы... шалқиды желі...
Нөсерлі түнде «жарығы айындырықтың»
Шарпиды әппақ кемеңі... шарпиды мені...

Құдайды «тезге салатын» бәз ертектегі
Абызша кейде «тергеймін» Тәңірияны:
«Суворов-сойқан ноғайды аз өртеп пе еді,
Неге аман сақтап қалмадың Қадрияны?!»

Құл менен күлден қорғады қарғам нұр жүзін,
Зіл-табандар кеп таптады гүлімді барша...
Қорғансыз жұрттың өрт-жүрек арманды ұл-қызын
Жендеттер өртеп, отына «жылынды» қанша!

Қорғай алмады қор елім зиялы қызын,
Ай еді ол туған тұманда зер төгіп көктен!..
«Заңгер» мен «дәрігер» қояды «диагнозын»:
«Өзінің жүрек-отына өртеніп кеткен!..»

Қара түн маған тағы да тап-тап береді,
Ақ Сәуле керек, білемін, түнек түретін:
...«Құсжолындағы» көресің әппақ кемеңі –
Лапылдата алсаң, – «Қадір түн» Жүректің отын!..

РАСУЛ ГАМЗАТОВ

*УТРЕННЯЯ ЗВЕЗДА*⁶⁴

Утреннюю звезду Венеру ногайцы, называют Чолпан. Что же, имен у этой звезды много, но суть одна: для всех народов она сияет на небосклоне дольше других. Венера, Чолпан – она словно прорастает из ночи на утро, покидая небосвод только тогда, когда ее свет сливается с родниковым светом зарождающегося дня.

Ногайскую поэтессу Кадрию Темирбулатову жители ее родного села Терекли-Мектеб называли Чолпан.

Кадрия была красивым человеком и поэтом божьей милостью.

Поэтический дар Кадрии обнаружился еще во время ее учебы в Дагестанском педагогическом институте, куда она поступила после окончания Терекли-Мектебской средней школы. К этим годам относятся и ее первые публикации стихов на родном языке.

Кадрию заметили в Союзе писателей Дагестана, посоветовали поступать в Литературный институт имени М. Горького.

В этом единственном в мире институте не учат на поэтов и писателей.

Здесь помогают формированию мировоззрения, способствуют углублению литературного вкуса, расширению кругозора, росту интеллекта. Это возможно потому, что здесь существует важнейшее условие для мужания таланта, а именно: высокого уровня литературная среда. Человек, который стремится к совершенствованию, может здесь обрести многое.

И Кадрия обрела. Голос ее окреп, стихи стали глубже по мыслям и чувствам. Сфера действия стихов Кадрии значительно расширилась, ибо возрос ее интерес к общечеловеческим проблемам:

В подлунном мире, где огромно горе,
Что перед ним я крошечно мала...

---

⁶⁴ Предисловие к сборнику стихов: Кадрия. Дочь степей. – М.: Современник, 1984.

Кадрия была участником Всемирного форума женщин и Всесоюзного фестиваля поэзии, делегатом съездов писателей Советского Союза, России и Дагестана.

Книги Кадрии издавались на родном языке в Махачкале и Черкесске, на русском языке – в Москве.

Кадрия была лауреатом премии Дагестанского комсомола.

Очень трудно о Кадрии говорить «была». Ее жизнь трагически оборвалась в расцвете сил и таланта. Но свет ее поэзии не исчез. Так не исчезает и долго еще лучится свет погасшей звезды.

Земляки называли ее Чолпан.

КАЙСЫН КУЛИЕВ

ОБ АВТОРЕ⁶⁵

Когда приходится писать о ком-либо из женщин – поэтов горской национальности, мы начинаем с того, что она первая или одна из первых в поэзии своего народа, мол, до нее женщины стихов на этом языке не писали. Оно и понятно – ведь горцы Кавказа получили письменность только с приходом Советской власти. А все же, когда речь идет о поэте, главным остается дарование. С него мы и начнем свое краткое слово о молодой ногайской поэтессе Кадрии. Прочитав ее стихи, я поверил, что она даровита. Только поэтому и решил написать о ней.

Ногайцы – народ, известный истории. У них богатейшая изустная поэзия, с которой я, к своей радости, знаком в силу близости балкарского языка к ногайскому. Кстати, это обстоятельство и дает мне право говорить о стихах Кадрии как о поэзии ее народа. Кадрия родилась в Дагестане, там ее дом, ее родной очаг. Она связана с родной землей, стихи ее идут от жизни, чувствуется почва. Я сужу не по переводам. Перевод, каким бы близким он ни был, только в редких случаях передает жизнь оригинала.

В стихах Кадрии есть серьезная мысль, образность, сердечность, любовь к жизни, к людям родной земли. Она чувствует и ощущает все, что дорого человеку, – силу земли, свежесть хлеба, чистоту воды, белизну снега, новинку дождя,

---

⁶⁵ Предисловие к сборнику стихов: Кадрия. Улыбка Луны. – М.: Молодая гвардия, 1975.

высоту гор, свет звезды, мудрый покой деревьев, их вечность, радость жизни и горечь смерти. Ей дорог труд людей, она старается понять их боль и тяжесть неизбежных утрат словом, ей дорога жизнь. Без этого не может быть поэзии. Это и кажется мне первым свойством таланта. Веря в то, что Кадрия найдет свое достойное место в советской поэзии, хочу пожелать ей счастливого пути!

ТАТЬЯНА КУЗОВЛЕВА,
поэт, переводчик, публицист,
г. Москва

«ЗЕМЛЯ, БЛАГОСЛОВИ МОЮ ДОРОГУ...»⁶⁶

Заметки о поэзии Кадрии Темирбулатовой

В жизни бывает так, что даже короткие, нечастые встречи остаются в памяти гораздо дольше, сохраняются резче, яснее, чем, может быть, многолетние приятельские отношения.

Так врезались в мою память считанные пересечения с замечательной ногайской поэтессой Кадриёй.

Мы встречались с ней, как правило, в Центральном доме литераторов, когда Кадрия прилетала в Москву – узнать о судьбе первой книжки «Улыбка Луны», передать мне подстрочники новых стихов. Последние (воистину, *последние!*) две встречи были связаны с её участием в Фестивале молодёжи и студентов, проходившем в Гаване в 1978 году. Кадрия была очень оживлена, улыбка не сходила с её лица, она словно светилась изнутри. Это свечение заряжало светом всех, кто был рядом. Она спешила, мы договорились встретиться после её прилёта из Гаваны там же – в Доме литераторов, она расскажет подробно о фестивальных впечатлениях, и мы, наконец, сможем по-человечески поговорить.

Но вместо этого пришла горькая весть о её гибели. Подробности чуть позднее мне рассказал её однокурсник по Литинституту, побывавший в те же дни в Махачкале. Что толку их пересказывать – Кадрии больше не было на свете...

Итак. В начале 70-х издательство «Молодая гвардия»

⁶⁶ Публикуется впервые в настоящем издании.

передало мне и Владимиру Савельеву, поэту и переводчику, подстрочники молодой ногайской поэтессы Кадрии Темирбулатовой, – предполагалось издание её первой тоненькой книжки на русском языке «Улыбка Луны» в серии «Молодые голоса».

С первых строк стало ясно, что по эмоциональному накалу, яркости и широте поэтического кругозора Кадрия – самобытный, серьёзный, глубокий поэт, стихи которого не могут обесцветить даже подстрочники. (Говорят, что любой подстрочник – это поцелуй через стекло.)

Однако сильный и чистый голос Кадрии пробивался через подстрочник, забивал его, звучал открыто, страстно, вдохновенно.

Первую ее книжку и Владимир, и я перевели на огромном подъёме. Мы читали друг другу вслух только что переведенные строки, поражаясь их живой, открытой интонации, талантом автора, гибко соединяющим далёкое прошлое и сегодняшний день. «Наследница вольной степи», Кадрия храбро воскрешала голоса предков, по праву кровного родства обращалась к чабанам на дальнем пастбище, доверяла читателям самое сокровенное – незамутнённую расстояниями любовь к родному очагу и вечно зовущей к нему дороге, доверяла тайну влюблённости и горькое разочарование мимолётным увлечением, философские размышления о жизни и смерти.

Она могла мастерски выстраивать лирические диалоги со своей судьбой, диалоги, которые вели с женщиной, объединившись, и море, и гора, и земля, и сама жизнь.

Особое место в творчестве Кадрии занимает блистательная, на мой взгляд, поэма «Сказание о любви», достойно переведённая Владимиром Савельевым. В ней оживает древняя легенда о драматичной судьбе двух влюблённых, о всевластии суровых устоев прошлого, непримиримо восстающего против двух любящих сердец. Казалось бы, сюжет не нов. Но живые образы поэмы настолько убедительны и многогранны, их дыхание, поступки, сама природа вокруг них настолько национально осязательны, чувственны и одновременно целомудренны, что воспринимаются по-кинематографически объёмно. Финал звучит, как реквием по любви и одновременно как вера в её бессмертие. Интонация Кадрии угадывается с первого прочтения. Жаль, что поэма пока остаётся только на бумаге.

...Горько говорить о Кадрии в прошедшем времени. Ей была суждена долгая и светлая дорога к поэтическому Олимпу не только её родины, но и общечеловеческой культуры.

Пусть так же долго и светло живут её строки.

Она из тех, кто и после ухода остаётся гордостью своего народа.

КАЗБЕК СУЛТАНОВ,
*доктор филологических наук, профессор,
г. Москва*

* * *

Потребность в самостоятельности, желание найти свой путь обретают во многих стихах молодых дагестанских поэтов программное значение⁶⁷.

Душевной незащищенностью, обнаженной тревогой пропитаны стихи Кадрии, но посмотрите, какой дерзкой полемической определенностью наполняются ее строки, стоит только затронуть заветную струну душевного мира:

Ни помощи, ни сострадания
Ни в чем и ни в ком не ищу.
И, если чего-нибудь захочу,
Только сама добьюсь.

Здесь и далее подстрочный перевод – К. С.

Рождение слова для Кадрии, например, окружено ореолом святости. Слово именно рождается, как все живое. Были у нее, конечно, и другие строки, не рожденные чувством, а сделанные рассудочно. Помнится, какой нескрываемой горечью было пропитано одно из ее стихотворений:

Но вижу я и мертвые свои стихи,
И плачу над ними,
Как мать над мертвыми детьми.

---

⁶⁷ Из статьи «Преодоление, как путь (о молодой поэзии Дагестана)» // Молодые о молодых. – М., 1981. – С. 105–110.

Так завершается стихотворение «Стихи рождаются как дети». Ситуация драматизирована до предела. Стихотворение, как и вообще короткое по времени творчество Кадрии, лишено манерности. Питательная почва ее признаний – выстраданное переживание. Откуда это, спросите вы, в молодой девушке при отсутствии протяженного биографического опыта? Не привнесено ли со стороны? Не знаю, откуда, но стихи, «свидетели живые», говорят: «Это свое, незаемное, непривнесенное». Дело, очевидно, во внутренней интенсивности душевного отклика на «все впечатления бытия». Она-то и обеспечила выстраданность и такую откровенность поэтических строк.

БИЙКЕ КУЛУНЧАКОВА,
*Народный писатель РД,
г. Махачкала*

* * *

Бог из множества людей выбирает одного, чтобы ниспослать ему дар бесценный. Эту волю Всевышнего нужно исполнять на Земле⁶⁸... И потому за лишение жизни таланта – расплата, наверное, будет особо тяжкой...

Сколько могла бы написать Кадрия за непрожитые ею годы!.. Сколько сердце покорила бы своим зажигательным искренним словом!

Кадрия верила, что мир спасет доброта. В «Спасенных звездах» судьбы людей она видит звездами на небе, олицетворяя этим связь человека с космосом, ощущая неотделимость Земли от Вселенной...

За нее остались жить ее стихи. Они превратились в яркий отсвет далекой звезды, которую она заметила еще в юности. Даже то, что успела написать Кадрия, оказалось достаточным, чтобы увековечить ее имя...

Пройдут еще десятилетия, уйдут из этого мира ее живые современники, уступив место «младому незнакомому племени», но поэзия Кадрии будет жива для мира. Поэтическая вселенная уже давно отвела для талантливой дочери степей достойное место.

---

⁶⁸ Печатается по тексту: Бийке Кулунчакова. Свидетели двух эпох. – Махачкала, 2011. – С. 91–96.

ИСА КАПАЕВ,
Народный писатель КЧР,
г. Черкесск

* * *

Ногайскую поэтессу Кадрию зверски убили и сожгли⁶⁹... Предчувствие этой трагедии задолго до истинной смерти ощущается в ее стихах. Ее поэзия, подобно чистоте утренней росы, была неестественной в мире грязи и бесчестия.

Кадрия – цветок, рожденный и погубленный ненастьем. Появление поэтессы такого уровня для нашего народа было явлением преждевременным.

Кадрия – летящая звезда, появившаяся на небосводе и исчезнувшая навсегда.

Она в стихах часто обращалась к звездам.

Страшная смерть, связанная с огнем, ей была уготована, чтобы осветить человечеству ее поэзию.

К сожалению, иные из русских переводов зачастую не соответствуют оригиналу стихотворений. Необходимы новые переводы...

Яркая жизнь и столь же необычная смерть – все это говорит о незаурядности Кадрии.

Моя повесть «Гармонистка» посвящена ее незабываемому образу.

Наши соотечественники еще вернутся к поэзии Кадрии. И каждый раз она будет порождать вздох сожаления.

Наш древний поэт Юсуф Баласагун писал:

Печаль и тоска проходят,
Остается лишь сожаление.

Кадрия написала свою Книгу сожалений.

Истинные художники всю жизнь пишут одну эту книгу. «Тихий Дон» М. Шолохова, «Шум и ярость» У. Фолкнера – это книги сожалений об уходящем навсегда.

---

⁶⁹ Печатается по тексту: Иса Капаев. Мониста. – М: Голос-Пресс, 2008. – С. 180–181.

СЕЙДАХМЕТ РАХМЕДОВ,

журналист,

Заслуженный работник культуры РД

* * *

Уый библиотекамада белгили шайирдинъ ана эм орыс тилинде баспаланган баъленше китапларын тагы да бир актарып карайман эм «Ногай язувшылары эм шайирлери мен язысув» деп атаган йыйнагымдагы хатларды, бугуьн алгандай этип, окымага алгасайман⁷⁰. Кобзлериме Кадриядынъ хатлары илинедилер.

Кадрия Терекли-Мектебте тувган эм коьзимиздинъ алдында оьскен. «Болаяктынъ – боьркиннен», – деп халкым босына айтпаган. Школада окыйтаган йылларда Кадрия ятлавлар язатаган эди. «Рифмалар кешелерде куьлерткидей анъсыздан келетаган эдилер, – деп эскереди ол, – эм мен олардан ювыркан астына тыгылатаган эдим. Балалар кырда ойнайдылар, а мени рифмалар тынышсыздандырадылар – белки, сондай авырув болган. Тек ол оьзи-оьзиннен оьтпеди».

Терекли-Мектебтинъ А.-Х.Ш. Джанибеков атлы орта школа-сын кутарып, болаяк шайир Дагестан пединститутынынъ филология факультетине туьскенде, аьвелги «Шоьллик маягы» газетамызда кызымыздынъ коьнъилин коьтерейик, бавырлайык деген ниет пен «Сокпагынъ йолга айлансын» деген макалады яздык. Ерли язувшылар ман йолгыс озгарган заманда, оьзимиз бен Кадрияды да алып юрдик. Ол район яшавшыларына ятлавларын окыйтаган эм келеекке мыратлары ман боьлисетаган эди.

Оны ман байланыс институтта окыйтаган йылларда да йойылмады. Кадриядынъ яратувшылыгы акында «Комсомолец Дагестана», «Дагправда», «Ленин ёлу» (кумык тилинде) газеталарда, «Дослук» (кумык тилинде), «Советский Дагестан» журналларында язып турдык, ятлавларын ерлестирмеге коьмек эттик.

Оьзининъ хатларында Кадрия, институтта окыса да, Гамзат Аджигельдиевтинъ ятлавларын орыс тилине коьширтсек экен, кумык тилинде шыгатаган «Дослук» журналында ногай язувшыларына бир неше бет бермеслерме экен деген маьселелерди коьтеретаган эди. Карашай-Шеркеш еринде яшайтаган

⁷⁰ Архив Кадрии. Текст предоставлен С.У. Язлыбасовой-Темирбулатовой.

шайир кызымыз Келдихан Кумратова ман байланыс тутпага тилек салатаган эди.

Пединститутта уш йыл окыганы «елкесин кессе де», ол М. Горький атлы Литературалык институтуна туьсти. Элбетте, аьрув де этти.

«Яс болса да – бас» деп, ногоайым билмей айтпаган болар. Йырма бир ясында Кадрия ана тили акында маьселеди коьтереди эм озининь ойларын халкынынь алдына салады:

Ынанмайман тилди муттым дегенге,
Тилди муттым дегенге ынанмайман.
Сосындай аьдемлерди неге ди
Инсанга мен бир де санамайман, –

деп язады ол ногоай тилиннен окытувшысы Оьлмес Куьсеп кызы Толубаевага багысланган ятлавында.

Биз оьктемсиймиз Кадриядынь бизим Терекли-Мектеб авылымызда тувганына, Терекли-Мектеб орта школасын кутарып, кень адабият дуньясына абыт эткенине.

Халкынынь бай авызлама яратувшылыгын Кадриядынь аьрув билгенине, усташа кулланып болганына онынь яратувшылыгы аян шаатлайды.

Кадриядынь яшавы ногоай адабиятында, айындырык ярыгындай болып, яркырап оьтти. Онынь ятлавлары бизим адабиятымыздынь бавында ак юзим болып калган.

*КОШМАМБЕТ ЗАРМАНБЕТОВ,
ногоайский певец, композитор,
Республика Дагестан*

ИЗ ДНЕВНИКОВЫХ ЗАПИСЕЙ⁷¹

Только приехав в Махачкалу, я узнал эту страшную весть. Сознание никак не могло принять ее. Как чудовищно звучало: «Убили Кадрию!» Да, нет больше у нас Кадрии. Ее убили. Жестоко. Подло... Осиротела поэзия. Кого она потеряла!

⁷¹ Печатается по тексту дневниковой записи К. Зарманбетова (1955–1990) ногоайского певца и композитора / Архив. Предоставлен братом певца, художником и скульптором К. Зарманбетовым.

Осиротел наш маленький народ, у которого не так много знаменитостей. Может, самой яркой звездой была Кадрия...

Нет, Кадрия не должна была уйти так рано. Не имела права. Истинные служители поэзии есть ее хозяева. Благодаря только им и живет она. Только благодаря таким, как Кадрия, поэзия обогащает, созидает человека. Кадрия была верна ей. Она сама была жива, счастлива ею. А теперь нет Кадрии... Сколько откровений, признаний, чистых мыслей, горьких чувств останутся не воплощенными в слове! Но уже и то, что оставила поэтесса, – много. Ее поэзия будет жить долго-долго, будет волновать человека, благодаря ей еще не одно дарование откроет дверь в прекрасный мир поэзии.

Стихи, подаренные людям Кадрией, сильны, глубоки, нежны и мудры. Спасибо тебе, Кадрия! Земной поклон за такое богатство! Но горько, страшно, дико от сознания, что тебя самой уже нет среди нас! Как же так! Что случилось! Как леденит душу и рассудок это «убили!»

Убийца! Что теперь у тебя в сердце и памяти! Что тебя разъедало? Лютая зависть? ... Ты низок и нищ! Кто ты? По чьей вине так много слез? Кто оборвал надежды? Чья бессердечность и чудовищная наглость оборвала молодую, сильную жизнь? Судьба, справедлива ли ты?

Кадрия, была ты хрупка внешне, но внутренне ты была большой и сильной. Сильны и твои стихи. После тебя так много слез и так велико горе!

26 июля, 1978 г.

ФАИНА ГРАФЧЕНКО,
Заслуженная артистка РФ,
г. Махачкала

* * *

Мы с моим супругом [Станислав Суцевский – поэт-переводчик. – Ред.] и Кадрия были соседями⁷². Кадрия жила этажом выше. Вечерами она, бывало, тихонько стучала по трубе. Это был сигнал, я поднималась к ней и час-два мы разговаривали, делились новыми стихами.

Она была начитанным человеком. Джордж Байрон, Эдгар

⁷² Публикуется впервые в настоящем издании.

По, Поль Верлен, Райнер Рильке – буквально «глотала» книги, читала очень быстро и очень много, и в ней всё оставалось. Она была переполнена информацией. Её волновали и мировые проблемы: переворот в Чили, гибель Че Гевары, смерть Пабло Неруды. Она доставала стихи поэтов, которых тогда не издавали, цитировала. Её взгляды, движения, мысли, заключения постоянно менялись. Она, как ядро, летела в пространстве, ей не дали долететь до цели....

ШЕЙИТ-ХАНУМ АЛИШЕВА,
*Народный поэт РД,
г. Махачкала*

* * *

Тогда мы все были молодые, энергичные⁷³. Хотелось всё успеть, всё прочесть, хотелось писать, творить, работать. Кадрия была в состоянии вечной спешки, она должна была успеть сделать что-то очень важное для своего народа. Она была такая... всеобъемлющая. Все воспоминания о ней – как вспышка, ослепительно яркая, манящая, притягивающая. Она действительно притягивала к себе, её любили и однокурсники, и преподаватели, она была открытым, честным, чистым человеком. Её очень любили дети, и она их очень любила, они это чувствовали и поэтому тянулись к ней. Кадрия много занималась моей дочерью Гулейбат. Вдвоем они могли разговаривать, гулять часами; я поражаюсь тому, как они понимали друг друга. Свою первую книгу Кадрия прислала не мне, а моей дочери, прислала с дарственной надписью – «Моей Гугуле». Она словно несла в себе это непорочное детство, оно жило в ней...

ТАГИР АКМАНБЕТОВ,
*фольклорист,
Заслуженный работник культуры РД,
а. Терекли-Мектеб (Дагестан)*

* * *

Эгер ким ди бирев Кадриядынъ ятлавларын окый
калса, шайирдинъ яркын зейинлигине, соьз оьнерлигине,

⁷³ Печатается по тексту: Ш.-Х. Алишева. Развязала узлы. – Махачкала, 2013. – С. 214–220.

сыдыраларынынъ юмарт анъына суьйинеди⁷⁴. Онынъ шешекейдей наьзик эм коьркли, таьтли ийисли сыдыраларынынъ юмарт анъы, язылмаган ногай аьдетлери мен, куйы сувдынъ даьми мен, шоьл тогайындагы тезек ийиси мен, сынтаслы тоьбелердинъ куватлыгы ман, яны шыгаяк аьдемнинъ корлыгы ман, ямгырсыз канъырап калган ердинъ куьрсинуьви мен, явапсыз суьйимнинъ кеппес коьзяслары ман байланыслы.

Ногай адабият бавында шайирдинъ ятлавлары язлык ямгырдынъ куьезли тамшылары ман сыбырдасып турган кызыл гуьллердей яйнап оьсеек, неге десе Кадрия йыр дуныясы ман баска миллетлерге де оьзин ийги таныттырды, ногай адабиятына тийисли эс эттирди. Шайир кызымыз бай ишки дуныясы ман тенъ-досын тамашага калдырды, намартлардынъ юрегинде куьнлев тувдырды.

Кадрия суьер кесписинде арувсыз-талувсыз ислеви мен халкымыздынъ соьз казнасына оьз уьлисин косканлардынъ бириси. Халкымыздынъ ойы, ымтылысы, ниети Кадриядынъ тамырына кирген, канына синъген... Тав касында, тенъиз ягасында болса да, ыспайы калалардынъ орамларын кезсе де, юрегиннен ата юртын тайдырмаган, халкынынъ акында ойламаган бир куьни болмаган, алган аьр бир абытын халкынынъ данъкын шыгармага деп алган.

АНВАР-БЕК КУЛТАЕВ,
ногайский писатель,
Заслуженный работник культуры РД,
г. Махачкала

* * *

Кадрия, еще студенткой Дагестанского пединститута, как-то пришла ко мне, в отдел культуры газеты «*Шоьл тавысы*» («Голос степи») со своими стихами⁷⁵. С той самой первой встречи с ее поэзией я понял, что это свежие, чистые, настоящие стихи.

⁷⁴ Печатается по тексту: «Ялыннан сакланган сыдыралар» / В кн.: Кадрия Темирбулатова. Йырланмаган йырлар (Неспетые песни). – Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1999. – С. 299–303.

⁷⁵ Печатается по тексту: «Истинная судьба Кадрии» / В кн.: Кадрия Темирбулатова. Мое слово. – Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1999. – С. 16.

Мы дали тогда в нашей газете подборку ее стихов, стихов будущего большого ногайского поэта.

Поэзия Кадрии – это честная и мужественная исповедь беспокойной души. Её творчество стало неотъемлемой частью культуры не только ногайцев, но и всех дагестанцев и других народов России.

В стихах её – серьёзная поэтическая мысль, неповторимая образность, искренняя сердечность и любовь к людям родной земли. Верю в то, что её стихи сохранят достойное место в российской литературе.

МАГОМЕД КОЖАЕВ,
*ногайский писатель,
а. Терекли-Мектеб (Дагестан)*

* * *

Кадрия⁷⁶... Онынъ атынынъ озинде поэзия анъы бар эди. Онынъ поэзиясыннынъ анъы аьдемлердинъ эсин бийледи. Яшавда йырдай саркып юрген ногай кыздынъ гуьллер тилин анълайтаган юреги дуныядынъ аьр затына да авырув ман, яде суьйинуьв мен яваплай эди.

Онынъ юреги ашык эди яшавга, дуныяга, аьдемлерге... Ашык зат, яра болсын, юрек болсын неди де обьткир сезеди. Кадриядынъ юрегининъ ашыклыгы аькелетаган эди ога шоьлдинъ язлыгынынъ яйнавын да, кыслардынъ танъдагы кызарувын да, халктынъ аьвелгисин де, аьлигисин де, аьдемлердинъ юрегинде йигитликтинъ булагынынъ урувын да, биринши суьйимнинъ сырын шеше алмай талпынганын да, ялгыз шегилген суьйимнинъ язасын да. Бу затлар эди онынъ алтын-куьмиске авыстырмас байлыгы. Ол затларды ол озининъ ятлавларында сыйлады, йырлады.

Юлдыз оззи соьнсе де, онынъ ярыгы юз, мынъ йыллар ерге, аьдемлерге келип турады.

---

⁷⁶ Печатается по тексту: «Йыршы кыздынъ термелери» (уьзык) / М. Кожаев. Наьсип эрте туратаган эди – Махачкала: Даг. кн. изд-во, 2020. – С. 212–214.

КАДРИЯДЫ ЭСКЕРИП⁷⁷...

Ох, Кадрия, Кадрия!
Ногайымнынъ ишинде
Кайратлысы сен эдинъ!
Кайсы элде болсанъ да,
«Ох, Ногайым!» – дей эдинъ.

Буьгуьн болса савлай халк
Баьри сенинъ касынъда!
Ох, Кадрия, Кадрия!
Кызыл гуьллер басынъда.

Оьктем кызы ногайдынъ,
Кыска болды оьмиринъ.
Ат басындай юрекли,
Тар болдыма камырынъ?!

Бу сыдыраларды мен сол авыр куьн, Кадрияды ата юртыннан шыгарып, ахырет йолына салаганда, йылай-йылай, бозлай турып, язган эдим.

Табиатта сондай куьнди биринши кере коьрдим. Тамбыз айдынъ ызы, куьн бекисси. Кадрияды яслар азбардан алып бараган шакта, куьн коьзининъ яркыравына, кыздырувына карамастан, себелеп, бирден уьйкен, авыр тамшылар ерге туьстилер. Табиат оьзи коьзясын аямай тоькти, кара халк пан косылып йылады.

Табиат, Кудай Кадрияды бек ярасык этип ер юзине эндирген. Усталар ясаган алтын яде куьмис юзик, тоьстуьйме, коьз айырып болмастай аьруьвлер таккан кулакшынлар, каслы кусаклар, оларда ойылган оьрнеклер – баьриси де Кадриядынъ келпети. Кадрияды яраткан Кудай уста зергерше ислеген. Не де бар эди онда, бизим наьзик, каьмбил, зеген кызда!

Бели бир увьыс, усташа ясалган кувыршактай, наьзик коллы, ашык юзли, кайсы ерге салсанъ да, оьз орынын табаяк, келисеек,

⁷⁷ Публикуется впервые в настоящем издании.

деп ойлайтаган эдим мен. Тек, оькинишке, бу яшавда Кадриядынъ орынын ыхтыярсыз алдылар:

Курыдыма некеслердинъ коллары?
Ярылдыма олар юрген кара ер?
Сытылдыма куьлев толган коьзлери?
Янмадыма отта намарт юреклер?!

Бу соровлар тек мени тувыл, савлай халкты кыйнайды, наवासызландырады.

Бала заманнан алып таныс болсак та, Махачкалада, 1976–1978-нши йылларда, Кадриядынъ сонгы тынысына дейим, тар байланыс туттык. Ол оьзи конакка бармага суьймейтаган эди, тек Умар [Ваисов. – *Ред.*] экевимиз, Кадрия шақырып, уьйинде бир неше болдык. Кадриядынъ он ятлавына сол йылларда Умар йырлар язды, эм аьр йырды биринши болып, Кадрия тынълайтаган эди (уьйинде пианино бар эди).

«Келинъиз мага, помузицируем», – деген эди бир кере орамда расканда (ол да ызгы кере болган экен!!!). Айткан куьн бара алмадык, эртесинде – каты хабар келди.

«Мой дом – моя крепость», – деп айтатаган эди Кадрия, тек сол «крепость» оны аман акалмады...

Кадрия бек онълы, сулыплы кыскаяклы эди. Эсимде, шынжырдай, кесип аскан кол лакса, аьдемнинъ юзи коьринген сорпа, ынжыдай, тувралган ясылшалар, калемпир, явез салынган ногай шай. Стоьл уьсти ыспайы этип безекленген. Сонъ Кадрия мага: «Келши, Нарбийке, энди олтырып, занъыратып ногайша хабар курайык, сен ногайша соьйлесенъ, мен бесикте шайкалгандай боламан», – дер эди.

Аьли, коьп йыллар оьткенде, мен анълайман, кайдай маьне берген Кадрия ногай тилине, оьзи бек аьруьв мутылган эски соьзлеркулланатаган эди хабарлавында. Ойлары ман боьлискенде, оьз тилинде аьдемлер соьйлемегенине бек тарланатаган эди. Бек билимли, терен ойлы кыз.

Бйнанмайман тилди муттым дегенге,
Тилди муттым дегенге ьйнанмайман!
Сосындай аьдемлерди неге ди
Инсанга мен бир де санамайман! –

деген Кадриядынъ ятлавын Сраждин Батыров дайым да айтып туратаган эди эм бек усташа оқып эситтирген халкка.

Эстен таймас Кадрия, юректеги ашы яраларымнынъ бириси, туншыктырады таркамаган ашув. Оькиниш дуния, оькиниш...

«Мага коьре алыстагы юлдызлар – бизден кеткен инсанлардынъ коьзлери», – деп язады бир ятлавында белгили ногай шайири Мурат Аезов. Бир-бирде, юлдызлы коькке карап, кара шымдай коьзлердинъ оьткир каравын сеземен, сол Кадриядынъ коьзлери деп сенемен.

ЛАРИСА АБДУЛЛИНА,
*башкирская поэтесса, переводчик,
главный редактор журнала «Акбузат»*

МАКОВОЕ ПОЛЕ. МАКОВОЕ ПЛАТЬЕ⁷⁸

В свое время великий башкирский батыр, тархан Алдар Исекеев писал: «Истари башкирский народ был заодно с ногайским». Источник не могу припомнить, историки, надеюсь, уточнят.

Это я к чему, вы спросите. В 2019 году в Турции мы приняли участие в мероприятиях, посвященных памяти ногайской поэтессы Кадрии Темирбулатовой. В Советском Союзе, России, в литературных кругах хорошо знают ее поэзию, одухотворенную историей ее народа. Столь же близка она и мне.

Так вот, 24 декабря 2019 г. в городе Ялова Турецкой Республики провели торжественную акцию в честь присвоения имени Кадрии Темирбулатовой, ногайской поэтессы, одному из центральных проспектов города. Символично, что вдоль него течет красивая река, которая впадает в море. Точно так же поэзия ногайского народа вливается в море мировой литературы.

25 декабря, в городе Эски-Шехир, в самом знаменитом на Ближнем Востоке Университете Турецкой Республики, в четвертом в мире по числу студентов – Анатолийском университете (сродни Сорбонне) прошли конференция и творческие чтения, посвященные памяти Кадрии. Мы, поэты тюркского мира, читали переводы ее стихов на наши языки. Я прочитала стихотворение «Кайтар мине» («Верни меня») на башкирском языке.

⁷⁸ Публикуется впервые в настоящем издании.

Кадрия Темирбулатова шагнула в наш XXI век в своих стихах, теперь уже в стихах на многих тюркских языках. Супиянат Мамаева прочитала Кадрию на кумыкском, Алтынай Темирова – на киргизском, Маржан Ершу – на казахском, Барыш Джавид – на азербайджанском, Sema Tanrıverdioglu – на турецком, Марина Колубакина-Ахмедова – на русском.

26 декабря в городе Анкара состоялась презентация книги Кадрии «Kadriya Temirbulatova. Yiğitlerin Destanıym» («Я батыров дастан»), которая издана в Анкаре в 2019 г. Международной культурной организацией ТЮРКСОЙ под редакцией Барыша Джавида. В книгу вошли переводы стихов Кадрии на 12-ти языках, подготовленные поэтами мира.

Я поздравляю ногайский народ с этим важным событием, который еще раз напомнил миру о поэтессе.

Кадрия Тимербулатова собирает, сплачивает вокруг своего имени и Слова свой народ. Она ушла молодой!.. С возвращением, Кадрия!

Для меня лично Кадрия – Поэт с большой буквы. Ее я открыла давно, благодаря башкирскому поэту Маулиту Ямалитдинову, который написал как-то о моем творчестве, и сравнил в своей статье мое отношение к народу с чувствами влюбленной в свою степь и соплеменников ногайской поэтессы Кадрии. А ведь чтобы полюбить свой народ, надо жить его болью и радостью, по-настоящему быть его частью.

Потому и близка мне Кадрия, что я могу сердцем писать посвящения ей.

МАКОВОЕ ПОЛЕ. МАКОВОЕ ПЛАТЬЕ

Памяти Кадрии Темирбулатовой

Горизонт от края и до края
Словно море расплескал огня...
Это вьется маковое знамя –
Маки так любила Кадрия.
Эти маки – ратники Ногай –
Заклинают во степи седой:

«Дух народа, береги, родная!»
Не наказ ли деве молодой?
Что ж от боли небо расколосось?
Алый мак кровавый отчего?
Бьет в набат акынов медный голос!
Кадрия – наследница его.
Ты – слеза чистейшая народа,
Искорка ногойского костра!
Родилась ты в пламени свободы
И в огне ушла от нас, сестра...
Горизонт от края и до края –
Пусть не опадут цветы огня!
Поле маков – это ты живая;
Поле маков – что тамга Ногая...
Маки – это память, Кадрия.

Перевод Кристины Андриановой

Весной Ногайские степи покрываются алым маковым ковром. Перед последней поездкой в Дагестан на поэтические чтения мне приглянулось платье, с маковым принтом на груди. Что-то мистическое было в этом. Значит, мне нужно лететь в Дагестан именно в нем. На моих лучших дагестанских фотографиях – платье с маковым принтом.

Кадрия, ее Поэзия – это дух ногойского народа, это мощь и искренность, это честь и сила древнего народа. Божественная сила

ВОСПОМИНАНИЯ О СЕСТРЕ⁷⁹

Между мной и Кадрией шесть лет разницы в возрасте. Кадрия жила у бабушки Бийке в Терекли-Мектебе, райцентре Ногайского района, потому что папу, как энергичного и грамотного руководителя-хозяйственника, райком партии часто переводил из одного совхоза в другой отстающий, для поднятия этого хозяйства до соответствующего уровня.

Бабушка привила сестре интерес и любовь к устному народному творчеству, она рассказывала ей сказки, притчи, объясняла смысл пословиц и поговорок.

Она же научила Кадрию шить, и вскоре сестра стала шить себе одежду и меня радовала обновками. Мне очень нравились ее наряды. Особенно запечатлелось в памяти бирюзовое платье в крапинку и крепдешинное белое платье в черный горошек.

Вскоре папу вновь назначили руководителем совхоза в а. Кумли, и мы всей семьей переехали туда, только Кадрия осталась с бабушкой. На выходные она приезжала к нам, затевала «генеральную» уборку, стирала. Я очень ждала ее приезда, чтобы с ней пообщаться. Она успевала сделать мне стрижку или заплести волосы по-новому, подшить платье.

У Кадрии были густые черные волнистые волосы, которые она заплетала в две косы и укладывала в виде корзинки.

Помню ее участие в школьном драмкружке. С одноклассниками она инсценировала одно из произведений М.Ю. Лермонтова, сейчас уже не припомню какое.

Из того периода, когда она училась в райцентре, я помню лишь некоторые эпизоды. И, к сожалению, это все, что осталось в моей памяти о нашем детстве.

Окончив школу, Кадрия уехала в Махачкалу и поступила в пединститут на филологический факультет. Я часто с папой ездила к сестре. Она жила на съемной квартире, находившейся на улице Котрова. В один из приездов я узнала, что моя сестра серьезно увлеклась стихами.

Бывая в Махачкале по служебным делам, папа останавливался в гостиницах «Дагестан» или «Каспий». Однажды

⁷⁹ Публикуется впервые в настоящем издании.

ему довелось познакомиться там с дагестанскими литераторами, среди которых были Расул Гамзатов, Аткай, Омар-Гаджи Шахтаманов. В беседе папа обмолвился о том, что его старшая дочь пишет стихи. Поэты заинтересовались и пожелали познакомиться с Кадрией, посмотреть ее стихи. При следующей встрече знакомство состоялось. Кадрия прочитала свои стихи. «Слушатели» посоветовали Кадрии ехать в Москву на учебу в Литературный институт. Мама вначале возражала, настаивая на том, что нужно закончить учебу в пединституте, но сестра настояла на своем, и папа повез ее в Москву. Кадрия поступила, ей дали место в общежитии.

Конечно, сестре было трудно сразу освоиться на новом месте: огромный город, никого из знакомых. Вскоре она познакомилась с дагестанскими поэтами и студентами. Кадрия стала постепенно привыкать к суете столичной жизни.

В 1971 году я окончила школу и поехала поступать в Махачкалу в ДГУ на филологический факультет. В те годы мы еще больше сблизились с сестрой. Она мне постоянно звонила из Москвы, присылала подарки. На время каникул я обязательно ехала к ней, она меня водила по музеям. С ней мы ездили в Архангельское музей-усадьбу ногайского князя Юсупова, с ней я была в ЦДЛ (Центральный дом литераторов), где я увидела многих знаменитых поэтов. Особенно мне запомнилась поездка в сентябре 1974 года. К Кадрии тогда пришли гости – поэты, переводчики, просто знакомые. Я воочию увидела тогда поэтов В. Равича, Т. Бек, Т. Кузовлеву, В. Дементьева, а также В. Шабанова, который работал тогда в ЦК комсомола, в те годы - значительной и могущественной организации. Где он работал мы узнали позже, а тогда при общении он оказался обычным простым человеком с открытой душой, разговаривал дружески, словно всех знал давно. Особенно мне запомнилось то, что друзья уговаривали Кадрию остаться жить в Москве, издать книгу своих стихов, большую, как они говорили, в пять печатных листов. Но сестра не соглашалась, говоря: «Я поэтесса, я должна жить среди своего народа».

Сейчас я, конечно, думаю, что если бы сестра тогда согласилась и осталась в Москве, она бы осталась жива. В Москве у Кадрии было много друзей. Луиза Ибрагимова – одна

из приятельниц, с которой она работала в журнале «Советский Дагестан», с которой Кадрия ездила в Москву по делам Л. Ибрагимовой, по приезду сказала, что у Кадрии больше друзей в Москве, чем в Махачкале.

Кадрия по натуре была очень добрым, доверчивым человеком. В одну из ее поездок в Москву приятельница попросила ее на обратном пути из Москвы забрать ее сына из интерната для детей-инвалидов. Кстати сказать, устроить ее сына в этот интернат помогла Кадрия. Мальчику было лет одиннадцать, у него были нарушены вестибулярный аппарат и координация движений. Кадрия – худенькая девушка. Мальчик был уже достаточно большой и весил, надо полагать, больше, чем сестра. Однако она несла его на руках до самолета, да к тому же в этот день рейс задержали на шесть часов из-за нелетной погоды. Кадрия все это время сидела, держа мальчика на коленях, кормила, отводила в туалет. И хоть она его едва поднимала, но благополучно доставила в Махачкалу.

Сестра жалела даже людей, которых часто видела на улице, у мусорных баков. Однажды она привела домой одну из таких женщин, накормила и дала еще ей с собой пакет с едой.

Кадрия не любила шумные компании, вечеринки, а предпочитала сидеть дома. «Мой дом – моя крепость», – часто повторяла она. Она тревожилась, когда я уходила ненадолго к однокурсницам. Но гостей встречать очень любила. Всегда готовила что-нибудь вкусное. Я помню, когда она уже жила в Махачкале, к ней приехали из Москвы знакомые ученые-физики. Гости пообедали и пошли к морю, благо Кадрия жила недалеко от моря. Они на песке писали формулы, шумно спорили, шутили, смеялись. Помню, как были у Кадрии в гостях журналисты из радиостанции «Лотос», передачи которой велись на 36 языках. Мы с подругой помогали накрывать на стол. Разговаривали они на русском и английском языках. Гости очень много говорили, играли на пианино, пели, шутили, смеялись. Кадрии, помнится, гости привезли тогда интересные сувениры, заграничные сладости. Вечером мы их проводили в аэропорт на самолет.

Кадрия была очень внимательным человеком. Она не забывала поздравлять родных и близких с днем рождения или

с рождением детей, внуков, поздравлять знакомых, соседей, делать им небольшие подарки. Это все доставляло ей радость. Соседи очень уважали сестру за оказанные им внимание, за доброту и отзывчивость, и говорили отцу, что его старшая дочь не по годам мудра.

Когда Кадрия получила квартиру в Махачкале на улице Синявина, в доме писателей, к новоселам пришел Расул Гамзатов. Обойдя жильцов всех квартир подъезда, всех поздравил с новосельем, затем зашел к нам, осмотрелся и сказал:

– Вот молодец, Кадрия, не завезла еще мебель, значит, собираешься сделать сначала ремонт, а потом обставить квартиру.

Но, к сожалению, Кадрия ремонт так и не сделала, мебель не приобрела, потому что деньги, которые прислал ей отец, отдала кому-то в долг. Её постоянно беспокоили с просьбами помочь кого-то устроить в больницу, в институт, устроиться на работу, купить автомобиль и т. д.

И сестра бегала по городу, старалась решить чужие проблемы, как могла, а если не получалось помочь, то эти люди на нее обижались, думая, что она всесильная. Время было такое.

Уединившись, Кадрия очень любила читать. Если удавалось достать интересную книгу, она приходила счастливая домой. Тогда хорошие книги надо было «доставать», купить было трудно. Когда она читала, мы старались ей не мешать, ходили на цыпочках. Точно так же она писала стихи. Уединялась в спальне и через некоторое время выходила оттуда с новым стихотворением на родном языке. Я была ее первым слушателем. Многие слова мне были незнакомы, и сестра объясняла их значение, спрашивала, понравилось или нет. Мне же было интересно, как ловко у нее складывались рифмы на ногайском языке, например: *«Савысканнынъ сабыр сеси, сарнай конар саныма»*.

Сестру часто приглашали на студенческие вечера. Как-то она пошла по приглашению на факультет иностранных языков ДГУ. Мы вместе вошли в актовый зал. Звучала музыка, все танцевали. Музыка смолкла. Кое-кто стал возмущаться: «Где же эта поэтесса? Что так долго нет её?» Кадрия вышла вперед

и сказала так просто: «А я здесь, пришла давно и ждала, когда вы кончите танцевать». Студенты были в шоке. Они, видимо, ожидали увидеть представительного вида женщину, а не хрупкую девушку.

Вечер прошел интересно. Вопросы, ответы, стихи, стихи... Тогда молодежь очень любила поэзию. Многие знали наизусть стихи любимых поэтов.

В Махачкале Кадрия общалась с Гамзатовой Патимат Саидовной. Сестра с большим уважением относилась к ней, с теплотой и любовью говорила об этой удивительно интересной женщине и была безмерно счастлива общению с ней. Говоря о ней, сестра подчеркивала ее гостеприимство, простоту в общении, доброжелательность и взаимопонимание, которое установилось между ними. Кадрия часто обращалась к ней за советом, посвящала Патимат Саидовну в свои дела, планы.

В последние годы Кадрия очень много писала. Друзья ей говорили, что надо печататься. Кадрия отнекивалась, говоря, успеет еще. Она много ездила. Её приглашали на разные совещания, форумы. Вот некоторые из них: Совещание молодых поэтов в Юрмале, Форум молодых поэтов и писателей стран Азии, Африки и Латинской Америки в Ташкенте, Всемирная встреча девушек в Москве.

Кадрия принимала участие во Всесоюзном Пушкинском празднике во Пскове, где ей дали слово. В 1978 г., ее избрали делегатом на XI-ой Всемирный фестиваль молодежи и студентов в Гавану. Готовила документы для выезда на Кубу...

Отовсюду Кадрия возвращалась окрыленная, с массой впечатлений. Она рассказывала о встречах. Очень радовалась, что ей удалось познакомиться с А.Т. Твардовским. Он по-отечески тепло к ней относился. Привозила различные фотографии. Помню, на одной она была с великим оперным певцом Иваном Козловским.

По приезде она делала заметки, что-то писала, появлялись новые стихи, поэмы.

К сожалению, все сгорело. Сохранились лишь стихи студенческих лет.

В последний раз я была у сестры в марте. Она закончила поэму о подвиге комсомольцев, наших земляков, в годы Великой

Отечественной войны и роман о юности наших родителей, ряд рассказов о женщинах-ногайках, которые помогали поднимать колхозы и совхозы в послевоенные годы. Тогда многие женщины работали чабанами, бригадирами, руководителями. Она читала мне рассказы об Авезовой Элбийке Байбошевне и Аджибаевой Балбийке Алимурзаевне, но эти рассказы бесследно исчезли.

14 июня 1977 года. Для жителей райцентра приезд в этот день именитых гостей – представителей дагестанской литературы во главе с Кадрией памятен до сих пор. В Терекли-Мектебе прошли Дни дагестанской литературы. Кадрия тогда с гордостью сказала так: «Если Ахмедхан Абу-Бакар писал, что горец забрал одну ногайку с собой в горы, то я сегодня привезла с собой столько горцев, посмотрите!...».

После праздника сестра сразу же уехала в Махачкалу. С родителями ей удалось пообщаться очень мало. Как оказалось, впоследствии, это был последний её приезд домой. Я же виделась с ней в последний раз в марте 1978 года. Сестра позволила мне и попросила приехать «хоть на один день, на один часок...». В то время я работала учительницей в Ногайском районе.

На «кукурузнике» я полетела к ней в Махачкалу. Мы всю ночь проболтали (разница в возрасте уже не чувствовалась). Я привезла ей кое-что из одежды, потому что незадолго до этого, в её отсутствие, обокрали квартиру (унесли одежду, в доме перевернули все вверх дном). Вернувшись из Буйнакса со встречи с читателями, она увидела погром в квартире. Были еще приглашения на встречи, но, видимо, одежду вынесли специально, чтобы она не смогла осуществить свои запланированные поездки.

И она еще с горечью добавила о недоброжелателях, которым не нравится, что именно её посылают на фестиваль молодежи в Гавану. Я тогда спросила сестру, не страшно ли ей. «Мама неоднократно просила тебя вернуться домой. Они тебя в покое не оставят», – добавила я. «Приглашение из ЦК ВЛКСМ прислали именно, мне. Зоя Григорьевна Новожилова ходатайствовала за меня». Кадрия с такой теплотой говорила о ней.

Впоследствии, когда Кадрии не стало, в одном журнале я прочитала статью о З.Г. Новожиловой, о том, что она была

первой женщиной-послом СССР после А. Коллонтай.

Мама в последнее время реже выбиралась в Махачкалу, так как родилась внучка, и ей было некогда. Кстати, первую племянницу Кадрия предложила назвать Тамиллой, но увидеть ее не успела. Послала подарки, приехать не смогла.

Кадрия часто печаталась в центральной прессе: в журналах «Юность», «Дружба народов», «Огонек»; в газетах «Литературная Россия», «Литературная газета», ее голос мы услышали в радиопередаче «Юность», в «Кругозоре» (читала стихи о маме). Это было во время Всемирной встречи девушек в Москве, в 1975 году. Очень жаль, что эти записи и материалы дети забрали в школу и не вернули.

Кадрию приняли в члены Союза писателей Дагестана, а после выхода сборника стихов «Улыбка Луны» в 1975 году – в члены Союза писателей СССР. Ей очень хотелось, чтобы ногайских литераторов было больше.

Когда Б. Кулунчакова начала свою литературную деятельность, Кадрия постаралась ей помочь. Стихи Бийке она повезла в Москву, чтобы напечатать в центральной прессе, так как это было обязательным условием приема в члены Союза писателей. Заседание, на котором Бийке приняли в члены Союза писателей Дагестана, было для сестры последним. На следующий день Кадрии не стало.

В нашей семье она была старшим ребенком, поэтому очень беспокоилась за всех нас. Беспокоилась за меня, если я задерживалась после занятий в университете. Когда уезжала Москву, звонила часто, беспокоилась за меня. Каждый раз я провожала сестру в аэропорту. Как сейчас вижу её хрупкую, невысокую, с тяжелой сумкой в одной руке (подарки, друзьям, подругам) и с печатной машинкой в другой. Я смотрела ей вслед и мне становилось жаль её. 1 июля она должна была лететь в Москву. Младший брат Солтан служил там, задержался по какой-то причине после демобилизации. Сестра забеспокоилась и решила лететь в Москву узнать причину его задержки.

Перед самой ее гибелью у Кадрии был наш старший брат Аскер. Он заочно учился в сельхозинституте, приехал в Махачкалу на сессию. Сестра знала, что он учится не по призванию, а по воле отца, и был совсем далек от этой специ-

альности. Брат был творческим человеком: сочинял музыку, исполнял песни, сам себе аккомпанируя на гитаре или на пианино. Он мечтал связать свою жизнь с музыкой и получить музыкальное образование, но отец считал это баловством, бесперспективным делом, привез его в Махачкалу и сдал документы в сельхозинститут. Вот поэтому Аскер там с трудом, нехотя учился. Кадрия, как могла, ему помогала. В общем, меня и братьев она всячески опекала и шутила при этом: «Вот на личную жизнь и нет времени».

Потрясающее обаяние, внутренняя культура просто притягивали к ней окружающих. Она могла ладить и со взрослыми, и с маленькими детьми.

Кадрия была человеком удивительно тонкой души. Она чувствовала природу: могла слышать шепот листьев, дыхание деревьев, говор птиц, увидеть танец дождя, увидеть и понять улыбку луны. Это был безмерно доброй души человек, без лжи, фальши, злобы, нервозности. Сестра жила в полной гармонии со всеми: с людьми, с природой. Как можно было поднять руку на нее, никогда никому не желавшую зла?!

У нас дома на стене висел портрет Кадрии, на оборотной стороне которого рукой мамы было написано: «У каждого таланта есть поразительные свойства притягивать злобу посредственности, ненависть бездарей». Как точно она написала!

В последнюю нашу встречу в Махачкале Кадрия мне также сказала, что ей предложили возглавить один из ведущих журналов Дагестана. Правда, для этого нужно быть членом КПСС. После поездки в Гавану, она планировала вернуться к этому вопросу. По выражению лица сестры я поняла, что ее что-то беспокоит. Тогда же с грустью она сказала, что недоброжелателей много, что среди них и те, которых за друзей принимала, которым много добра сделала.

Уже сегодня, прожив вдвое больше, чем Кадрия, я понимаю, как потрясающе даровита, талантлива была она! Каким колоссальным был ее творческий потенциал, который ожидаемо мог максимально раскрыться. Чего так, вероятно, боялись завистливые люди, которые лишили ее жизни, заставив навсегда замолчать.

ВОСПОМИНАНИЯ О ПОДРУГЕ⁸⁰

Кадрия была моей близкой подругой. Впервые мы встретилась с ней в Махачкале, будучи студентками, хотя учились в одной средней школе села Терекли-Мектеб. Наша школа была самая большая в Ногайском районе Дагестана. И сюда к 1 сентября прибывало огромное количество детей со всего района из начальных, 7-летних школ, чтобы продолжить учебу. Поэтому в школьные годы мы не знали друг друга.

В 1966 году впервые в стране выпускались 10 и 11 классы. Зав. отделом райкома партии Б.К. Муллаева, услышав, что я собралась поступать в Карачаево-Черкесский пединститут, вызвала меня в свой кабинет и посоветовала поехать в июле на месячные подготовительные курсы филологического факультета Дагестанского пединститута. Поскольку она была уважаемой, авторитетной женщиной в нашем районе, я решила прислушаться к ее совету. Она же сообщила мне, что направление получила и Кадрия, и мы в Махачкале встретимся в институте.

Встретились с Кадрией, познакомились поближе. Жили месяц в общежитии института по ул. 26-ти Бакинских комиссаров. Вместе ходили на занятия, вместе обедали. С 1 по 8 августа сдавали вступительные экзамены. Извещение о поступлении получили в конце августа. На первом курсе я жила в студенческом общежитии. Потому что, при сдаче документов, в отделе кадров мне дали направление в общежитие. Я решила, что так должно быть: куда направляют, туда и надо следовать. А Кадрия сняла квартиру с девочками, с которыми общалась в школе. Мы встречались в институте на лекциях и сидели всегда рядом. Через 2–3 месяца мы уже друг друга искали, настолько сдружились. Как-то она пригласила меня на квартиру, где проживала с шестью девушками из одного села, но учившимися в разных вузах. Было шумно и весело. Заниматься в такой обстановке, конечно, трудно. Кадрия не любила откровенничать о своей жизни в этих условиях.

⁸⁰ Публикуется впервые в настоящем издании.

Уединиться ей было негде. Про то, что пишет стихи, она также умалчивала. Вскоре мы договорились, что будем жить вместе.

Лето 1967 года. Первые каникулы. Приехали домой, наслаждаемся тишиной и покоем, и вдруг звонит Кадрия и сообщает об открытии в нашем районе пионерского лагеря, возле лесного массива и что нас приглашают туда работать воспитателями. Мы с удовольствием согласились. У нас с Кадрией был 2-ой отряд, средние по возрасту дети. Это был наш первый реальный педагогический опыт.

Сентябрь 1967 год. Наш второй курс командируют в город Дербент на юг Дагестана, оказать помощь плодощервному комбинату им. М. Горького. Работали мы в 2 смены, жили в Доме культуры. После ночной смены, выспавшись, читали, в основном, зарубежную литературу, рекомендованную преподавателями, купались в море, выходили в город, ездили на экскурсии в крепость X века Нарын-кала.

1968 год. Летом у одной из наших подруг свадьба. Кадрия меня спрашивает, какое платье я надену? Себе она уже сшила. Предложила свою помощь сшить и мне. Я подобрала из маминогo сундука ткань и пошла к ней. Кадрия ловко сняла с меня мерки, и до вечера платье было готово. На свадьбе наши с ней платья были самыми модными.

На втором и третьем курсах мы с Кадрией жили вместе на съемной квартире. Вечером после 9 часов, мы с ней ходили в сторону центральной площади города подышать свежим воздухом перед сном, часто гуляли на побережье Каспия. Кадрия читала мне свои новые стихи. Если мне не нравилась строка или слово, я ей говорила свое мнение. Она заново читала и убеждала меня в своей правоте. За это она меня называла своим критиком. Она была трудолюбива, как ювелир, чеканила каждое слово, каждую строчку. Но ей нужен был совет настоящих поэтов.

В институте часто организовывались вечера встреч с поэтами Северного Кавказа, и частыми гостями были у нас Расул Гамзатов, Давид Кугультинов, Кайсын Кулиев и др. Это были настоящие праздники, а для Кадрии еще и уроки творчества.

Осенью 1968 года она решила пойти со своими стихами

в Союз писателей Дагестана. Ей посоветовали встретиться с аварским поэтом Омар-Гаджи Шахтамановым, который всегда был рядом с Расулом Гамзатовым, и показать свои стихи. Познакомившись с ее стихами, он посоветовал готовиться поступать в Литературный институт, провел с ней несколько бесед, полезных для ее творчества. Кадрия была счастлива, окрылена советами, поверила в свой талант. Можно сказать, путевку в поэтический мир дал Кадрии Омар-Гаджи Шахтаманов. Она продолжила учиться, закончила 3 курс пединститута. А летом 1969 года уехала в Москву и поступила в Литературный институт. Мы часто созванивались, переписывались, после сессий старались встречаться, а летом не расставались. Главной темой нашей дружбы были стихи, любовь к поэзии.

В Москве Кадрия познакомилась и подружилась с блестящими поэтами-переводчиками, истинными знатоками поэзии: Яковом Козловским, Наумом Гребневым, Риммой Казаковой, Татьяной Кузовлевой... Стала печататься во всесоюзной литературной периодике.

Поклонники ее творчества писали письма, просили о встречах, поэтических вечерах.

1971 год. У меня последний 5-й курс. Педагогическая практика в школе г. Махачкалы прошла успешно, и нас отпустили на три дня раньше перед новым 1971 годом. Кадрия училась на 2-м курсе. Мы с ней решили встретить Новый год вместе в Москве, в общежитии Литинститута, вместе с земляками – студентами из кавказских республик. Кадрию в этой среде очень уважали, как сестренку, землячку. Поздравить ее пришли студенты-казахи, пришел и Иса Капаев, более известный тогда как сын нашего писателя-классика Суюна Капаева. Кадрия нас познакомила. Это была очень интересная, сплоченная творческая среда.

В 1972 году, во время первого летнего трудового отпуска, я отдыхала в Прибалтике, на Куршской косе, в лагере ЦК комсомола «Спутник». Вернувшись домой, стала готовиться к новому учебному году. У Кадрии – тоже летние каникулы и вдруг она предложила мне поехать с ней в Карачаево-Черкессию. После уговоров Кадрии я согласилась. Остановились в гостинице

«Черкесск» и первым делом пошли в редакцию ногоайской газеты «Ленин йолы», встретились с коллективом. Кадрию встретили очень тепло. Фазиль Абдужалилов был рад неожиданному приезду Кадрии. Суетился, стал кого-то искать и, наконец, позвал нас в большой зал. Оказывается, он хотел запечатлеть этот момент, сфотографироваться с нами. Встал сам между Кадрией и мной. На другой день он пригласил нас в гости к себе домой. Встречали они нас с женой и взрослым сыном. О приезде Кадрии в Черкесск услышал и Суюн Капаев. Мы также были в гостях у него дома. Потом к нам в гостиницу приехала увидеться ногоайская поэтесса Кельдихан Кумратова. Мы провели вечер на первом этаже в ресторане гостиницы. Кельдихан была очень доброжелательна и жизнерадостна. И как хорошо она владела родным языком. Впечатления от знакомства с ней у меня остались самые добрые. Посетить Черкесск и не увидеть Домбай, не побывать летом на берегу бурлящей Кобансув – это невымыслимо. Два дня мы провели в Домбае, остановились в гостинице у реки. Нам посоветовали пройтись по Домбаю пешком. Это было неопишное наслаждение видеть красоту природы! А у Кадрии в голове, я была уверена, уже рождались и складывались строки будущих стихов о ногоайской Кубани...

Летом 1973 года Кадрия проходила практику в редакции журнала «Советский Дагестан», и я приехала в Махачкалу. Собралась тогда группа писателей, договорились на танкере зайти в море и полюбоваться видами Махачкалы издали. Кадрия и Луиза (ответ. секретарь журнала) предложили мне поплыть с ними. Я в открытое море никогда не выходила, меня уговорили. На фоне гор город смотрелся величаво, красиво. Мы пробовали морские блюда. Поэты читали свои стихи...

Для нашего народа было большим счастьем рождение поэта такого уровня, как Кадрия. Ногоайские степи раскинулись вдалеке от моря, гор и городов. Летом здесь знойный ветер катит по степи перекасти-поле. А зимой – суровый ветер. Красивы на короткое время наши степи только весной, когда появляется первая нежная травка, а затем – красные маки вперемежку с ковылью. По степи бродят овцы, скотоводство – древнее занятие ногоайцев. И обо все этом пела наша Кадрия. Но недолго.

Роковой 1978 год. Перед сборами в Москву для участия во Всемирном молодежном форуме в Гаване ее зверски убили в ее же квартире. Убийца не найден...

* * *

Рукописи стихов Кадрии и еще 3-х наших ногайских поэтов были привезены в Алма-Ату делегацией из Ногайского района в 1991 году и оставлены в Союзе писателей Казахстана. Мне позвонила из Ногайского района зам. председателя администрации З.А. Коштакова, беспокоясь о судьбе этих рукописей где-то в 1994 году. Я была удивлена услышанному и озадачена. Я, к этому времени связавшая свою жизнь с Казахстаном, Алма-Атой, очень была занята детьми, семьей, а главное, ответственной работой, курируя делопроизводство ряда министерств и комитетов. Но настроилась выполнить просьбу З.А. Коштаковой, во всяком случае сделать для этого все.

Пошла на прием к министру информации, печати РК А. Сарсенбаеву (выпускник журфака МГУ, был самым молодым министром, назначен в 30 лет), объяснила причину визита, но он коротко отрезал, опустив голову: «Денег нет, мы не можем издавать и своих поэтов, писателей». Когда я почувствовала, что уйду ни с чем, я выпалила ему о наших общих средневековых поэтах, об общем фольклоре, о языке, музыкальных инструментах, домбре, об айтысах... Когда я завершила свою тираду, я увидела перед собой другого человека, сочувствующего и понявшего меня, я еще сказала о трагической гибели Кадрии. Он сразу посмотрел на все другими глазами. Пригласил к себе своего заместителя А. Аскарова и сказал: «Вот, возьми эти рукописи поэтов родственного нам народа – ногайцев. Если не мы, то кто их напечатает в это трудное время! Пока напечатает Кадрию, а там – появится возможность, напечатает и остальных. Зарегистрируй в журнале и передай в издательство «Жазушы». Я была рада возможности издать хотя бы стихи Кадрии. Дядя Уразбай, отец Кадрии, тоже переживал, получится ли напечатать в далекой Алма-Ате книгу дочери. Беспокоясь, написал несколько писем, которые я храню до сих пор.

Для книги Кадрии «Человек и солнце» в казахстанском издательстве попросили принести фотографию автора, и я отнесла фотографию Кадрии, которую она подарила мне перед отъездом в Москву в 1969 году. На обороте фотографии она написала: *«Аявлы Альмира! Бир-биримизге аьсирет болып юргенде, Москвага кетпеге уьш ай калып турганда, туьскен суьвретимди дайымга эстелик этип алгайсынъ. Сенинъ Кадриянъ.1969-й, кыс».*

Кадрии нет с нами давно. Но она – с нами. Ее голос, стихи, музыку ее поэзии никто не смог убить. Они вечны. Молодые поэты учатся творчеству у нее, учатся любить всем сердцем жизнь, свою землю – ногайскую степь.

**РЕЦЕНЗИИ. ОЧЕРКИ.
СТАТЬИ**

И. ШЕВЕЛЕВА

О КНИГЕ КАДРИИ «УЛЫБКА ЛУНЫ»:⁸¹

Стихи. Перевод с ногайского Т. Кузовлевой и В. Савельева. – М.: «Молодая гвардия», 1975.

Эта книга – первая встреча ногайской поэтессы с всесоюзным читателем. В творческих исканиях Кадрии много традиционно, свойственного именно поэзии народов Северного Кавказа. Это проявляется в выборе и решении тем. Для поэтессы важно повторить, что она «наследница вольной степи», вспомнить детство, сказать о народных обычаях, – как прекрасных и гордых («Берекет»), так и горьких («О ногайской женщине»), передать любовь к родному языку («Так в дороге вода исцеляет от скорби и жажды, так колодец в горах нескончаем, немерен, глубок»), поведать о своем пути из аула в столицу, в институт, о встрече с Москвой... В чеканную восточную форму – притчу о глушце, о мудреце и стихотворце – облекла она свое представление о назначении поэта. Явно восходят к фольклору строки о любви зеленой звезды к камню, форели – к горному озеру, травы – к земле. Стихотворение «Я люблю человека...» напоминает сказ...

Все это свидетельствует о высокой поэтической культуре. Но опасность «магического круга традиций» все же существует. «Кто сказал, что с вершин начинаются горы?» – «начинаются горы с равнин»; «не становитесь мелкотравьем, люди. Не мелкотравьем будьте, а людьми!»; эти мысли, при всей их беспорности, не обладают той степенью выносливости, которая оправдала бы многократное повторение.

И тем не менее за Кадрию не страшно. Наверное, потому, что у ее лирической героини есть характер – смелый, упорный, самостоятельный. А это верная защита от повторения знакомых мотивов:

Юность моя над поломанной
веткой
Плакала, глядя ореховый
куст.

⁸¹ «Литературное обозрение», № 1. – 1976. – С. 60–61.

детей седины родителей становятся чёрными». Но вот приходит любовь, у которой иные слова мудрости. Благовоспитанно убежав от первой своей любви, поэтесса с горечью говорит, что:

«...угасло лицо моей любви,
Как лицо ребёнка, обиженного взрослым человеком,
И сердце моё, потерявшее это сокровище,
Похоже стало на луг, потерявший свободных коней».

В этих строках мы видим пока лишь сожаления о добровольно отвергнутом счастье. А вот в стихотворении «Я совершаю ошибки» звучит голос человека уже навсегда выбравшего себе иной образ жизни, при котором не следуют слепо наставлениям, а до всего доходят своим опытом, пусть даже опыт этот принесёт немало бед и огорчений. Поэтесса чувствует себя выросшей не только из детских лет и обычаев предков, но выросшей и для самостоятельных открытий, для творчества.

Её неодолимо влекут вперёд «годы незнакомые, большие», которые для неё пока «велики». Но на своём трудном поэтическом пути она стремится быть сама себе судьёй, по крайней мере – в момент творчества:

Приговоры и поощрения людей
Остаются внизу, с людьми.
В той высоте, наполненная работой,
Я больше знаю, чем все.

Хочется верить и верится в то, что процитированные строки идут не от самоуверенности, а от уверенности в себе, от готовности взять на себя большую ответственность. Качества эти творцу, по-моему, очень необходимы. В связи с процитированными строками Кадрии невольно вспомнились рубцовские, не менее категоричные: «Я слышу печальные звуки, которых не слышит никто».

Жизнь родного народа, родной степи поэтесса, уже повзрослевшая, живописует главным образом в связи со своим отъездом в большой город... На расстоянии особенно резко видятся подробности оставленного, дорогого. О милых сердцу подробностях Кадрия говорит ярко, свежо:

Там, в Дагестане, сады без меня зацветают,
И маленькие ягнята, пушистые, как тополиный пух,

У ног чабанов, как у подножия гор, резвятся.
Наверное, девушки, настригшие шерсти, уже прядут,
Оставив моё место свободным.

В воспоминаниях оставшегося далеко родного края не только живописные подробности быта, но и интересные раздумья об изменениях, происшедших в судьбах женщин – ее землячек. И хотя мы привыкли в числе выпускников Литературного института видеть девушек из кавказских и среднеазиатских республик, строки Кадрии вновь заставляют вспомнить и удивиться резкости происшедших перемен:

В моих краях, если девушка уйдёт даже в гости к подруге,
Все мужчины ее рода беспокойно смотрят на дорогу
И на кинжалы, что висят на стене...

А что же теперь? А теперь девушка-степнячка смело и гордо разговаривает со всем миром, а в стихотворении «Разговор с предками» так и представляет себе фантастическую встречу с давно умершими прапрадедами:

Войдя к предкам своим, я лицо не прикрыла платком,
И, поставив перед ними кумган, я не отошла тихо к очагу...

Мысли и чувства поэтесса вкладывает в уста самого древнего и потому самого мудрого своего предка, который говорит возмущенным дерзким поведением женщины старцам:

Молчите, мужчины! Пусть женщина поёт,
Мы часто любовались ее белыми ровными зубами,
Но не видели, какое сокровище прикусили эти зубы.

Тема стихотворения, конечно, не нова, но мысль о сокровище, которое много лет оставалось за красивыми зубами безмолвным, заставляет тему «звучать заново». Разве это не доказательство талантливости автора?

По стихам рукописи видно, что Кадрия неплохо знает душу своего народа, знает его нехитрые, но мудрые в своей простоте понятия о добре и радости жизни. Эти понятия поэтесса формулирует в традиционных пожеланиях хозяину дома:

Чтобы ваш порог умная невестка преступила
И чтобы рядом поселился хороший сосед...
Чтобы вы одинаково
Умерших и родившихся почитать умели...

Кадрия не говорит, что непочтение умерших может сделать человека несчастливym, но в подтексте эта мысль звучит еще сильнее. Это сдержанность, немногословность и недосказанность свойственна многим стихам Кадрии, и недосказанность проявляется как раз там, где мысль должна быть заострена. Так в стихотворении «Как торопливы люди» поэтесса довольно пространно перечисляет случаи возможных торопливых поступков и оценок, которые делает человек днем, и за торопливость которых потом когда-нибудь придется отвечать, но будет уже поздно исправлять сделанное. Однако слов об ответственности человека за торопливость и необдуманность в тексте нет, это чувство ответственности возникает из нарисованной картины уходящего дня:

А день, как усталый мастер, невозмутимый и спокойный,
Уходит в вечность с огромной ношей...

В этой невозмутимости уходящего дня видна его высшая правда, по законам которой и будут оцениваться когда-то наши поступки, которые уже не исправить, так как ноша уже унесена.

Как я уже говорил в начале рецензии, одним из девизов поэтессы является девиз, ведущий к познанию жизни своим собственным опытом. Но знания (и опыт) приумножают скорбь. Скорбит порой и поэтесса. Скорбит по той наивности, которую не вернуть:

Над сломанной веткой орешника
Плакала моя наивная юность.
Она и знать не хотела, что в этот миг
Проросли где-то сотни веток, выросли и погибли.

Грустит поэтесса по золотой поре детства, когда «колокольчики с шеи коз не раз служили игрушкой», грустит по той поре, которая «осталась под чинарой в разноцветных осколках разбитых пиал». В грустные минуты поэтесса восклицает: «Возьми у меня жизнь всё, что есть у меня сегодня». Но эта грусть говорит лишь о привязанности ее к родным местам, к тому дорогому, от чего началась песня. В других стихах Кадрия призывает: «Не уставайте, люди!

Не уставайте быть человеком», «Не превращайтесь, люди в травы с мелкими корнями», такие травы может вырвать из почвы ветер.

В стихах поэтессы появляются такие раздумья:

На склоне сверкающей земли печальная стою,
Но такие печальные нужны ли этой земле?

Вывод о том, что что такие печальные сверкающей земле не нужны не наталкивает поэтессу на мысль об исключении себя из жизни, а укрепляет ее заботой о других и более строгим отношением к своему творчеству. Она восклицает:

Хватит петь всякую песню!
Настало нам время встать на защиту ...
Столько людей еще живых
Ходят с насквозь прострелянным сердцем!..
Моя поэзия! Схвати за сердце тех,
Кто вот-вот необдуманно кого-то обидит!

И вновь обращение, призыв к людям:

Поклянись сделать день завтрашний
Лучше, чем он был сегодня...

Значительное место в рукописи занимает стихи о любви. Многие из них также должны войти в состав будущего сборника, в целесообразности издания которого у меня нет никаких сомнений...

25.04.1974 г.

В. ПАВЛОВ

ВЗГЛЯД НА ДОРОГУ⁸³

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ КАДРИИ ТЕМИРБУЛАТОВОЙ
«УЛЫБКА ЛУНЫ». – М.: Молодая гвардия, 1975.

«Горы начинаются с равнин» – так называется первый сборник ногайской поэтессы Кадрии, вышедший в Махачкале на родном языке. В самой дерзко-утвердительной строке

⁸³ «Литературная Россия», № 35 (659) от 29.08. 1975 г. – С. 7.

«Кто сказал, что с вершин начинаются горы?» – характер поэзии Кадрии. Она всегда настаивает, требует, но многое и дарует, жертвует. Она не боится обжигающего света солнца, но и не отстраняется от тихого свечения луны. Простор ногайских степей переходит в отточенность кавказских пиков. Но сквозь грохот горных рек и тишину степного полдня в стихах Кадрии звучит свирельное слово – Терекли. То отдаляясь, то приближаясь, но всегда явственно.

Терекли – родной аул ногайской поэтессы. Отсюда начались когда-то для нее и долины. И первая тропа, и дорога. Они вводили из Терекли всегда вверх, ибо ниже только море, а выше – горы, как и человеческий путь – от крыльца до звезды. Но и здесь необходима отвага:

Там, в Терекли,
чуть выйдешь на дорогу, –
Пусть даже путь исхожен,
легок, мал, –
Тревожно смотрят вслед
мужчины рода:
Взгляд на дорогу –
взгляд на свой кинжал.

Рядом с такой дерзкой фразой идет в стихах Кадрии другая, полная нежного волнения, даже робости:

Когда однажды,
полночью тревожной,
Задумаю тебя оставить вдруг, –
Верни меня.

Так дышат на стекло в холодный осенний день, так достают горсть воды из родника.

И все это – Кадрия в первой своей переводной книге «Улыбка Луны» (издательство «Молодая гвардия»).

В. ДЕМЕНТЬЕВ,
русский писатель,
г. Вологда

* * *

Кадрия – незабвенная. В книге («Пламя поэзии», 1982 г. – Ред.) я напечатал очерк («Жизнь – то радость, то боль...» – Ред.), для тех времен откровенный. Прошли многие десятилетия. Моя любовь, вполне братская, мы были как брат с сестрой, не остыла.

Я с ней познакомился случайно, она жила в общежитии, а я в крыле, где преподаватели, мои родители работали в Литинституте. Как-то быстро сошлись. Дружили, я ездил к ней в Махачкалу, когда она работала в журнале «Советский Дагестан», потом еще раз, буквально за день, когда ее убили...

Кади, как я ее называл, а она меня – Адик. Вот написал это и заплакал...

*Из письма, адресованного
Н. Суюновой, май, 2020 г.*

«ЖИЗНЬ – ТО РАДОСТЬ, ТО БОЛЬ...»⁸⁴

Вместо предисловия к одному из сборников стихов

«*Мосты*» – так называется эта книга. Перевод с ногайского языка на русский. Имя автора – Кадрия. Поэтессе было всего лишь 29 лет, когда она безвременно ушла из жизни.

В первый же день моего приезда в Дагестан она повела меня на высокую седловину горы Тарки-Тау. Сухо трещали августовские цикады, солнце немилосердно жгло голый камень. Внизу прямо от подошвы горы начиналась Махачкала, уходя новыми, только отстроенными после землетрясения, кварталами к синей долине Каспийского моря. «Не туда смотришь, – обернулась Кадрия, хитро сверкнув черными раскосыми глазами. – Видишь в-о-он ту дорогу?» И она махнула рукой в сторону, туда, откуда

⁸⁴ Печатается по тексту: В. Дементьев. «Жизнь – то радость, то боль...» Пламя поэзии. – М., 1982. – С. 134–152.

начиналась степь. «Несколько часов езды, и мы – в Терекли. Ну как?»

В ногайский аул Терекли-Мектеб, где родилась Кадрия, мне так и не удалось попасть. Ни тогда, ни позже, во время многих поездок в Дагестан. В тот август я уехал в лакские аулы Балхар и Кули. Договорились с Кадрией, что на обратном пути встретимся на одном из перевалов – она собиралась в Гуниб. Но автобусы разминулись.

И все-таки я считаю, что с Дагестаном, с аулом Терекли-Мектеб познакомила меня она. Более того, благодаря ей я полюбил эту землю. Еще в Москве, когда она училась в Литературном институте, в наших разговорах не раз всплывали загадочные для меня названия – Ногайская степь, Терекли, Хунзах, Гоцатль... Будто пришедшие из восточной сказки, далекие и таинственные.

Оказалось, что все это не так и далеко – сутки на скором поезде, два часа на самолете. И вот – по одну сторону вагонного окна плещется теплое море, по другую встают предгорья Кавказских гор. Огненный шар солнца, вылезаящий из-за холмов, бежит вслед поезду, пересекая своими лучами темнеющую долину Прикаспийской низменности. «С давних времен по привольным местам кочевали ногайцы», – позднее я прочитаю в одной из старинных песен. Но не видно ни романтических кибиток, ни чабанских костров...

Удивительная штука история! Предки Кадрии вышли на поле Куликово в сентябрьский день 1380 года. А лицом к мамасовой орде стояли русские ратники, среди которых, хочется верить, были и мои далекие предки в белозерских дружинах, возглавляемых знаменитыми белозерскими князьями, что «полегли в тот день костью».

Чабанская дочка Кадрия обладала удивительно волевым характером. Жадная до жизни, до всего, что можно увидеть и познать, она заметно выделялась среди молодых дагестанских поэтов. «Горы начинаются с долин», – с вызовом назвала она свою первую книгу на ногайском языке. «Не люблю жаловаться», – писала она в одном из последних писем. Ничего не решала наполовину, не мельчила по пустякам, не суетилась понапрасну. Как в жизни, так и в литературе.

Кадрия – первая поэтесса ногайского народа, получившая такую известность за пределами Дагестана. В 27 лет она была вы-

брана в члены правления Союза писателей ДагАССР, была делегатом на одном из последних съездов писателей страны, была участницей VI Всесоюзного совещания молодых литераторов и VIII Всесоюзного фестиваля молодых поэтов... Впрочем, мне бы пришлось здесь многое перечислить. Прежде всего она была поэтом, настоящим, редкостным.

О стихах не очень-то любила рассуждать. Кадрия обычно доставала белые листы бумаги, на которых сама же печатала дословный перевод с ногайского, и читала его тихим спокойным голосом, постепенно воодушевляясь, забывая все на свете, как будто бы это были уже зарифмованные, а не «сырые» подстрочки. Этот напор лирического чувства сохранился и в переводах:

Молчать –
Страшнее муки нет,
Чем слов, тобой измученных,
Обломки
С ладоней отряхнуть.
И замолчать.
Загнать слова, клокочущие в горле,
Подальше в глубь души,
И после, после
В пустой стране молчания стоять,
Безмолвным криком наполняя воздух.

Перевод Т. Кузовлевой

Эти стихи Кадрии дают наглядное представление о той исто-
вости, с которой она работала, будто догадываясь о скоротечно-
сти своей жизни.

Первый ее сборник... Вот он лежит передо мной: тонкая тетрадка серенького, невзрачного цвета. Я никогда не просил Кадрию читать свои стихи по-ногайски, не слышал ее речи, и сейчас, вглядываясь в незнакомые слова, непонятные, недоступные, вижу, что в них почти нет русских слов и выражений. Это говорит о «разработанности» родного языка поэтессы, о его богатом словесном запасе. И конечно, о знании Кадрией ногайской речи, всех ее оттенков и красок, позволяющем писать, говорить со своими читателями просто и внятно.

Авторство Кадрии можно рассмотреть и в крохотной заметке,

и в небольшом газетном материале. Как-то она захотела написать очерк о родной степи. В то время Кадрия проходила студенческую практику в журнале «Советский Дагестан».

Я ее встретил сразу же после возвращения из степи: загоревшую, прокаленную на солнце и ветру и... какую-то повзрослевшую, серьезную. Она могла говорить в то время только о своих открытиях («Знаешь, какие песни я слышала?» или «А вот, что мне рассказал наш сосед»)... Кадрия была поражена открывшимся ей миром народной жизни. Не то чтобы она его раньше не знала, но это был другой, домашний, привычный круг. Сейчас же перед ней распахнулось окно в древность и историю, в широкий мир бытования песен и легенд, сказок и пословиц. Она со всей живостью бросилась изучать его, записывать и вдруг поняла, что на это уйдет вся ее жизнь. Ее очерк «Дерево надежды», который был напечатан в «Советском Дагестане» (1974 г.), стал лишь начальной песней ее Главной книги о родном ногайском народе. И первые ноты были взяты Кадрией удивительно поэтично и взволнованно: «Я шла по дороге красного заката, благословляя грядущий день. Взяла комок душистой земли, растерла его в ладони... Земля моя со скошенным хлебом и травой, с медленными облаками отар вдали, в тишине и покое, словно уставшая женщина, прилегла в тени закатного солнца, прислушиваясь к собственному дыханию».

Интересно и другое. «Земля моя...» – пишет Кадрия. Взгляд ее идет от земли-почвы до Земли-жизни, от малого до великого, от начала всех начал до бесконечности. Целая философия заложена в этих простых и поэтичных строчках.

До революции, то есть чуть более шестидесяти лет назад, ногайцы были потомственными кочевниками... История ногайцев драматическая, – читаем в словаре Брокгауза и Ефрона, – переселения, выселения, кочевки. Вольное и независимое племя никак не могло установиться, осесть». В народных песнях воспевалась воля скитаний, походов, пиров, погонь. «Жизнь и воля – простор степей», – звучит припев старинной ногайской песни «Мусеке-батыр». В другом предании находит отзвук народная память о тех временах, когда ногайцы жили в низовьях Волги, где «вода была медом, а травы – маслом».

Кадрия пишет об этой земле-почве, земле-родине, то есть о

том месте, где в новой истории укоренился народ... «Она связана с родной землей, – выделял это качество поэзии Кадрии Кайсын Кулиев, – стихи ее идут от жизни, чувствуется почва...» И далее продолжал, развивая свою мысль: «Она чувствует и ощущает все, что дорого человеку, – силу земли, свежесть хлеба, чистоту воды, белизну снега, новизну дождя, высоту гор, свет звезды, мудрый покой деревьев, их вечность, радость жизни и горечь смерти. Ей дорог труд людей, она старается понять их боль и тяжесть неизбежных утрат – словом, ей дорога жизнь. Без этого не может быть поэзии».

Откуда же в этой хрупкой девушке появилась столь недюжинная сила жизни:

Грезы детства я помню донные:
Вместе с ветром достичь высоты.
Стать подругой горе и равнине,
Выпить сладкой и горькой воды.

Перевод В. Савельева

Она была коренной, что называется, степнячкой, и в ее характере меньше всего можно отыскать черты провинциальности, духовной закрепощенности.

Кадрия Темирбулатова (она подписывала свои стихи коротко – Кадрия) родилась в конце сороковых годов в «сердце» ногайской степи, в районном центре Терекли-Мектеб. Название аула означает по-русски «школа в деревьях». Видно, настолько был непривычен оазис в безводной степи, что эта единственная примета местности оказалась в названии большого ногайского селения. Построил школу и посадил деревья украинский демократ Ф. Капельгородский, сосланный на окраину России царским правительством.

Деревья сегодня разрослись, и уже в центре Терекли нас встретит настоящий столетний парк. Под его сенью не одна общеобразовательная школа, а и музыкальная, художественная...

Кадрия была младшим ребенком в семье ногайского чабана. Как на подбор за ней потянулись у Темирбулатовых сыновья – Шамиль, Аскер, Султан. Залим. В Терекли она закончила школу и уже в эти детские годы пробовала писать стихи. С присущей

ей открытостью она рассказывала в октябре 1975 года корреспонденту «Комсомольской правды»: «Рифмы приходили по ночам, являлись бесшумно, словно тени, и я пряталась с головой под одеяло. Ребята играют во дворе, а меня замучивают рифмы – наверное, такая была болезнь. Только она так и не прошла...».

Детские воспоминания какое-то время «питали» поэзию Кадрии. Особенно остро они стали возникать в Москве, в общежитии Литературного института, где Кадрия впервые почувствовала острую тоску по родному дому. Ее первый сборник стихов на русском языке «Улыбка Луны», вобравший в себя основу институтской дипломной работы, пронизан именно такой ностальгической интонацией:

Москва, Москва,
Аулу Терекли,
Наверно, тоже снюсь я на рассвете,
Как снятся дети, что давно ушли, –

и дальше следует отличное четверостишие, определившее, может быть, в чем-то «радость и боль» жизни Кадрии:

Там, в Терекли, чуть выйдешь на дорогу, –
Пусть даже путь нехожен, легок, мал, –
Тревожно смотрят вслед мужчины рода:
Взгляд на дорогу – взгляд на свой кинжал.

Перевод Т. Кузовлевой

Родная земля... Разные традиции, и прекрасные в своем многовековом обличе, и несколько устаревшие, хранит она. С одними Кадрия рвала, другие утверждала. «Молчаливое достоинство и некрикливая приветливость» своих земляков ее восхищала. Настороженность к равноправию женщины ее расстраивала. У поэтессы есть небольшое стихотворение «Разговор с прадедами», где она как бы беседует с тенями незабываемых предков. Обращаясь к ним, она хочет спеть свою лучшую песню. «Старики смотрели с удивленьем, бороды седые теребя». Песня зазвучала:

И один сказал без всякой ласки –
В нем огонь недобрый бушевал:

– Кто позволил девушке ногайской
Петь, когда с ней рядом аксакал?
И тогда старейший поднял палец:
– Тише, аксакалы, пусть поет!
Мы ее губами любовались,
Пусть же в песне губы разомкнет.

Перевод Т. Кузовлеvoi

Не правда ли, с каким тактом пишет поэтесса, не осуждая стариков, а понимая их. Прошлый день родной земли, его нравы и традиции были для нее совсем не однозначны. Кадрии были чужды крайности ожесточенного нигилизма, так и защиты всего отжившего. Ее поэзия, само мировосприятие *несли в себе* глубоко жизненную современную основу. К осознанию своей роли она неудержимо шла. Прав дагестанский критик Камал Абуков, когда, рассуждая о судьбе Кадрии, писал: «Но поэт представляет не только себя, и, если его народ малочислен, это не значит, что роль поэта облегчена». Такой облегченности не встретишь в стихах Кадрии.

Опять вернусь к ее очерку «Дереvья надежды», где можно встретить характерное признание самой поэтессы: «Я очень хорошо знаю эти короткие мгновения, когда человек один на один со своими думами, вопросами, надеждами...» Для нее это были действительно «короткие мгновения», а не повседневное существование. В эти минуты она многое осознавала, заботясь о других, многое понимала, размышляя о существовании жизни. «Каждый раз, когда я уезжаю из Ногай, – писала Кадрия, – мне приходится прятать в глубине души какую-то неудовлетворенность собой. Это край, о котором можно рассказать очень много. Но, видимо, сначала надо взглядеться в его людей, в их труд, в их жизнь...».

Так взглядемся и мы сейчас в те стихи, которые оставила Кадрия, которые вошли в три ее сборника на русском языке. Здесь весь ее труд, вся ее жизнь...

Последний из них – «Мосты». И хотя в нем нет одноименного стихотворения, но заглавие книги мне представляется очень удачным: мосты доверия между людьми, между целыми народами, между прошлым и настоящим, между двумя влюбленными. Связь. Понимание. Нерушимость. Емкая и цельная метафора,

своеобразный девиз всего творчества поэтессы. Он пронизывает всю книгу. Обращаясь к народу, поэтесса восклицает:

Я, словно голос
Этой вот земли,
Хранимая тобою,
Не исчезну.

Перевод Т. Кузовлевой

В разговоре с любимым она уверяет:

Ты обернешься белой птицей –
Я небо распахну над ней.
Захочешь в песню превратиться –
Я стану музыкой твоей.

Перевод Т. Кузовлевой

Кадрия имела светлый характер, хотя у нее в жизни всякое бывало. Вспоминаю, как она уезжала из Москвы, где только что был защищен на «отлично» диплом, покидала столицу после пяти лет упорного труда в семинаре С.В. Смирнова. И через какое-то время, уже из Махачкалы, мне пришло ее грустное письмо, сквозь строки которого проглядывала растерянность – как дальше жить, что делать? «Вчера выступала на телевидении. Вообще-то мне, честно признаться, не очень нравятся такие «групповые» выступления. Они иной раз «играют» на публику. Много ли таких поэтов, которые бы могли честно выйти к миллионам, прочитать настоящие стихи? Я об этом много думала. Внутреннее убожество невозможно скрыть, оно так и выпирает, и поэтому хочется заслонить ладонями лицо и не видеть, бежать, не слышать, как «падает» на глазах людей твой же брат».

Столь же искренней была Кадрия и в своей поэзии. У нее трудно встретить какие-то бытовые эпизоды, служащие «толчком» к написанию стихотворения. Стихи наполнены душевной истовостью в отстаивании той правды, которую приняла и поняла Кадрия, в защите ее от посягательства чуждых людей. Здесь-то она и прибегала к помощи своего слова:

И ликом я к солнцу тебя обращаю,
Учу пред врагом за себя постоять.
И в мыслях о смерти тебе завещаю
Моим непарадным надгробием стать.

Перевод Я. Козловского

Такая черта характера, равно как и основа ее поэзии, проявилась еще в студенческие годы. Я хорошо знаю сокурсников Кадрии, с кем она училась все пять лет, с кем она жила в одном общежитии на улице Руставели. И все они вспоминают сейчас ее доброту, отзывчивость, принципиальность.

Одна из сокурсниц Кадрии, русская поэтесса Татьяна Веселова, сделала тогда же переводы ее стихов, наверно, первые. В них начинал проступать ее характер, несентиментальный, строгий, теплый и искренний:

Уже в папахах братья ходят...
Усы, и бас, и стройный стан.
И друг на друга тем походят
Шамиль, Аскер, Залим, Султан.

Не все стихи были тогда самостоятельными. В них, как у прилежной ученицы, варьировались знакомые строки, интонации. Ну, как не вспомнить расхожие восточные уподобления: «Если птицей белой станешь – синим небом буду я» и так далее. Важно другое – в дипломной книге Кадрии этих и подобных им строк нет. Вероятно, при строгом отсеве осталось лучшее, те стихи, которые позднее она считала основными для себя. Касается это и тем, и образов. И главной темой, стержневым образом запечатлелась в книге жизнь ногайского аула: «Там, где я родилась, солнце вечно горит в поднебесье...», «Мне сон приснился – я в ауле снова», «Родина, я от тебя далеко», «Вспомню землю родную – и чистое поле увижу», «Снова я здесь. И вот они – древние горы», «И снова позвала меня дорога...» Это лишь строчки стихотворений Кадрии, но как характерны они для общей направленности книги.

Труднее дело обстоит с анализом использования фольклора в поэзии Кадрии. Во-первых, мне было трудно непосредственно

прикоснуться к первоисточнику, к тому, что, конечно, прекрасно знала и чувствовала Кадрия, а именно к переводам ногайских песен, сказаний, легенд. Обратился за помощью к моему давнему знакомому ногайскому фольклористу, прозаику и критику Аждауту Найманову, живущему в далеком ауле Ставрополя. Но тот смог назвать лишь три тонких сборника ногайских песен. Правда известная исследовательница кавказских литератур Наталья Капиева: «Ногайский эпос – неизведанная пока область дагестанского фольклора. Складывался он во времена Золотой Орды и несколько позже, в XIII – XV вв. История же Золотой Орды, борьба и взаимоотношения входивших в нее народностей, племен и родовых объединений изучены мало».

И вдруг, как находка, все тот же Аждаут Найманов присылает мне отлично изданный в «Науке» сборник «Ногайские народные сказки». Что может быть лучше для понимания души народа, его внутреннего мира, чем сказки! В большинстве своем они слагались для детей, передавались из поколения в поколение, несли в себе все самое душевное, чистое, прекрасное. И как ими не зачитаться с первой же фразы: «В давние времена царь орлов и царь саранчи поспорили!» И дальше разворачивается чудный, фантастически-реальный мир. Ногайские сказки сочинялись в седле, в кочевой кибитке, и в духовной культуре народа они играют одну из главных ролей.

В них я встретил и одного из прекрасных романтических персонажей – крылатого белого коня Елетпеса, спасающего от богачей-ханов Кадрию (по-русски имя этой девушки значит «счастливая судьба»), чтобы сохранить ее для народа. Через много веков поэтесса Кадрия, дочь чабана, напишет: «Я предков услышу своих издалека». «Счастливая судьба» откликнулась и уже на крыльях не мифического коня, а своего воображения отправилась к своим предкам:

Еще не отлилась надежда в слово,
Но в некогда сменившихся веках
Я зарождалась у костра ночного
В лесу, где властвовали
Тьма и страх.
И возникало чувство у народа:
Не только у огня ему тепло...

Звенела тетива – и в час восхода
На кончике стрелы меня несло.

Перевод В. Савельева

Эти строки из поэмы Кадрии «Сказание о любви». Это произведение наиболее сильно и полно представляет нам последние годы творчества ногайской поэтессы. Основой поэмы, вероятно, послужила легенда, пришедшая к нам из «старины глубокой». Она необычна по замыслу, так как авторское «я», живой, современный голос поэтессы вторгается в развитие сюжета, служит своеобразным «хором», комментирующим события, вмешивающимся в действие. Обращаясь к главным героям поэмы-легенды, юным влюбленным Саибджемал, прекрасной дочери властного ногайского хана Темира, и пастуху Кемалу, автор восклицает:

Во имя вымысла,
Во имя правды,
Во имя чувств, живущих и сейчас,
Я дерзко поднимаю вас из праха,
И пыль столетий отряхаю с вас.

Вот этот мотив «во имя чувств, живущих и сейчас», варьируется на протяжении всей поэмы. Сюжет ее прост – Саибджемал понимает, что ее любовь к Кемалу вызовет гнев отца. Она его ослушалась, не пошла за немилым человеком, сбежала из дома. Молодые ногайские Ромео и Джульетта счастливы лишь на ночь. Затем следует ханская погоня, дикая расправа с Кемалом на глазах его возлюбленной и убийство Темиром своей дочери. Но легенда тем и жива в народе, что для нее не казни имеют главное значение. Смысл, весь пафос ее в другом:

Так помоги, поэзия, по нраву
Вернуть любой растоптанной любви
Бессмертие, заложенное в травах,
В земле сырой и в пролитой крови.

Бесперывное движение царит в стихах Кадрии: «Жизнь – это ветер».

И отсюда, от «заглавной» строки, начинают вращаться, летать,

двигаться, взмывать деревья и долины, орлы и отары овец, тучи и камни. Да и «человек как лист, что ветром вдаль гоним...». «Винной» тому, может, и темп жизни, сжатый, убыстренный, в котором работала Кадрия. Она нигде не успела укорениться. «Полет» жизни в стихах Кадрии, по-моему, в какой-то степени являлся и отзвуком вольного характера ее народа, с его скитаниями, кочевьями, странствиями.

Везло ли Кадрии с переводчиками? Я знаю многих молодых поэтов разных национальностей, которые с большим трудом находят в русском языке своего соавтора, близкого по духу, по творческому почерку. Поэтому задерживаются книги, печатаются безликие переводы, с бору по сосенке составляются из разношерстных переводов сборники.

Есть в книгах Кадрии переводческие удачи (такие, например, стихотворения, как «Ни горьких слов, ни сожаленья...», «Как стонет зверь, захлебываясь кровью...», «Стихи рождаются, как дети...», «Ты, верно, поспешил...» – все в переводах Татьяны Кузовлевы; «Море», «Грезы детства я помню поныне» – переводы Владимира Савельева; «И за тыщу лет до нас...», «Птичий танец» – в переводах Якова Козловского; «Соберу эти тучи...» – в переводе Риммы Казаковой), есть и переводческие погрешности. Много стихов Кадрии осталось на страницах альманахов, журналов, выходящих как в Москве, так и в Махачкале. Начиная от переводного дебюта Кадрии на русском языке в журнале «Москва» (1972 год, № 3) и кончая посмертной публикацией в еженедельнике «Литературная Россия» (24 ноября 1978 года), мы можем найти немало стихов поэтессы, не вошедших в ее книги. Были ли это «пробные» переводы, то есть те, которые она поручила своим переводчикам, чтобы проверить их мастерство, их умение «вжиться» в оригинал? Скорее всего, да. Ибо в этих публикациях я не раз встречал следы литературного брака, торопливости, неумения выразить мысль и чувство. Стихи эти печатались не по «вине» Кадрии, иначе она, думается, не согласилась бы, чтобы за ее подписью шли иные вычурные строки.

«Стишки» Кадрия никогда не писала. Интересно в этой связи ее стихотворение «Два коня». В нем она попыталась выразить ту «радость и боль» жизни, которые в своем соседстве заставляли ее мучительно размышлять, верить, надеяться. В романтическом видении являются нам два коня: «один – ослепительно белый, и

другой – словно угольный росчерк, стремительный конь». Они символы, антитезы двух чувств – беды и радости. Чем-то это стихотворение перекликается с рубцовским: «Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны...» и, хотя, как говорится, уровень исполнения здесь различен, но чувствуется знакомство ногайской поэтессы с творчеством Николая Рубцова. И как же иначе! Русский поэт учился в Литературном институте, и Кадрия еще застала тех, кто помнил облик Рубцова, рассказывал о нем немало занимательных историй, читал наизусть его стихи. Рубцов стал легендой среди литинститутцев 60-х годов и в распространении его популярности бывшие выпускники Дома Герцена сыграли не последнюю роль. Мне трудно назвать другого русского поэта последних двух десятилетий, имя которого бы столь часто повторялось в посвящениях стихов, написанных на многих языках народов страны – от Алтая до Якутии. Но прямого влияния лирика Рубцова на поэзию национальных литератур не оказала. Я подразумеваю под этим стиливые приемы, метафорическую систему, тематику стихов. Произошло не прямое, а косвенное влияние, затрагивающее куда более глубокие основы словесности. Рубцов был слишком самобытен, естествен в русской поэзии, он выразил то, что, по верному слову Р. Гамзатова, «ожидалось». Подражать ему в любой национальной литературе – занятие пустое, а вот следовать, воспринять его уроки стало необходимостью.

Вольный рубцовский всадник, проскакавший по «следам миновавших времен», отозвался во многих стихах. Сама поэтическая фигура, роднящая это знаменитое стихотворение и с традиционным «Коньком-Горбунком», и с «ковром-самолетом», и с убыстрившимся движением XX века, нашла свое близкое родство и с персонажами национальных сказаний, с фольклорной системой разных культур и разных народов.

Отзвуки «таинственного всадника» слышатся и в поэзии Кадрии. В стихотворении «Два коня» мы встречаем все тот же метафорический прием, что и у Н. Рубцова: под видом проносящихся мимо коней или всадника явственно видится уходящее время, его приметы. Для Кадрии это ее жизнь, где есть и «радость, омытая светлой печалью», и «окрик беды». У Н. Рубцова панорамный взгляд выхватывает не столько личные впечатления, сколько судьбу народа, земляков поэта. В последнем стихотворении наглядно сочетается лирика с эпосом, отчего небольшое, по

сути, произведение становится широкоохватным, объемным. Задача Кадрии, конечно, несравнима с рубцовой. Поэтесса стремится показать лишь субъективные отношения с миром:

Жизнь уходит вперед.
На дорогах, продолженных далью,
Белый конь, черный конь – сведены воедино следы.

Перевод Т. Кузовлевой

Можно предположить, что Кадрия фатально относится к будущему, мол, чему быть, того не миновать. Но буквально в следующем стихотворении читаем упрямое: «Не опасаясь бед, иду к добру и доверяюсь будущим ошибкам затем, чтобы их в пути преодолеть». Алогизм этих строк лишь поверхностный, суть их: «Иду к добру...». Впрочем, как смысл и главного в творчестве Кадрии.

Кадрия тверда в своей позиции, когда она отстаивает право женщины быть любимой, когда она призывает уважать старших, пусть порой и не совсем правых в каких-то решениях, любить традиции народа, быть верными родной земле. Она сопереживает мужскому одиночеству, этой «горькой беде». Она воспеваает руки матери, в которых «заключается счастье». Она пишет возмущенные строки о насилии над далеким чилийским народом («Памяти Пабло Неруды» и «Чили, Чили...»).

Но в одном она была беззащитна и как-то по-детски неуверенна. Это ей легко прощается, ибо речь идет о любви. У Кадрии немало стихотворений на «вечную тему». Одни эскизные, написаны порывистой рукой, другие раздумчивы, где каждое слово взвешено, пережито. Ее последние стихи, на мой взгляд, одни из самых интересных в нашей молодой поэзии:

Твои слова
Меня недолго нежат.
Они все чаще
Слишком остро ранят,
Безжалостно
Диктуемые гневом.
Тогда мои глаза кричат от боли,
Безмолвными слезами наполняясь
Зачем меня страдать ты заставляешь?
Ведь ты такой же человек, как я,

Взгляни:
У ног твоих – мои проклятья,
И ты среди них – по-прежнему
любимый,
По-прежнему желанный и живой.

Перевод Т. Кузовлевой

Если переводчица правильно уловила интонацию, то это стихотворение создано на одном дыхании. Его нельзя оборвать. Оно тонкое по чувству, отнюдь не простому, но какому беззащитному, доверчивому! Она так и работала, не гналась за ровной, но – увы! увы! – безразличной строчкой, не фальшивила в поэзии.

...И в тот год, в тот месяц, когда ее не стало, она собиралась в дальнюю поездку, на этот раз в Гавану, на Всемирный фестиваль молодежи и студентов. Сколько бы она еще смогла увидеть в своей молодой жизни!..

Страшная весть настигла нас в далеком дагестанском ауле Хунзах. Просили срочно позвонить в Махачкалу. Вечер был прохладный. Горный воздух медленно остывал и как бы стекал по узким улочкам аула. Белизна стен высвечивалась луной, где-то за углом журчал родничок, с любовью оправленный в камень. Кадрии уже не было... Как во сне мы собрались, выехали наутро в Махачкалу. Кадрии уже не было... Мысль отчетливо вспоминала последнюю с ней встречу за день до ее трагической гибели.

Она много смеялась, читала свои новые стихи, затем бросилась нас провожать, хотя ее и отговаривали. Заехали, как водится, снова в гости, засиделись допоздна...

Осталась ее улыбка. Молодая. Светлая.

Остались ее стихи.

ЛАРИСА КАТАЕВА,
поэт,
г. Абакан (Хакасия)

ЕЕ СПАСЕННЫЕ ЗВЕЗДЫ⁸⁵...

...Она прожила всего тридцать лет. И за это время сумела стать прекрасным Человеком и прекрасным Поэтом. Она была талантлива.

...Самолет из Абакана прилетел в Домодедово поздно ночью.

⁸⁵ Газета «Советская Хакасия», октябрь, 1980 г.

На такси я добралась до гостиницы «Юность», где меня поселили в один из номеров. Постучала. Дверь открыла невысокого роста, худенькая девушка, которая показалась мне очень юной. Девушка улыбнулась и с акцентом воскликнула: «Ой-ей-ей, никак не могу проснуться. Вы на совещание?» – я кивнула головой. – Тогда давайте отдыхать, а утром обо всем поговорим». И сразу уснула.

Утром мы познакомились Кадрия (Темирбулатова Кадрия Уразбаевна) приехала на VI Всесоюзное совещание молодых писателей в Москву из Дагестана. Бывает так, что знаешь человека годы, а душу нараспашку перед ним не откроешь. Здесь же эти десять дней так подружили нас, что мы не расставались с Кадрией ни днем, ни вечером. У нас в доме (так называла Кадрия наш номер в гостинице) перебивали почти все ее однокурсники по литинституту, ребята, с которыми она приехала из Дагестана. Говорили о жизни, поэзии, спорили, читали друг другу стихи...

На совещании Кадрии вручили ее первую книжку на русском языке «Улыбка Луны» издательства «Молодая гвардия», 1975 г. Уже в этом сборнике прослеживается глубина поэтической мысли. В предисловии к книжке Кайсын Кулиев пишет: «...Когда речь идет о поэте, главным остается дарование. С него мы и начнем свое краткое слово о молодой ногойской поэтессе Кадрии. Прочитав ее стихи, я поверил, что она даровита. Только поэтому и решил написать о ней. Ногойцы – народ, известный истории. У них богатейшая изустная поэзия, с которой я, к своей радости, знаком в силу близости балкарского языка к ногойскому. Кстати, это обстоятельство дает мне право говорить о стихах Кадрии как о дочери народа... Я сужу не по переводам. Перевод, каким бы близким он ни был, только в редких случаях передает жизнь оригинала. В стихах Кадрии есть серьезная мысль, образность, сердечность, любовь к жизни, к людям родной земли... Без этого не может быть поэзии. Это и кажется мне первым свойством таланта. Верю в то, что Кадрия найдет свое достойное место в советской поэзии, хочу пожелать ей счастливого пути!»

Кадрия подарила мне свою книжку. Хочу привести полностью одно стихотворение из этой книжки, потому что дробить стихи Кадрии на лучшие строки очень трудно. Уже с первых строк стихотворение захватывает тебя, и нет возможности остановиться, чтобы не дочитать его до конца. Такова притягательная сила ее поэзии:

Грезы детства я помню доныне:
Вместе с ветром достичь высоты,
Стать подругой горе и равнине,
Выпить сладкой и горькой воды.
И хоть трудностей видела мало,
Я мечтала о них что ни миг.
Как геологов я обожала!
Как тянулась к бездомности их!
Годы шли. Не кирка и лопата,
А перо мне служило в пути.
Как до круч, до живущего рядом,
Оказалось, не просто дойти.
Но душа до сих пор не устала.
Мой народ! Близ твоей высоты,
Как геолог, ищу я кристаллы
Вдохновенья, добра, чистоты.

Перевод В. Савельева

Мы расстались с Кадрией, договорившись писать друг другу. Каждое ее письмо (хотя их совсем немного) было для меня праздником. Она писала: «Милая Ларочка! Очень приятно, что ты помнишь те несколько дней, которые мы провели в Москве. Правда, правда, мне было очень приятно знать тебя. Мне было очень больно, что не видела последний раз тебя. Но это будет добрая примета, как в песне, мы не прощались, значит, мы не расстались. О делах: много работала, сделала подстрочники для новой книги. Это очень, просто совсем черная работа. Но я теперь уже ее закончила».

Кадрия собиралась приехать в Хакасию, мечтала побывать в Шушенском, на строящейся Саяно-Шушенской ГЭС: «У нас будет много возможностей увидеть друг друга. Может быть, я скоро поеду в Сибирь, по памятным местам...».

Я следила за творчеством Кадрии. В 1977 году вышла ее вторая книжка на русском языке в издательстве «Современник». «Спасенные звезды» – лирические раздумья о вечной радости жизни. Спасенные звезды – это звезды ее любви, доброты к людям, нежности к природе, удивления перед миром и вечная благодарность всему светлому и прекрасному на Земле...

Однажды Кадрия мне не ответила. И вот в магазине

«Кругозор» я увидела ее новую книжку, обрадовалась, купила, читаю. «Мосты» – третья книга на русском языке безвременно ушедшей из жизни поэтессы» и... похолодела от такого неожиданного удара.

Из этой книги с новой силой выплеснулся талант Кадрии. Прочтите строки...

В молчанье женщины заключена
Неистовая сила, пред которой
Бледнели, словно звезды пред
Авророй,
Слова мужчин в любые времена.
В молчанье женщина погружена.
Уйдет порою, унося обиду,
И даже не подаст при этом виду,
Что ранена погибельно она.
Задумчива, бесслезно холодна,
Как знать теперь, к чему она готова!
Намеренья ее не выдаст слово.
Во всем отныне женщина вольна.

Перевод Я. Козловского

Держу в руках книгу «Мосты» издательства «Советский писатель», 1979 г. На фотографии – Кадрия. Она улыбается. Такой она останется в моей памяти. И долго будут светить ее спасенные звезды людям на земле...

ОЛЬГА ДМИТРИЕВА,
журналист

ПЕСНЯ ГОЛУБЫХ ГОР⁸⁶

Кадрия Темирбулатова – поэтесса, член Союза писателей СССР, научный сотрудник Дагестанского литературного музея. Национальность – ногайка.

Литературного музея еще нет. Что есть? Фундамент, колышки? Фундамента тоже нет. Но у Дагестана есть своя поэзия –

⁸⁶ Газета «Комсомольская правда», № 243 от 16 октября 1975 г.

уходит она своими корнями в прошлое. Есть народные сказания, древние, как горы Кавказа, есть песни, чистые и правдивые, как синее дагестанское небо.

Сколачивается группа энтузиастов, которая начинает с нуля – с поиска материалов, с «выбивания» помещения. Кадрия оставляет издательство, где работала редактором, и входит в эту «литературно-завхозовскую», как в шутку она ее называет, группу поиска.

– Поверь, Кадрия, это дело. Что угодно в сторону, а над музеем работать и работать, – это Расул Гамзатов. Он поддерживает Кадрию во всех начинаниях. Благословляет ее стихи еще прежде, чем они увидят свет...

Кадрия. Подписываясь под стихами, она ставит только имя. Дагестан знает ее по имени...

– Кадрия сочинила стишок, мама, – говорила маленькая девочка, которая жила в красивом равнинном селении Терекли. – Терекли – перелив, как ручей говорлив, – девочка складывала рифмы. Звенели слова, как камушки у ручья, много чудесных слов было у маленькой Кадрии.

– Рифмы приходили по ночам, – вспоминает она, – являлись бесшумно, словно тени, и я пряталась от них с головой под одеяло. Ребята играют во дворе, а меня замучивают эти рифмы – наверное, такая была болезнь. Только она так и не прошла...

Махачкала – педагогический институт. Москва – Литературный институт имени Горького. Мастерская Сергея Васильевича Смирнова. В 74-м Кадрия Темирбулатова получает диплом, а до этого публикует в Махачкале и Черкесске три поэтических сборника – «Горы начинаются с равнин», «Тропинка, ведущая к дороге», «Песни юности».

В 75-м в издательстве «Молодая гвардия» выходит книга ее стихов «Улыбка Луны», которая выдвигается на соискание премии комсомола Дагестана.

Кадрия пишет самозабвенно, «нервно и взахлеб» – месяцы молчания, потом несколько дней и ночей, которые путаются, сливаются в усталых глазах в блеклое пятно света настольной лампы, – работа...

За двенадцать дней был завершен в Коктебеле сборник стихов «Спасенные звезды».

«...Когда родится человек – родится звезда. Мы, люди, бываем несправедливы, равнодушны. Человек жив, но умирает вдруг душа его... иногда я боюсь взглянуть на небо – вдруг там не осталось ни одной звезды? Пусть будут доброта и мир. И если даже мы погибнем в бою, там, высоко, будут спать спасенные нами звезды» (из подстрочника).

– И страх, и радость, и боль – так я пишу, – улыбается Кадрия. Окна ее номера в «России» выходят во двор. – Так лучше, – говорит Кадрия, – тихо, можно работать.

Кадрия – единственный ногайский поэт Дагестана. Первый поэт. Но где начиналась ее поэзия? На какой земле, в каком времени?

В Москве у нее очень много друзей. В Москве ее стихи ждут переводчики. Звонит в номере телефон, и поэтесса кричит в трубку:

«Сегодня я на комиссии. Стихи оставлю на столе. Приезжайте».

На Всемирной встрече девушек у Кадрии появилась подруга – туркменская ковровщица Огульнабат Мухамедова. Огульнабат – депутат Верховного Совета СССР. У себя в Туркмении она тклет именные ковры. И как Кадрия ставит свое имя после стихов, так и на уголке ковра вышивает свое имя ковровщица Огульнабат. Ей и посвятила Кадрия Темирбулатова свои стихи, написанные по случаю Всемирной встречи.

*Посвящается туркменской ковровщице,
депутату Верховного Совета СССР
Огульнабат Мухамедовой*

Огульнабат, мы встретились в столице,
Судьба свела нас в этот тихий вечер.
Так много встреч случалось, и случится,
Но мир такой еще не видел встречи!

Когда от дел серьезных утомилась,
Планета, то опять, как прежде,
Она к девичьей ласке обратилась
Со взором добрым, блещущей надеждой.

Нам некого стыдиться, дорогая,
Мы знаем цену мирного труда,
Не для молчанья, глаз не поднимая,
Нам дали слово, пригласив сюда.

Ведь наша нежность, наша доброта –
Есть та надежда, мужество и сила,
Что в горестные, тяжкие года
Творила этот мир и сохранила.

Мы детям колыбельные поем,
Как маленькие солнца их лаская,
Тепло и хлеб приносим в каждый дом,
Цветы сажаем, по росе ступая.

За все за это мы теперь в ответе,
Нас выбрала страна, Огульнабат,
Дай руку мне, смотри, все части света
Нам руки-флаги протянуть спешат.

Перевод Ш. Казиева

ШАХИДАТ КУРМАНГУЛОВА,
кандидат филологических наук,
г. Черкесск

НЕ ПОГАСНЕТ ЗВЕЗДА КАДРИИ⁸⁷

Наши немногочисленные встречи с Кадрией оставили в моей душе неизгладимый след. В Черкесск она приехала неожиданно. Это был 1968 год. Мы с Келдихан Кумратовой познакомились с ней в редакции ногайской газеты «Ленин йолы» («Ленинский путь»). Приехала Кадрия познакомиться с нашими маститыми писателями: Ф.А. Абдулжалиловым, С.И. Капаевым, А.С. Киреевым, К.И. Кумратовой и другими. Мы, можно сказать, сразу подружились. Беседа завязалась естественно, без всяких

⁸⁷ Публикуется впервые в настоящем издании.

условностей. Она рассказала о своих творческих планах, показала и прочитала несколько стихов, которые затем оставила в редакции для публикации. Кадрия тогда училась на филологическом факультете Дагестанского государственного педагогического института.

Кадрия предстала перед нами необычайно обаятельной, жизнерадостной, открытой, общительной и позитивной, в ней чувствовалась необыкновенная харизма. Потому и сразу расположила нас к себе. Во всем – в ее манере говорить, размышлять, чувствовать – заметна была сила ее творческого мировосприятия.

Мы показали ей город, много говорили, неспешно прогуливаясь в городском парке. У Кадрии был тонкий юмор, между серьезными темами она рассказывала всякие легкие истории, и мы много смеялись.

По инициативе Суюна Имамалиевича Капаева тогда была организована встреча Кадрии с читателями в ауле Икон-Халк. В доме культуры зал был полон. С.Капаев представил Кадрию аудитории, рассказал о цели ее приезда в Карачаево-Черкессию. Выступила я с обзором ее творчества, К. Кумратова читала свои стихи. Потом выступала Кадрия. Она была рада, что ее встретили радушно. Читала свои стихи, ее слушали с неподдельным вниманием и интересом. Возможно, и ошибаюсь, но эта встреча была одной из самых наполненных, из тех, что когда-либо на моей памяти проводились в аулах. Кадрия была воодушевлена этой встречей.

Следует сказать, что ногайцы, проживающие в разных регионах, в силу определенных причин, в те времена почти не общались друг с другом. В своем кратком слове Кадрия тогда сказала: *«Биз, ногайлар, каерде яшасак та, туьединь эки оьркешиндей, бир аркага биткенмиз. Бизди айырып болмаяк, биз бир халкпыз, бир миллетпиз, маданиятымыз да, саниятымыз да, ань байлыгымыз да бир»*. И опять читала стихи. Зрители долго не отпускали ее. Она была очень рада и благодарна за эту встречу. За ужином, в непринуждённой обстановке, все также шел открытый, интересный разговор. Он продолжился у меня дома, мы с Кадрией не могли уснуть под впечатлением этой встречи и проговорили почти всю ночь о поэзии, о друзьях, о планах на будущее, о жизни.

На другой день мы с Келдихан Кумратовой решили показать нашей гостье красоты нашей республики и поехали в горы,

в Домбай. Кадрия была в восторге от увиденной красоты. В пути она с нами не говорила, смотрела в окно, и ее губы шевелились, может быть, в это самое время она в новых стихах воплощала свой восторг.

Поездка впечатлила. Хотя промокли, попав под проливной летний дождь. Нас приютила возле своего костра экскурсионная группа – школьники из аула Икон-Халк, их учитель Борис Акси-ев, поделились с нами теплом и хлебом. Дети пели песни, Кадрия и Келдихан читали свои стихи. Дети были рады, что познакомились с гостьей, молодой поэтессой.

На следующий день я провожала Кадрию в аэропорту Минеральных Вод. Она пообещала вернуться к нам еще. Но ни она, ни я тогда не знали, что видимся на этой земле первый и последний раз.

Во время моих нечастых поездок в Москву для работы в Ленинке мы с Кадрией несколько раз встречались. Она приходила ко мне в гостиницу. Как-то она пригласила меня в Центральный дом литераторов на декаду литературы Кабардино-балкарии. Познакомила там меня с Кайсыном Кулиевым, с Расулом Гамзатовым и другими писателями. Кадрию знали многие писатели и поэты, подходили к ней, тепло здоровались, интересовались ее делами. Ее имя в литературных кругах было уже известно. У нее был стремительный взлет, хорошие отклики известных писателей, критиков: К. Кулиев, Р. Гамзатов, К. Султанов, В. Дементьев, а главное – любовь читателей.

Кадрия была открытой, общительной, имела много друзей, дорожила дружбой. В честь моего приезда тогда она собрала в своей комнате в общежитии Литинститута наших земляков. Из Карачаево-Черкесии были Мурат Калмыкаев и Назир Хубиев. Мы сидели за прекрасно накрытым столом. Была гитара, пелись песни, читались стихи, шла беседа. Читала свои стихи и Кадрия. Вот тогда я увидела и поняла, насколько её уважали как личность, признавали и ценили её талант. Кадрия была поэтом в такой степени, что ее саму нельзя было представить отдельно от этого ее предназначения. Когда она говорила о поэзии, читала свои стихи, ее врожденное благородство озарялось светом вдохновения, от чего лицо ее становилось то мягким, то задумчивым, то суровым. Стихи Кадрии завораживали слушателей. Глубоко лиричные, они были нежны, благозвучны и красивы, как сама Кадрия.

На следующее утро она проводила меня. Я смотрела на нее, жизнерадостную, молодую, радовалась, что у нас есть она – красивая и талантливая, теперь – еще и моя подруга. Я была старше ее, но это не мешало нам общаться на равных. Тогда я ее видела и обнимала в последний раз.

Потом мы переписывались. В своих немногочисленных письмах она писала об удачах и трудностях, о готовящихся сборниках, о своей дипломной работе... Перечитывание ее писем вернуло меня в ту пору, когда мы так многого хотели в своей жизни. Больно от того, что она не смогла прожить самые лучшие годы своей жизни, что не допела свою песню, не успела написать самую главную свою книгу. Она любила жизнь, так хотела жить и творить, много написать, стать полезной своему народу, прославлять его и великую ногайскую степь, которую самозабвенно любила и была предана ей.

Помню, во время той самой нашей встречи в Москве, Кадрия познакомила меня с узбекским парнем, который учился на режиссерском отделении. Имени его я не запомнила, а потом она сказала мне, что он предлагает ей выйти за него замуж и уехать в Ташкент. На мой немой вопрос она ответила: «Я не могу уехать далеко от родины, от ногайской степи. Там мои корни, если я вырву эти корни и уеду, я не смогу писать». Она, наверное, была права. Я не смогла ничего сказать. Теперь, конечно же, думаю, если бы уехала, осталась бы жить...

Кадрия училась в престижном институте, жила в столице, ее окружали великие поэты и писатели, талантливые переводчики, с которыми она сотрудничала. Но ей всегда не хватало простора. В одном из писем она написала так: «Дорогая моя, если бы ты знала, как хочу уехать домой, к вам. Быть с вами, смеяться, быть счастливой с вами. Москва хороша, но она, сама того не замечая, убивает много самобытного, может, нежного и искреннего в человеке. Во мне что-то убить очень сложно, я от рождения драчунья, но я чувствую, как давит она на меня».

Кадрия – вольная дочь ногайских степей, высоко поднялась на вершину поэзии. Ей не всегда сопутствовала удача, как, впрочем, всем талантливым людям, приходилось пробиваться самой. Я не помню контекста разговора в переписке, так как у меня нет моего письма к ней, но, видимо, я посоветовала ей не торопиться с изданием первой книги или еще что-то. На это Кадрия написала

мне следующее: «Почему ты советуешь мне не торопиться? Если я не буду торопиться жить эти 10–20 лет, я же ничего не успею. Внутренне всегда надо торопиться, а то я не совсем здоровый человек, могу не успеть. Сейчас я лечусь. У меня недостаточность митрального клапана. Это так врачи говорят. А я-то знаю, что только «пустое сердце может ровно биться».

Кадрия была публичным человеком: член Союза писателей, была делегатом съезда писателей, была участницей VI-го Всесоюзного совещания молодых писателей, VIII-го Всесоюзного фестиваля молодых поэтов, а также форумов писателей и поэтов в разных городах и республиках страны, часто встречалась с читателями, выступала на телевидении и радио. Об одной очередной передаче она писала: «Вот 31 мая у меня будет передача после полуночи. Ты не слушай, ведь это очень поздно. Я тебе привезу много стихов и свою любовь». К большому сожалению, она не смогла приехать и привезти свои стихи, но свою любовь и уважение ко мне оставила на всю жизнь. Не бывает дня, чтобы я не вспоминала дорогих мне людей, талантливых ногайских поэтесс Кадрию и Келдихан, с которыми тесно общалась и дружила. Мне их очень не хватает. Я благодарна судьбе, что они были в моей жизни.

Кадрию, как и всем талантливым людям, не все доставалось легко и просто, особенно в многонациональном регионе, как Дагестан. После возвращения из Москвы, она писала: «Теперь я уже почти самостоятельный человек, хотя самостоятельность вещь весьма дорогостоящая в наши дни. Много приходится работать. В каком голубом неведении я жила все эти годы, бог мой. Сейчас, когда прикоснулась к жизни, я поняла, что есть что. Приходится преодолевать много препятствий, не говоря уже об интригах. У нас в Махачкале всему быстро и четко научат. Сейчас я прохожу стажировку, а дальше посмотрим».

Если человек талантлив, известно, ему это не прощают. Вокруг становится много завистников и «доброжелателей», мало остается настоящих друзей. Об этом она и писала мне: «Надоели шаблоны, а сказать новое хочется, да и не дают. Что-то надо делать, а что – не знаю. Это все пишу тебе, родная, потому что кому-то из очень близких людей надо говорить это. А близких людей у меня очень мало».

Стихи Кадрии – ее совесть, ее боль, ее радость и надежды. В них – она сама, с молоком матери впитавшая в себя правдивость, мечту и бесконечный труд, слезы и песни ногайского народа.

В июле 1978-го года, года своей смерти, Кадрия собиралась поехать в Гавану на Всемирный фестиваль молодежи и студентов. Я представила, с каким волнением она готовилась к этой поездке, как трепетало ее сердце от радости, как готовила она свои наряды, ведь она очень красиво одевалась, были у нее и национальные платки, которые она красиво накидывала на голову. И эта трагедия... Тяжело вспоминать минуту, когда до меня дошла весть о ее гибели. Было очень больно и страшно...

Завистники не смогли вынести успех молодой, талантливой ногайской поэтессы. Но «смерть не похищает поэта полностью, он остается, воплощенный в памяти потомков» (Н. Суюнова). Кадрия не ушла, она рядом с нами, она – в памяти народной.

У меня остались письма Кадрии... Решила, что будет правильным напечатать какие-то из них в настоящем издании, поэтому передала их его составителям–редакторам.

Это не чужие письма. Их можно читать.

ШЕЙИТ-ХАНУМ АЛИШЕВА,
*Народный поэт РД,
г. Махачкала*

КАДРИЯ И БЛЕСК МОЛНИИ⁸⁸

К 50-летию со дня рождения

...К дождю. Под дождь. В дождь. И блеск молнии вдохновением озарит душу...

...Перед глазами два женских силуэта: юной девушки и совсем крошки-девчушки, взявшись за руки, ступающих по дождю, словно вот-вот взлетят и растворятся в блесках молнии, рассекающих дымчатую сеть дождя... Кадрия и дочь моя Гулейбат...

...Кадрия! В который раз обрывается нить моих воспоминаний и сыплются четки фактов встреч - событий общности наших дней... годов... И собирая вновь по бусинкам и связывая в узел концы нити моих четок, память отпечатывает новое осознание боли...

...Кадрия! Поэт о Поэте – Песнь в Песне! ...Повторяясь друг

---

⁸⁸ Печатается по тексту: Ш.-Х. Алишева. Развязала узлы. – Махачкала, 2013. – С. 214–220.

в друге не в подражании, а в продолжение – стихов наших, разговоров, бесед, встреч... Картины прошлого – юности нашей, в отблесках памяти – даже муки и страдания щемящей дороги, впечатления тех лет элегически возвышенны и шаровыми молниями вихрятся сокровенно-затаенные, и, как очищенное от скорлупы ядро, отполированные временем события нашей жизни, при столкновении с чем мы обретали в себе и находили все то, что необходимо для поддержания в нас жизни, все то, что способно вызвать у нас любовь, трепет, восторг...

...Кадрия! Мы сетовали, что ничего не осталось от жизни великих поэтов всех времен и народов. Даже 100-летней давности – и об Анхил Марин, и о Шаза из Куркли, и... Не болезненное ли ожидание рокового удара... Не вживались ли в судьбы их, читая запоем стихи, созданные ими, находя тайный смысл наших собственных судеб...

...У каждого человека только одна судьба, и не знает он, какова она, и поэтому бесцельно гадает о возможности вариантов...

...А о судьбе твоей, как и о тебе, – много ли сегодня знают, Кадрия?!

Поэт, рвавшийся в завтра, вперед, шагая с нами, обогнавший нас – постигший чувство времени, приобретший раньше нас чувство освобожденности – Кадрия! Твоя жизнь – исповедь в стихах твоих:

...Мы торопимся в жизни, чтоб не поворачивать вспять,
И приходим до срока, хоть лучше порой опоздать.
Мы к чему-либо долго готовим себя, а оно
Выбирает из многих всего лишь мгновенье одно.

...«Горы начинаются со степей», – все, что тянется вверх – к небу, к солнцу, рождается на земле... ...Кадрия! Называя так свою первую книгу стихов – будто прочувствовано было тобой, что к человеческой вершине путь начинается с первого шага – отталкиваемого и поддерживаемого фундаментальной опорой – землей. Землю и жизнь не приобрести за деньги. Их можно получить лишь за любовь к ним.

А ты, Кадрия, «дочь степей» ногайских, – с *бешик* – колыбельных песен до *бозлав* – плачей-причитаний вскормленная, возвращенная и возвращенная с любовью, в любви к любви – любила всей нежностью, трепетной, щемящей болью – свой народ

ногайский, и с материнским молоком впитала в себя его богатую древнюю историю, культуру, язык – острое ощущение прошлого и настоящего своего народа изнутри и через опыт поколений и свой – все это в стихах твоих!

Как степь ногайская моя, до края
Я чувствами великими полна.

.....
Все адовы круги пройду, как Данте,
Найду, что не нашел прапрадед мой.
Все блага мира я отдам, лишь дайте
Дознаться мне до истины самой.

...И *«Тропа, ведущая к дороге»*, чтоб приобщить к своему миру, посвятить ему свое очередное творение, и в поисках своей тропы, которая выведет в мир со своим народом...

...И *«Песни юности»* со всеми противоречиями – контакт с реальностью, и потрясение, и восхищение в *«Удивлении»*, в *«Улыбке луны»* – в своем одиночестве ли, или с любимым – встречая Чолпан – звезду утреннюю:

...И в пиале утренней зарницы
Растворим частицу наших чувств,
Чтоб при встрече из нее напиться,
Как при встрече пьют уста из уст.

И зная, что:

Стихи рождаются, как дети
Единых мук – един язык,
Но мать забудет эти муки,
Едва заслышит первый крик.

...В древности обожествляли мать свою, и через эту любовь – судьбы женские пронзительны... И не являются ли они одной из многих тобою *«Спасенных звезд»*, Кадрия?! ...И в способности оценивать и понимать это своего рода проявление справедливости, порядочности и свободы выбора в поведении и в личной жизни как отдельного человека, так и народов наших, не была ли

названа книга стихов «*Мосты*». Читать контексты, расшифровывать символы – не значит ли дар от Бога, не значит ли дойти до реальной ценности каждого явления?!

...Но, прошу тебя, жизнь.
Соверши чудодейство
И верни мне босое в царапинах – детство,
Возврати и очаг мне, и сакли окошки.
В уши вдень нашей бабушки старой сережки.
Пусть братишка, что умер когда-то, воскреснет.
Пусть мне мама сплет колыбельную песню.
Пусть раздастся на тропке волнующий топот –
И вскочу своему скакуну я на спину:
Ведь была для отца я и дочкой, и сыном...
.....
Только жизнь, как и прежде,
Торопится в дали.
И глаза застилают мне слезы печали...

...Отношение человеческой и божественной воли, добра... зла... утраты... успехи... удачи... ..Поэзия учит нас осторожности в чувствах. Необходима осторожность и в отношении к самой поэзии:

...И вот тогда
Я говорю друзьям,
Жалеющим меня и берегущим:
«Идите!
Вам меня не уберечь!»
Им, ждущим, я кричу в ответ:
«Он мой!
Все, что несет он, я пережила,
Оставьте нас».
Они уходят.
Остаюсь одна
Под горьким ливнем прошлых дней...

...Это не воспоминания. Да и возможно ли, Кадрия, вместить в несколько страниц твою богатую, яркую и прекрасную, быть может, и в трагичности своей – судьбу. Да и кого в первую очередь

стремились во все времена лишить жизни? Личность. Того, кто не был похож на них – имя которой – Кадрия! Но! Всевышний предназначал каждому из нас свою судьбу – и жизнь, которую прожить надо в согласии с судьбой. И жизнь твоя, Кадрия, уложилась достойно в твою судьбу!..

...Это не воспоминания. Это я разговариваю с тобой твоими стихами, которых часто была первой восхищенной слушательницей...

...50 лет – это ли возраст тебе и твоим стихам? И 20 лет с того дня – это ли расстояние меж нами и миром твоей прекрасной поэзии, что ты поручила доверительно поколениям... Поэты не лгут...

...Взявшись за руки, ступая по дождю и из дымчатой сети дождя, рассекаемой блесками молнии, идут два женских силуэта. И с каждым годом все ближе и ближе... Они ходили к дождю...

...Мы к чему-нибудь долго готовимся, а они
Выбирают порою всего лишь мгновенье одно,
Только миг, но, глядишь, он и начал и кончил судьбу...

МУРАТ АВЕЗОВ,
*ногайский поэт,
Лауреат премии им. Насими,
а. Терекли-Мектеб, РД*

БЛЕСК МОЛНИИ И РОСЧЕРК ПЕРА⁸⁹

*Авыр сабан бузды онынъ уясын,
Кенъ аспанда бозторгайым йылады,
Ковзясындай мол тоьгилди авазы –
Аьдем болса кус йырлай деп ойлады...*

М. Аvezов. «Кадрияга»

Когда я читаю ее стихи, то они мне кажутся блеском молнии, раскалывающей темноту, бриллиантовым росчерком росы на утреннем летнем лугу, нежным дуновением ветерка, несущего прохладу, полуденным зноем-раскинутой под палящим солнцем степи. Я слышу в строках поэта рокот моря и раскатистое эхо в горах. Слышу голоса мгновения и вечности.

⁸⁹ Печатается по тексту: М. Аvezов. Блеск молнии и росчерк пера // Районные вести, Терекли-Мектеб, № 13, 11 дек. 2009 г. – С. 1, 3.

Кадрия... Даже имя ее звучит как чеканная строка стиха. Мир ее поэзии – лаконичная и усложненная структура фраз, «густота» медоносных поэтических троп и слов отчаяния и веры, высокая духовность, которая так блестяще выражена в завершенных, произведениях поэта.

Кадрия... Имя ее переводится и как «предначертание». Именно ей было предначертано судьбой прожить недолгую, но яркую жизнь, которая так талантливо и так обнаженно отражена в ее лучших творениях. В своих стихотворениях, балладах, поэмах она передала нашему поколению вечную мудрость народа и грустные размышления своего поколения о его предназначении, о его будущем. Может быть, поэтому во многих своих произведениях Кадрия ищет пути спасения своего народа, древняя история которого была величавой и трагической. Кадрия избрала трудную судьбу поэта и искренне верила в силу слова. И это ярко выражено в стихотворении «Путь к себе»:

Сквозь гул безумный ваш,
Кавказские потоки,
Мне б словом прорасти,
Нанизывая строки.
Я словом прорасти,
Как давнее поверье,
Намереваюсь сквозь
Вершин высокомерье.
Сквозь шепот буйных трав
И красные тюльпаны,
Покрывшие собой
Альпийские поляны.
Сквозь таинство и даль
Всех птичьих перелетов,
Сквозь тонкий смысл страниц
И толщу переплетов.
Как стебель, прорасти
Я рвусь сквозь вековое
Народа моего
Молчанье роковое.
Был мир таким, как есть,
Мной принят нелукаво
И мне не доверять

Его лишаю права.
Иду сама к себе,
Исполненная веры.
Зря на пути моем
Вы ставите барьеры.

Перевод Якова Козловского

Кадрия жила в такое время, когда можно было лишь переплавив философию в поэзию, разрушить границы между миром внутренним и внешним с помощью намека, иносказания, символа и тем самым обогатить поэзию новым содержанием. И она шла от самой к себе. От трагического прошлого своего народа к его драматическому настоящему. Как истинный поэт, она сумела «возвести мосты веры и надежды» от настоящего к будущему времени. И мгновенный эпизод человеческой жизни в ее стихах становился вечностью. Но на пустом месте ничего не возникает. Тем более поэзия такого высокого накала.

Творчество Кадрии Уразбаевны Темирбулатовой, отрадно это отметить, покоится на основе богатой ногайской народной поэзии, средневековой поэзии выдающихся наших классиков – Шал-Кийиза Тиленши улы, Асана Кайгылы, Досмамбета Азаулы, Казтувгана Суйиниш улы, авторов бессмертного лирического дестана (поэмы) «Карайдар и Кызыл Гуьл» – Арслана Шабан улы и Фахретдина Абушахман улы, а также классиков ногайской поэзии XX века: Фазиля Абдулжалилова, Суюна Капаева, Гамзата Аджигельдиева. Именно их творения стали истоками поэзии Кадрии, поэзии интеллектуальной и эмоциональной, музыкальной и живописной, насыщенной философскими, литературными реминисценциями, поэзии, которая стала ногайским синтезом дагестанской и российской духовной культуры XX века.

Лирический герой Кадрии – ногаец, но патриотизм поэта не носит локального этнического характера, что было присуще некоторым нашим поэтам – предшественникам Кадрии. Кадрия ясно понимает, что гармония в поэзии недостижима без приобщения к общечеловеческим идеалам, к сокровищам мировой культуры. Потрясающим свидетельством несгибаемости человеческого духа, гимном жизни и творческой личности звучит стихотворение Кадрии «Все меньше звезд»:

...И музыка к душе слетает осторожно.
Она меня зовет в рассветной тишине
То робко и светло, то грозно и тревожно...
О, Моцарт, в этот миг ты приоткрылся мне.
И раздвигая даль, звенящую бездонно,
На полотне зари является не мне ль
Отец, который ждет рождения «Мадонны»,
Слуга великих чувств, чье имя – Рафаэль.
Да, ты дремал, Шекспир, еще не кончив дело,
Но, веря в силу строк, едва ли я совру,
Сказав: вспугнуло сон дрожанье рук Отелло –
И жертва их была бессмертна поутру.
В руке моей перо бессонно жаждет света.
Я словно жду, как ждут ребенка на веку.
«Мадонна»... Рафаэль...
Какому же рассвету
Доверю я себя и главную строку?..

Виктор Гюго говорил, что «поэт должен брать в советчики только природу и истину». Кадрия доверила себя и свою главную строку природе человеческих чувств и истине. И потому-то ее поэтическое слово так цельно и внутренне связано, так правдиво и близко любому человеку. Оно исцеляет человеческую душу, возвышает и очищает от налета серой и будничной жизни, заставляет думать о вечных ценностях мира – о справедливости, долге, чести. Живописность, мелодичность произведений Кадрии сопоставимы со стихами великого ногайского поэта прошлого – Шал-Кийиза Тиленши улы. Он был поэтом-пророком, гуманистом, а не мастером ради мастерства. Кадрия сумела стать достойной последовательницей Шал-Кийиза и, восстанавливая в своем творчестве связь времен, утраченную преемственность поэтического слова, питая лирикой протеста великого поэта ногайскую поэзию XX века, Кадрия обеспечила гражданский пафос своего творчества:

Что толку от отары породистых овец,
Когда хозяин их не стережет как надо.
Что толку от страны, богатой, как ларец,
Коль роскошь и нужда соседствуют в ней рядом?

Эти строки наглядно свидетельствуют об углублении и развитии в творчестве Кадрии тех тенденций, которые наиболее ярко отражены в важнейших произведениях Шал-Кийиза – в его поэмах «Я вижу», «Так случилось, душа моя...»

Любовная лирика Кадрии имеет автобиографическую основу: она посвящена неразделенной любви. И все же в стихах о любви органично осмыслены и обобщены красота и величие возвышенного чувства человека. Читая стихи Кадрии о любви, я всегда вспоминаю слова замечательного русского писателя К.Г. Паустовского: «У любви тысяча аспектов и в каждом из них свой свет, своя печаль, свое счастье и свое благоухание». Великолепно сказано. Все это мы находим и в строках Кадрии:

Как море древнее печально,
Как кромка берега тепла!
Мой голос слышен в крике чайки:
– Не делала тебе я зла!
Звезда над морем догорела,
Как детская слеза, кругла.
А я любила, как умела, –
– Не делала тебе я зла!
Над древним морем стонет чайка,
Волна касается крыла.
Услышишь ли в моем молчанье:
– Не делала тебе я зла!

Стихи о любви – это поэтическое поле души, на котором Кадрия чувствует себя легко и уверенно. Стихотворения «Ты мне сказал, что любишь – повтори...», «Я майским ветром в дом влетела твой...» и многие другие – прекрасные образцы любовной лирики. Нам грустно от этих стихов. Но эта светлая грусть согрета теплом души, неиссякаемой нежностью, верой и бессмертием. Кадрия талантливо смогла выразить многое из того, что смутно прорисовывается в душе каждого из нас.

«Нет для поэта выше истины, чем смерть и любовь» – так утверждает российский писатель Еремей Парнов. Возможно, он прав, но отчасти. Читая и наслаждаясь любовной лирикой Кадрии, мы можем быть уверенными и в том, что Любовь и Красота, Надежда и Вера побеждают смерть, ибо они, по утверждению поэта, являются высшей истиной:

Бывало, устав в середине пути,
В сердцах я судьбу проклинала.
От друга не в силах обиды снести,
Себя я несчастной считала.
Но шла, чтоб других поддержать и понять,
Сказать им заветное слово.
Чужое страданье на сердце принять –
Не в этом ли жизни основа!
И новую радость делила, как хлеб,
Не чувствуя в сердце потери, –
Не в этом ли суть человеческих судеб:
В любви, надежде и вере!

Жизнь и творчество Кадрии – это не только ее «путь к самой себе», это и исполненный долг человека перед своим народом. Есть прекрасная притча о строителях Шартрского собора:

Три человека везли в тачках камни. Каждого из них спросили, что он делает. Не видите, что ли, камни везу, – сказал первый.

– Кормлю семью, – вздохнул второй.

– Я строю Шартрский собор! – ответил третий.

Все они говорили правду. Но только третий понимал по-настоящему свое место в мире, ощущал себя частью истории. Понимала по-настоящему свое место в мире и Кадрия, она ощущала себя не только частью истории, но и бессмертной душой самой Поэзии. И потому имя ногайского поэта будет звучать в веках, как чеканная строка стиха: Кадрия!

БАГАУТДИН САЛИХОВ,
историк, археолог,
г. Махачкала

КАДРИЯ⁹⁰

О Кадрии, талантливой ногайской поэтессе, я слышал и раньше, знал заочно. Судьба совершенно неожиданно свела меня с ней. Нам пришлось поработать вместе более полугода и это были последними месяцами ее жизни. Эта же судьба неожиданно развела нас, оборвав безжалостно и навсегда все связи. Остались

⁹⁰ Архив Кадрии. Текст предоставлен С.У. Язлыбаевой-Темирбулатовой.

кое-какие записи, сделанные рукой Кадрии, фотографии, снятые мною, впечатления о личных беседах, дневниковые записи. Восстановить все.... Нелегко и не совсем возможно к моменту составления записей.

В конце 1976 года моя однокурсница порекомендовала меня исполняющей обязанности директора Дагестанского краеведческого музея (что на площади им В.И. Ленина в г. Махачкала) Изумруд Гаджиевне Губахановой. Та, в свою очередь, предложила присутствовавшей в кабинете Кадрии Темирбулатовой поговорить со мной, выяснить, можно ли этого молодого человека принять на работу в литературный отдел музея. Кадрия, мило улыбнулась, протянув руку, предложила познакомиться. Я опешил, услышав имя Кадрия, и несколько дольше обычного удержал ее руку. Уточнил, не она ли поэтесса Кадрия и назвал фамилию. Это смущенное лицо до сих пор перед моими глазами. Подтвердив это, она предложила подняться на второй этаж музея. Там она показала стенд с фотографиями поэтов и писателей Дагестана. Разговор между нами был непринужденный. Мы легко перескакивали с одной темы на другую. Я рассказал о своем участии в республиканской олимпиаде по литературе, учебе в университете в Махачкале. Она – о себе, мы оказались почти ровесниками. Кадрия была чуть постарше меня. Когда мы вернулись, Кадрия коротко сказала И. Губахановой: «Подходит».

С 1 декабря 1976 года я стал работать младшим научным сотрудником литературного отдела музея, а Кадрия была старшим научным сотрудником этого же отдела.

По работе мне приходилось близко знакомиться с писателями и поэтами Дагестана, собирать разнообразный материал. Приобретались издания предыдущих лет, новинки литературы. Мы их отбирали в книжных магазинах. Составляли списки, смету расходов, а получали после перечисления денег. Приходилось отстаивать выбранную литературу. – Зачем? Этот же поэт, писатель молодой, начинающий. Со временем доставать эти книги становилось невозможным. Порою бывало неудобно заходить в книжные магазины, давать объяснения. Легче было купить на наличные деньги и отчитаться за сумму расходов, но ... На работе наблюдалось какое-то назойливое желание держать людей под напряжением, царило недоверие к сотрудникам, излишняя опека, необходимость согласования каждого шага, стремление знать все о личной жизни любыми способами. Кадрия, видя мое болез-

ненное отношение к таким «мероприятиям», не придерживалась никогда этих «традиций», старалась дать максимальный простор и свободу для работы.

Она часто рассказывала о своей учебе в Литературном институте в Москве, о преподавателях, сокурсниках, не теряла с ними связей, вела переписку. Звонили и ей, приезжали насчет перевода стихов на русский язык Татьяна Кузовлева и другие переводчики. Показывала мне гранки сборников. Их нужно было править, подписать, отправить. Кадрия сказала, что будет выходить ее книжка в Индии. – На хинди, урду, пушту? Она рассмеялась и сказала: «На урду», – и пообещала подарить с автографом. А насчет языков Индии пришлось сказать, что я – историк.

Планы ... их было много... Как-то я сидел за столом и что-то писал. Кадрия, проходя мимо, взяла ручку из моих рук. Улыбнувшись своей неповторимой, обворожительной улыбкой, взглянув на меня, написала: Две брови словно два крыла ... мы рассмеялись.

Фотокорреспондент Камиль Чутуев передал мне снимки для Кадрии в редакции газеты на ул. Пушкина, 6. На одной фотографии Кадрия была жизнерадостной, улыбчивой, на другой – серьезной. Готовилась полоса в «Дагестанской правде» со стихами и фотографией ногайской поэтессы. Спросила мое мнение о снимках. Я выбрал первую, но ей понравилась другая. Она и была напечатана в газете. Здесь Кадрия выглядела старше своих лет, взрослой, умудренной жизнью. Из подборки стихов мне запомнились строки:

К чему мне чины да званья...

Я в людях чувство верности ценю.

Работать в музее и заниматься творчеством было не так легко. Отвлекала рутина, да и сама музейная обстановка, атмосфера. Бывало, что даже когда она была явно больна и отпрашивалась с работы, то к ней посылались сотрудники домой, под выдуманными предложениями, якобы «срочной необходимости быть ей на работе». Был один раз и я. Она жила на улице Синявина, в доме писателей и поэтов, вместе с сестрой, которая училась на филологическом факультете дагестанского государственного университета им. В.И. Ленина. Застал Кадрию лежащей в постели, больной, с температурой. В комнате была и ее сестра. Мы познакомились...

В то время было почти готово здание для литературного музея Дагестана. Приходил в музей и Расул Гамзатов. Мы осматривали реалии времен Шамиля. Кадрия, смеясь, показывала подпись Гамзатова. У нее начальная закругленная буква «Р» выглядела как «С» и объясняла, что он так подписывался. Спрашивала, соглашусь ли я перейти с ней, когда она будет возглавлять литературный музей. Мое согласие содержало условие – если мы будем работать вместе, а если другое лицо возглавит это учреждение, то ...

Кадрия постоянно была в гуще событий литературной жизни Дагестана... Выигрывала на конкурсах, организованных молодежными литературными объединениями. Эти выступления нередко передавались по радио, телевидению, печатались в периодической печати.

Она не забывала своих учителей Лицея, так она называла Литературный институт, поздравляла их по случаю. У меня сохранился текст телеграммы, написанной рукой поэтессы. Привожу полностью:

Москва центр. Улица Воровского, 3
Союз писателей. Львову Михаилу

Дорогой Михаил Давыдович!

Сердечно, с глубоким уважением я приветствую Вас в юбилейные дни Ваши. Поздравляю Вас правительственной наградой. Новых Вам вершин поэзии неутомимый старший друг. Любви и вдохновения.

Ваша Кадрия.

Осталось несколько моих любительских снимков у входа в здание музея. На фотографиях сняты Кадрия, Саида Дагирова, Увайс Увайсов и я. Фотографировались группами по два, по три человека. Как-то Кадрия зашла ко мне и пригласила к себе в кабинет на первом этаже. Она сидела с И. Губахановой, но в тот день ее там не было. С улыбкой спросила, хочу ли я послушать одну вещь. Согласился, разумеется, с радостью.

Рассказ назывался «Воспоминания о совершившемся». Упоминался кабачок под названием «Цветы зла». Рассказ о Шарле Бодлере. Написан для английского молодежного журнала. Одухотворенное лицо. Впечатление такое, как будто слушаешь

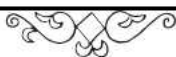
отрывок из книг французских романистов. Особенно врезались в память слова, прочитанные проникновенным, добирающимся до глубины души голосом: «Смерть не так страшна человеку, узнавшему жизнь». Будто говорит о чем-то своем, сокровенном, идущем из тайников мысли. Рассказ был написан в форме диалога между старым и молодым человеком. Рассуждения принадлежали старику, но чувствовалось, что они были ее, Кадрии, что она не боится ничего, что ей, человеку, познавшему саму жизнь, терять нечего, нечего бояться даже самой смерти. «Кадрия, Кадрия... Дай тебе счастья в жизни. Будет из тебя писатель, Человек. Верю. 15 февраля 1977 г. 15 часов 30 мин.» – Запись в моем дневнике.

Во время работы в музее мне приходилось много бывать в Государственном архиве Дагестана. Изучал материалы Союза писателей ДАССР, РСФСР, прорабатывал документы постоянного хранения за 1934–1971 гг. Удалось выявить не известные ранее документы и материалы, касающиеся Етима Эмина, Сулеймана Стальского и других. Впоследствии часть из них мне удалось опубликовать в виде статьи «Неизвестные страницы поэтического наследия Етима Эмина (архивные материалы) // Творческое наследие Етима Эмина. Махачкала, 1990. – С. 70–72. Были опубликованы материалы и в литературных журналах Дагестана.

Интерес представляли материалы 1937 года, которые до меня никем не исследовались, даже не было известно об их наличии. Мне удалось снять копии с документов, а частично и перефотографировать и отпечатать с помощью музейного фотографа Г. Гасанова.

Не в пример другим, Кадрия поощряла эти мои занятия, а там, где было необходимо, и прикрывала, ограждала, отстаивала интересы работы отдела. Решался тогда вопрос о переводе Кадрии на работу в Союз писателей Дагестана.

Весной 1978 года мне пришлось срочно уехать из города, подав заявление на отпуск без содержания. После возвращения услышал от друзей, что Кадрию убили. Не мог поверить, до тех пор, пока не увидел некролог в «Дагестанской правде». Преступление до сих пор так и осталось не раскрытым. Была погублена молодая жизнь талантливой молодой поэтессы, прозаика. Погублена в самом расцвете лет. Говорить о Кадрии в прошлом невозможно...

К.Б. ОРАЗБАЕВ,
ногайский писатель

О ПОЭЗИИ КАДРИИ⁹¹

Бывая в селениях, среди читателей, мне часто приходится не только читать стихи, но и отвечать на бесконечные вопросы своих земляков. И вот в последнее время мне чаще и чаще задают вопрос: где Кадрия? Когда она придет к нам? Молодые люди иногда сами встают и читают ее проникновенные строки. А лет пять тому назад ногоайский поэт Ф. Абдулжалилов, прочитав «Стихи о матери» Кадрии, написал мне:

«Сколько лет этой девочке? Откуда она нашла столько чувства, такие проникновенные слова об умирающей женщине, матери? Может быть она сама сирота, может, пережила эту беду сама? Чем ей можно помочь?»

Нет, эта беда была не собственной бедой Кадрии. Но она пережила чужое страдание так, нашла такие струны в своем сердце, что сумела передать людям то, чего не всегда сможет передать даже человек, сам переживший это горе.

Чем ей можно помочь? Этот вопрос часто вставал передо мной. Тогда я боялся ей повредить. Может поэтому я не показал ей это письмо... Талант ее не требует помощи. Думаю, что я был прав, не сказав ей все то, что я уже видел в ней.

Теперь пришло время, когда она сама знает, что ей ценить, какие слова принимать всерьез, а какие – нет. И то, что заставило бы ее необдуманно и легкомысленно писать и печататься тогда, теперь принесет ей раздумья и ответственность.

Зная ее стихи на родном языке, я могу утверждать, что в ногоайской поэзии появилась поэтесса, молодая и смелая, беспокойная и мыслящая, упрямо идущая к цели, которую она видит только сама.

Я всегда удивлялся ее огромному чувству ответственности перед временем, народом и собой. Ее талант, как бы перерос ее возраст.

⁹¹ Архив Кадрии. Текст предоставлен С.У. Язлыбасовой-Темирбулатовой.

То ли время уходит,
Подтачивая мою жизнь,
То ли жизнь моя уходит,
Подтачивая это время?
Мои невыполненные клятвы,
Как несбывшиеся надежды,
Остаются за моим порогом, томясь...

За этими вопросами, сомнениями тут же следует утверждение:

Нет, не уходит время!
Время приходит!
В мой неустроенный дом.
С собою неся бремя долга для меня!
(«Приходит время...»)

Кадрия прекрасно владеет родным языком, пользуется его удивительными возможностями, поэтому ее стихи легко читаются и запоминаются. Она умело пользуется звукописью – внутренней аллитерацией, традиционно присущей устной ногайской поэзии:

Дазулар бузылар,
Яралар ябылар,
Куьйгенлер куьйинер,
Суьйгенлер суьйинер...
...Язлыгым, яслыгым,
Куьтпейли ьтесинь.
Муньайган нурларын
Куьзимнинь созасынь.

Кадрия возродила на литературной основе традиционную, но несколько забытую форму ногайской поэзии – дестан.

Безусловно, годы учебы [в Литинституте. – Ред.] тоже не прошли бесследно. Кадрия, талант которой возмужал на почве бесценного клада народа – фольклора, не ограничивается темами и образами, навеянными устным народным творчеством. Она периодически как бы останавливает себя, прислушивается к себе. И вот рядом с такими отточенными по форме стихами появляются так же отточенный, глубоко продуманный белый стих. Я бы сказал – стихи-мысли.

Об образной системе поэзии Кадрии должен быть особый разговор, я только скажу то, что она находит их там, где многие порой и не ищут.

Можно цитировать до бесконечности стихи Кадрии, ярко иллюстрирующие причину того, почему люди понимают ее поэзию, тянутся к ней. У нас в народе говорят: Не поднимавший в свое время клубами пыли жеребенок не станет хорошим конем. С бурей чувств, мыслей, раздумий пришла в поэзию Кадрия.

И я хочу ей сказать, что верю в ее талант, надеюсь на нее.

Терекли-Мектеб, 1972 г.

Н.Х. СУЮНОВА,
доктор филологических наук,
г. Черкесск

«ЙОК, БОСЫНА БЕРИЛМЕГЕН МАГА ИЛХАМ⁹²...»

*Шайир эм шайирлик темасы
Кадриядынъ яратувишылыгында*

1948-ншы йылдынъ «улып еллер эскен», «акшыл тастарын кар тоьсеген» куьнлерининъ бириси бизим халкка Кадрияды берди. «Мен тувган куьн», «Мен тувганда» деген ятлавларында ол шайирлик дуныясына абыт этип кирген вақыты акында айтады. Болса да биз билемиз, Алладынъ эмири мен берилген илхам Кадриядынъ ой-коьнъилинде, юрегинде яшавынынъ тап биринши йылларыннан алып, озьин озьи шайир этип сезген вақытына дейим куьш йыйган, дуныяды сейирсиндирген сыдыралар ман тоьгилер шакты саклаган.

70-нши йыллар – Кадриядынъ соьзи халктынъ юрегине йол алган вақыты – енъил болмаган йыллар. Кыралымыздынъ туурли халкларынынъ баьриси де бирдей болып озькимет токтастырган баалыкларга табынып яшай эдилер. Халктынъ ойын керегинше кеплевге, тербиялавга шакырылган адабият та озь исин юргистуьвде болды. Ама баьрисининъ коьз алдында кайнап озьткен, аьрекетке толы яшавдынъ тасасында тек айырым аьдемлердинъ, терен ойлы аьдемлердинъ акылында яшавга

⁹² Газета «Ногай давысы», 4 август 2003 г. – С. 3.

янғы карам эм янғы ой кепленди. Элбетте, кыралымыздынъ бас каласында, сондай болып бир неше уйкен калаларда орынласкан йогары окув отанларында да сол янғы карам эм ой тувганлар эм студентлер арасында кенъ яйылып баслаганлар.

Сондай окув отанларынынъ бирисинде – Горький атлы адабият институтында сол йылларда Кадрия Темирбулатова да окыган. Мунда, бу оьнершилик отанда, ол «тувган» эм шынты оьнершилик дуньясына келген. Шайир деген ким? Шайирлик деген не? Сосы соравлар мунда биринши кере Кадриядынъ алдында турдылар. Явапты шайир кыз яратувшылыгы бойынша изледи эм сол излев – онынъ бу темага багысланган онлаган ятлавларында.

Коп затларды сол йылларда ашык айтувга амал болмаган себепли, адабиятта аллегория, «эзоп тили» кенъ кулланылган. Ол дегени не? Язувшы язган затынынъ маьнесин терен ойлы окувшысына сенип, юмактагындай этип, ясырган. Кадриядынъ «Мен тувганда» деген ятлавы – тап сол кепте язылган зат:

Мен тувганда, мени минен тавларда
Атылганлар тав сувлары оьрлерде.
Танылмаган куслар тувып бавларда,
Ымтылганлар сарнайым деп коьклерге.

Янғы юлдыз тувган коькте мени мен,
Мен кышкырып дунья сонда сескенген.
– Ер юзине инсан келди деп сонда
Ер коькиреги шанъын таслап силкинген.

Ятлавдынъ тувра маьнеси коьз алдымызда: аьдем тувады, «ер сескентип» кышкырып тувады, оны ман бирге, халк таварыхларында айтылганша, коькте юлдыз тувады; тувган аьдемге, элбетте, куслар – «танылмаган» янлар, янғылык – тав сувлардынъ оьрге атылувы. Анъламлы эм белгили затлар акында бу ятлав. Ама бу сыдыралар ясыртын эм терен маьнеди юргистедилер. Келинъиз, «шешип» окыгынъыз бу аллегорияды: *Мен шайирлик дуньясына келгенде, тав сувларындай атылып, янғы ойлар яшавда кенъ яйыла эдилер. Янғы, яс, зегенли шайирлер адабиятка келип, янғыша йырлап, онынъ оьрлерине ымтылдылар. Ногай шайирликте янғы ат тувды меним келуьвим мен.*

Йырларым болса, калгый турган адабиятты сескентти. – Янъы шайир келди! – деп, сенимли карап, халкым янъы ойларга, янъы сеске эс этти.

Кадрия бизим ногай шайирликте, акыйкатлай да, «янъы юлдыз» болып тувды. Коъзимиз уйренген ислерге, кулагымыз уйренген сазларга, акылымыз уйренген ойларга шайир кыз янъы, бизди сейирсинткен карамын таслайды. Анъсыздан ол коъз алдымызда янъы акыйкатлык тувдырады, энъ терен сезимлерди козгайды, сесининъ эм ойынынъ куъши мен озине ызлаттырады эм ыйнандырады.

«Янъы юлдыз» болув – сыйлы эм оърметли бакты, соны ман да бирге – айлак яваплы ис. Кадрия бу яваплыктынъ баасын биледи эм озининъ наъзик ийинлери оны коътерип болаягын сол ок ятлавында билдиреди:

Бу яшавда уългирмесем яшап мен,
Кара таслар кайнар сувды бегитер.
Мени минен тувган ялгыз юлдызды
Кансыз туънлер кагып ыслап эгетер.

– Инсан тувыл Ерге келген, янъылдык! –
Деп ер юзи тагы шанъга коъмилер.
Мени минен бирге тувган куслардынъ
Коънъиллери, мен болмасам, туънъилер.

Сосы аллегориялы сыдыралардынъ маънеси енъил «шешиледи».

Кадрия, шынты шайирлерше, сезгир болган, келеектеги ислерди эртерек билген. Мине «Келе заман» деген ятлавыннан сыдыралар:

Кетпей заман, келе заман берекетли уйимге,
Меним онъсыз уйимге, оъзи минен мага авыр
Борышлар да келтире.

«Уйим», – дейди Кадрия, тек биз анълаймыз – ол бизим де уйимиз – ногай юртымыз, «уйим берекетли» дейди (биз унасамыз), «уйим онъсыз» дейди (оъкиниш пен болса да, унасамыз), меним «асыл уйим», дейди Кадрия. Янъы заман келеятыр бу уйиге,

оъзи минен шайир кызга авыр борышлар келтирип. Авыр борышлардынъ энъ бириншиси – Соъз ушин яваплык. Соъз, куъши эм маънеси арткан Соъз, Кадриядынъ ойы ман, Заманнынъ уъзилген байланысларын, ногайдынъ миллет дуняясынынъ шашылган бирлигин кайтармага болаяк. Соъз – шынты шайирдинъ бас савыты, тек ол савыттынъ сыйын кетирмес ушин оны кулланувда саклык эм яваплык керек. Соъз, Кадрияга коъре, «кереклерге увырт сув», «тонъган ерге куън саъвле» болмага тийисли. Шайир эркли эм кайратлы болмага кереги акында «Келер, келер...» деген ятлавында айтады. Кадрия «оъзи мен бирге тувган кусларга» – калемдасларына шакырув соъзин каратады:

Меннен сонъ кимлер бар?!
Беринъиз аваз! Коркпанъыз!
Оъзинъизде оъсеген сенмесликтинъ авазын
Басынъыз, таптанъыз!

Соъзди бойсынткан куъш йогарыдан Алладынъ эмири мен сайлам аъдемлерге (шынты шайирлерге) бериледи. Шайирлик – йогарыдан берилген илхам болган себепли, Соъз акында айта келип, Кадрия куънделик яшавдан йогары коътерилмеге ымтылады. Бу ымтылыска онынъ шайирлик лексикасы да тамам келисли. Кадриядынъ ятлавларында араб тилиннен кирген коъп соъзлер – бийик анъламларды белгилеген символлар – йыйы кулланыладылар: илхам (*божий дар, вдохновение*), рахимлик (*милосердие*), хыял (*фантазия*), ваълий (*святой*), каъмбил (*мудрый*), интизар (*ожидание*), хайран (*удивление*), фида кылув (*жертвоприношение*). Бу эм баска коъп соъзлер – Куран символлары – бизим бай эпосымызда кулланылганлар, сонъ, оъкинишке, белсинли лексикадан тайып, шайрлик тилинде де йогалып, мутылганлар. Оъзининъ «Тил байлыгы – эл байлыгы» деген макаласында Кадрия булай язады: «Коъп язувшылар оъзлери билген бир неше аян ногай соъзлерди оъз асарларында кулланмага тартынып турадылар, саъйки*, туъсинерметуъсинмеспе айтпага суъеген затымды халк деп.

Аявлы язувшылар, ширин* тилли дилбар* шайирлер! Туъсинер халк, неге – тувыл, бу соъзлер халктан келген сизге де, ваъре*, тартынманъыз! – деген тилек салмага анъсат* болып каламан.

Неден коркамыз, неге тартынамыз?!

Аьр бир миллеттинь оззининь оьнерли шайирлери, язувшылары бар. Оьз тилининь байлыгын уста кулланып билмеген болса, олар бу вакыт дуньядынь айтылган усталары да болмаган болар эдилер: Навои, Низами, Насими, Омар Хайам, Гёте, Байрон, Пушкин, Брюсов...». Сосы макалады ол «Шоьллик маягынынь» бас тахрири* А.Юсуповка йибереди. Ога караткан хатында булай язып: «Янъыларда оьткен Дагыстаннынь яс язувшыларынынь маслагатыннан сонъ язылган бир-эки озимнинь пикиримди Сизге йиберемен. Бу тил акында.

Тилдинь оьз маьнеси акында бизге, ногай язувшыларына, коьптен соьз бардырмага керек эди, тек алгасав уьстинде, булай макала язаман десень де, йигеринь бата коймайды. Белки гаьзетиньиздинь бетлеринде баска язувшылар да оьз ойларын коьрсетер, авазыма аваз косар».

Кадрия болса бу символлы соьзлерди – бизим ыйманымыздынь эм динимиздинь анъламларын – янъыдан яшавга неге кайтарады? Маьнеси эш те булай: ыйман эм дин кувгынлыкка ушыраса да, халктынь яшавыннан ызсыз йогалмады, ногай аьдемнинь ойынынь эм юрегининь тубине тыгылып яшады. Кадрия болса, оьз ятлавлары ман ногай аьдемин ашыктан-ашык соьйлесуьвге шакыргысы келди. Сонынь уьшин онынь юрегиндеги энъ де кие сезимлерине соьзин каратты, халкы ман бир тилде соьйлегиси келгенин анълатты. Халкы ога ыйнанды, сенди, суьйди, юрегин ашты. Кадриядынь куваныш эм разылык сезимлери «Ногайым» деген ятлагдагы юректи ириткен уьн соьзинде кепленди:

Меккем меним, Мединам!
Келдим сенинъ касынъа.
Сенинъ берген оьрметинъ
Аьжи шалма басыма.

Шайир деген сыйлы эм оьрметли кеспиге каратылган оьз талапларын Кадрия ясырмайды, сыйдынъ да сыйлыларды тапканын суьеди:

Неше язганлар оьлип, язганы кала
Оьмирлерге ... йыр болып.
Неше язганлар яшай, басларына таж салып,
Язганлары оьлсе де, оьзеклери бос болып...

Заман етпей зангыраган нешевлерди мактадык.
Зангырамай еткенлердинъ атын артка тасладык.

Яратувшылык тек эркликтинъ шартларында буърленмеге,
сонъ емис бермеге болаяк деген ойды Кадрия бир неше
ятлавларында беркитеди. 70-нши йылларда язылган себепли,
тоьмендеги сыдыралар да сол баягы аллегория кепте:

Уьйретилмеген аттай меним юрегим,
Тынъламайды ол акыллы ойларга.
Алгасаманъыз сиз оны тысавлап,
Йибермеге коьп юрилген йолларга.
(«Меним юрегим»)

«Тысавдан» бос эм «коьп юрилген йоллардан» эрек турган
Кадриядынъ яратувшылыгы озып кетейтырган XX-ншы оьмирдинъ
ногай шайирлигининъ энъ ярык бети болды. Оькинишке, бакты
бизге онынъ барлыгын коьп коьрди эм замансыз яшав йолын
уьзди. Кадриядынъ юреги сол затты эш те сезген:

Оьлен оьмир кимик кыска оьмирим –
Айтсана деп турган термилип соьзлер.
(«Мен айтпага суьемен»)

Айындырык ярыгындай яркырап,
Соьнсин меним кыска оьткен яшавым.
Ама калган аз йырымда турсынлар
Исси суьюв эм каарлы ашувым.
(«Шынты поэт болсанъ»)

Шайрлик акында коьп язган Кадрия оьз заманынынъ сынъар
шайири этип оьзин санамаган. Оьзининъ замандаслары, адабият
институтында окыган калемдаслары Гамзат Аджигельдиевке,
Келдихан Кумратовага ол юреги мен язган багыславларын атаган,
сыйларын берген:

Эскиден ювыгым, Амзатхан.
Келсенъе, бир лакыр* этейик.
Ой етпес оьрлерге бу аксам
Оьнерли оьзимиз етейик.
(«Гамзат Аджигельдиевке»)

Тав булак пан тузлик сувды бир этип,
Кел, Келдихан, йырлар айтып карайык.
Оыз халкымыз бек онъ биткен бав кимик,
Сол бавларга билбил кустай ярайык.
(«Келдиханга»)

Йырма йылдан артты Кадриядынь бизи мен йоклыгына. Тек
онынь сеними акланган, мырады толган:

Сокпагымдай яшавда ыз калдырсам.
Куванышка мен дайым да толарман.
Аыр созим мен халкка наьсип мен ашсам,
Мен озимди наьсипли деп санарман.
(«Мырадым»)

Шайир кызымыздынь ялынлы ятлавларын кайта-кайта
окыйман, юрегимде тувган сезимлерди бийлеялмай, «йок,
босына берилмеген ога илхам» деп, шайирдинь соьзи мен
унасаман.

Ф.А. КУСЕГЕНОВА,
кандидат филологических наук,
г. Махачкала

ФОЛЬКЛОРНЫЕ ИСТОКИ ТВОРЧЕСТВА КАДРИИ⁹³

*Красив в своих деяниях и вечен
Преданья сохраняющий народ.
Мое начало там,
В его началах.
И создавая красочно меня,
Он строки высекал на черных скалах
Косым, но твердым острием кремня.
Кадрия. «Сказание о любви»*

Формированию мировоззрения и творческого восприятия мира
Кадрии Темирбулатовой (1948–1978) способствовало народное
творчество – богатый фольклор, поэзия средневековых ногайских

⁹³ Публикуется впервые в настоящем издании.

йырау (певцов-сказителей). Но прежде, чем это наследие стало истоком ее поэзии, был мир ее беззаботного детства, была бабушка Бийке – ее проводник в мир сокровищницы слова. Ее песни, легенды, сказки, мудрые наставления формировали личность Кадрии, закладывали незыблемость основ ее поэзии. Потому будущее своего народа поэтесса всегда видела в неразрывной связи с его истоками, национальными корнями. И себя, и свою поэтическую судьбу она не отделяла от судьбы народа, связывала с землей, на которой родилась и выросла.

Мощное присутствие фольклора в творчестве Кадрии очевидно на уровне не только эстетики, но и поэтики: языка, художественной составляющей. В ее лирике задействован потенциал всех основных жанров ногайского фольклора: легенд и преданий (*энгимелер эм таварыхлар*), пословиц и поговорок (*такпаклар эм айтувлар*), загадок и сказок (*юмаклар эм эртегилер*), колыбельных и свадебных песен (*бесик эм той йырлар*), песен-посвящений (*орнау*), песен-плачей (*бозлау*) и др. Художественный опыт предков, его творческое осмысление и умелое использование придают наследию поэтессы необычайный национальный колорит.

Кадрия имела глубокие познания в области родного фольклора и в своих произведениях органично вводила его в текст: «*Ана юртым, бесик йыр да, бозлавынь да – сазымда*» («*Айт!*» – *десенъиз, айтайым...*»). – «И родной юрт, и колыбельные песни, и песни-плачи – В стихах моих» («Если просите, спою...»).

Прекрасной литературной обработкой народной колыбельной является песня, которую, баюкая сына, поет мать Карайдара в тексте пьесы «Карайдар и Кемал-ян»:

*Ай, айданак, айданак,
Ак билегинъ кардан ак.
Говзеллигинъ бир байлык,
Байлыгынъ сенинь бир коьйлек.
Ковйлегинъди ювган эдим,
Арыска элтеп илген эдим,
Ханнынъ кызы коьрипти –
Кан туькире кетипти,
Бийдинъ кызы коьрипти –
Бийий, бийий кетипти,*

*Байдынъ кызы коьрипти –
Басын шайкай кетипти,
Ярлыдынъ кызы коьрипти –
Суййине, суййине кетипти...*

Ай, айданак, айданак,
Плечи твои белее снега.
Красота твоя – одно богатство,
Богатство твое – одна рубашка.
Постирала твою рубашку,
Повесила ее сушить на арбу,
Ханская дочь увидала –
Плюнула и прошла,
Дочь бия увидала –
Танцуя, мимо прошла,
Дочь богача увидала –
Качая головой, прошла,
Дочь бедняка увидала –
Радуюсь, мимо прошла...

Здесь и далее подстрочные переводы – Ф. К.

Поэтесса с большим пиететом относится к культурному наследию народа, обращается к нему при выборе интонации слога, формируя образы и оттачивая язык своей пьесы, и фольклорный материал очень органично вплетается в ткань авторского текста.

Несмотря на свою вариативность, благопожелания (*алгыс*) – один из наиболее устойчивых жанров фольклора, бытующих в повседневной жизни. В них нашла отражение народная мудрость, почитание законов и обычаев ногайцев. Знание и употребление благопожелательных речений являются критерием образованности и воспитанности человека. Их присутствие в поэме Кадрии «*Келермен*» – «Вернусь» («*Шоранъыздынъ бавлары / Бек, бек, болсын, аталар! / Кызын пискен алмадай, / Болсын кызлар, аналар!*») – «Долголетия новорожденному сыну, отцы! / Как спелые яблоки, / Розовыми будут щечки у девочек, мамы!») свидетельствует о глубокой осведомленности поэтессы в традиции.

Тематика и жанровые особенности ногайских благопожеланий обусловлены их общественным назначением, семантикой

призываемого благополучия, счастья, удачи. Исторически часть их была связана с повседневными трудовыми буднями кочевника-скотовода, а другая часть – с обрядами и обычаями. В произведениях Кадрии «Уйинъизге яхшылык» («Мир вашему дому»), «Бир ногай тойда айткан соьзим» («Благопожелание на ногойской свадьбе»), «Ногайыма багып айткан соьзим» («Посвящение моему Ногаю»), «Янъы йылга багыслап» («Посвящение новому году»), «Берекет» («Достаток») задействованы многочисленные благопожелания, создающие настроение и атмосферу добра, позитивного отношения к миру и людям, укрепляющие веру в то, что все сложится хорошо:

*Бурынгыдан калган соьз бар – келгенлер
Берекетли болсын деген уйинъиз.
Олай демек – конак сизден кашпасын,
Олай демек – ийги болсын куыйинъиз.
(«Берекет»)*

С далеких пор входящие твердили:
– Пусть берекет да снизойдет в ваш дом!
А это значит, чтобы гости были,
Чтобы друзья вас помнили добром.
(«Берекет»)
Перевод Т. Кузовлевой

Так же, как и благопожелания, с общественно значимыми событиями, происходившими в истории народа связаны и проклятия (*каргыс*): «Бизге аьсирет болган / Узын оьмир яшасын. / «Яманларга не дейим? / Ана боьри ашасын» – «Кто тоскует по нам, / Пусть живет долго. / Что сказать плохим (людям)? / Пусть их волчица съест!», «Соьзден кимлер тойганлар, / Соьйлегенлер – соьйлесин! / Авызым кызып кетсе: / Уйине буршак явсын!» («Келермен») – «Кто-то насытится словом, / Пусть говорят! Если язык зачешется (скажу): / Пусть град падет на его дом!» («Я вернусь»). Если в этой поэме проклятия присутствуют с мягким оттенком иронии («пусть муха Тактака (*местный топоним.* – Ф. К.) его покусает, «пусть отец его не сгинет»), то в стихотворении «Наьлет болсын» («Пусть будет проклят») она уже глубоко философически порицает негатив, утверждая

позитивное восприятие жизни, способствуя нравственному очищению общества.

Многие из благопожеланий и проклятий представляют собой устойчивые формулы речевого этикета, в которых наряду с другими жанрами воплощаются обычаи, традиции и верования народа. Близкие по жанровой природе плачи наполнены переживаниями, скорбью и отчаянием по поводу невозполнимой утраты. Баллада Кадрии «*Анадынъ оьлуьви*» («Смерть матери») содержит признаки традиционного плача (*бозлау*):

*Ана оьлди. Кара кийип уьстиме,
Сол Анадынъ ялгыз улын куьтемен...
Йьллар оьте, тек куьткеним келмейди,
Сав оьмирим яназысын этемен,
Куьйдиреди бу бозлавым эринди,
Тыныс бува, бу бозлавдан битемен.
Сол Анадынъ толгамаган бозлавын
Мен де, хатын, тынълашыньгыз, айтайым.
Сол бозлавда, ювык куьткен хатынлар,
Карашыкты коьзяслар ман сытайым.*

Мать умерла. Надев черное,
Сына той матери я теперь жду...
Годы идут, только он не идет,
Всю жизнь читаю погребальную молитву,
Обжигает губы мне плач,
Задыхаюсь, заканчиваю плач.
Той матери недопетую песню-плач,
Я тоже женщина, послушайте, я причитаю.
Я плачу от имени матерей,
ждущих своих сыновей.
Плачу, выплакивая все слезы.

«В разножанровой лирике поэтессы преобладают элегические мотивы, которые создают общий эмоциональный фон и философскую основу ее стихов гражданственной, любовной, пейзажной тематики («*Ата юртым*») («Отчий дом»), «*Тереклиде уьш куьш*») («Три дня в Терекли»), «*Ямгыр ява эм терезе йьлайды...*») («Дождь идет и плачут окна...»), «*Кайтар мени*») («Верни меня»), «*Анъла*») («Пойми»), «*Етим юрек*») («Осиротевшее сердце»),

«*Ызгы хат*» («Последнее письмо») и другие», – пишет литературовед Н. Суюнова⁹⁴. Баллада о матери, созданная по канонам жанра плача, своей тональностью, глубиной мысли, поэтическим строем близка к элегии. В ней содержатся поэтично выраженные общечеловеческие мысли и идеи.

Адресованные конкретным людям элегии-плачи передают состояние героя, его переживания по поводу потери близкого человека. Баллада «Смерть матери» и стихотворение «*Обз кевденъди обз колынъа ыслап сен*» («Взяв себя в руки») имеют личностный характер и посвящены близким Кадрии людям. Осмысление и анализ этих произведений дают возможность проследить процесс эволюции жанра плача в её лирике. Стихотворение является своего рода песней-плачем по поводу смерти ногайского поэта Гамзата Аджигельдиева. Баллада адресована матерям, потерявшим детей на войне. Оба плача отмечены высоким накалом эмоций, концентрированностью сочувствия и сопереживания.

Эпос, как героический, так и лирический, как известно, – фундаментальная ценность ногайского словесного искусства. В эпосе привлекает не только сюжет и художественность, его информативность (быт, нравы, общественный строй ногайцев, идеалы народа).

«Поэма “Сказание о любви” Кадрии наиболее сильно и полно представляет нам последние годы творчества ногайской поэтессы. Основой поэмы, вероятно, послужила легенда, пришедшая к нам из “старины глубокой”. Она необычна по замыслу, так как авторское “я”, живой, современный голос поэтессы вторгается в развитие сюжета, служит своеобразным “хором”, комментирующим события, вмешивающимся в действие», – пишет писатель и литературовед В. Дементьев⁹⁵.

Кадрия заявляет:

Во имя вымысла,
Во имя правды,

⁹⁴ Суюнова Н.Х. Элегическая традиция в творчестве Кадрии Темирбулатовой // Социально-культурная и историческая общность Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии: традиции, современность, перспективы развития: Материалы Межрегион. научно-практ. конф. с междунар. участием (г. Черкесск, 23 мая 2019 г.). – Черкесск, 2019. – С. 277–282.

⁹⁵ Дементьев В. «Жизнь – то радость, то боль...» // Пламя поэзии. – М., 1982. – С. 134–152.

Во имя чувств, живущих и сейчас,
Я дерзко поднимаю вас из праха,
И пыль столетий отряхну с вас.

Перевод В. Савельева

«Этот мотив “во имя чувств, живущих и сейчас” варьируется на протяжении всей поэмы», – отмечает В. Дементьев⁹⁶.

Нельзя не согласиться с мнением литературоведа Н. Суюновой, что «в основе художественной состоятельности любовной лирики Кадрии – использование ею традиционных сюжетов, образов и мотивов ногайского лирического эпоса, национального этикета, опыта предшественников – ногайских поэтов-лириков, а также современной литературы»⁹⁷. В поэме «Сказание о любви», написанной по мотивам ногайской народной лиро-эпической поэмы – *дестана* «Бозийгит», Кадрия пишет:

В столетиях живет мое звучанье.
В добре, в отваге, в честности живет.
Ты спрашиваешь:
Кто творец сказанья?
Я отвечаю прямо:
Мой народ!

Эти строки говорят о том, как велика любовь поэтессы к своему народу, его истории, культуре и поэтическому искусству.

«Сказание о любви» – одно из самых поэтичных и светлых произведений Кадрии. В нем показаны конфликт личности с обществом, а также любовь, вступающая в борьбу с окружающим миром. Поэма – образец подлинных чувств, история трагической любви Саибджемал и Кемала. В их образах показаны торжество высокой, всепобеждающей любви и верность своему долгу.

Одним из основных приемов построения художественного образа в поэме Кадрии, как и в народных лиро-эпических поэмах, является противопоставление. В поэме мужественные и честные герои наделены положительными качествами, и их внешность сравнивается со всем красивым в природе и ценным на земле. Резким контрастом им являются хан – отец девушки, соперники, которые изображены в отрицательном плане.

⁹⁶ Дементьев В. «Жизнь – то радость, то боль...» // Пламя поэзии. – М., 1982. – С. 134–152.

⁹⁷ Суюнова Н.Х. Ногайская поэзия XX века в национальном и общетюркском историко-культурном контексте. – М.: ИМЛИ РАН, 2006. – С. 133.

Тонким лиризмом проникнуты диалоги и монологи, которые, раскрывая душевный мир героев поэмы, еще убедительнее показывают основной замысел автора. Лирические монологи не только отличаются особой задушевностью и эмоциональностью, но и придают повествованию особую драматическую напряженность, оживляют его:

Моя отрада... нет... моя отрава...
Всем упованиям ханским вопреки,
Мной зачата ты под звездой кровавой –
И примешь гибель от моей руки!

Используемые Кадрией сюжеты, хотя и содержат типичные фольклорные коллизии, служат изображению современной автору эпохи. В соответствии с художественным замыслом персонажи в поэме подвергаются индивидуально-авторскому осмыслению и становятся культурными символами, отражающими специфику восприятия и интерпретации действительности.

Опираясь на сложившиеся каноны народной прозы (сказку, притчу, легенду, предание и др.), Кадрия преломляет их эстетическую природу, темы, мотивы, сюжеты, образы, композицию, стиль и язык в соответствии с законами поэтического творчества и стихотворной формы. «Явно восходят к фольклору строки о любви зеленой звезды к камню, форели – к горному озеру, травы – к земле. Стихотворение “Я люблю человека...” напоминает сказ... Все это свидетельствует о высокой поэтической культуре», – пишет рецензент книги Кадрии «Улыбка Луны» И. Шевелева⁹⁸. Сама поэтесса определяет жанровую природу этого произведения как *дестан*.

Использование различных жанров и форм фольклора придает поэзии Кадрии полифоничность и разнообразие, значительно расширяет границы национальной литературы, обогащает ее эстетику. «Кадрия, талант которой возмужал на почве бесценного клада народа – фольклора, не ограничивается темами и образами, навеянными устным народным творчеством. Она периодически как бы останавливает себя, прислушивается

⁹⁸ Шевелёва И. Рецензия на кн. Кадрии «Улыбка Луны»: [стихи]; пер. с ног. Т. Кузовлевой и В. Савельева. М.: Молодая гвардия, 1975 // Литературное обозрение. – 1976. – № 1. – С. 60–61.

к себе», – пишет ногайский прозаик К.Б. Оразбаев⁹⁹. Эту же особенность отмечает В. Дементьев, анализируя стихотворение Кадрии «Два коня»: «Сама поэтическая фигура, роднящая это знаменитое стихотворение и с традиционным “Коньком-Горбунком”, и с “ковром-самолетом”, и с убыстрившимся движением XX века, нашла свое близкое родство и с персонажами национальных сказаний, с фольклорной системой разных культур и разных народов»¹⁰⁰.

В поэтических сказках «*Принцесса акымда эртеги*» («Сказка о принцессе»), «*Меним акымда эртеги*» («Сказка обо мне») Кадрия изображает волшебный мир, используя стилеобразующие компоненты, а также языковые и другие отличительные признаки народной сказки. Яркий, интересный мир «Сказки, которая мне приснилась» раскрывает отношения между людьми, человеческие типы и характеры. В произведении сохраняются непосредственные связи с фольклорными источниками и традиции импровизации, свойственные жанровой природе народных сказок. Используя те или иные сюжеты в повествовании, автор их не просто заимствует из устно-поэтического творчества, а подвергает творческому переосмыслению.

Не остается без внимания Кадрии и такой традиционный в искусстве ногайцев жанр, как *айтыс* – поэтическое импровизированное состязание героев, форма устной народной песенной поэзии. В процессе формирования *айтыс* прошел ряд эволюционных этапов, начиная с древних обрядовых песен до самостоятельного музыкально-поэтического жанра. Анализ многих произведений Кадрии свидетельствует о том, что на ее поэзию оказали воздействие не только устное поэтическое творчество, его лучшие традиции, но и преемственная связь с произведениями ногайских средневековых певцов и авторов Нового времени. Стихотворение «*Кызыл Гульдинъ йыры*» («Песня Кызыл Гуль») свидетельствует о связи с традициями лиро-эпической поэмы «Карайдар и Кызыл-Гуль» поэтов Фахруддина Абушахман улы и Арслана Шабан улы. В основе монолога Кызыл Гуль лежат страдания влюбленной девушки, потерявшей надежду на встречу с возлюбленным. Вслед за Кадрией эта тема получила развитие в стихотворениях других ногайских поэтов – Мурата Аvezова «*Карайдардынъ сонъы соъзи*» («Последнее слово

⁹⁹ Оразбаев К. О поэзии Кадрии // См. наст. изд. Т. 3 – С. 199.

¹⁰⁰ Дементьев В. «Жизнь – то радость, то боль...» // Пламя поэзии. – М., 1982. – С. 134–152.

Карайдара»), Фариды Сидрахметовой «*Кызыл-Гульдинъ бозлавы*» («Плач Кызыл-Гуль»).

Язык является выражением души народа, показателем его самобытности. У каждого автора свое отношение к родному языку, которое определяется его талантом. Кадрия не только знает, но и плодотворно задействует ресурсы родного языка (лексику, интонацию, краски) в своей творческой практике. Богатство лексики, смысловая глубина, образность усиливают притягательность поэтического стиля автора.

Национальное своеобразие поэтического языка Кадрии усиливает художественную выразительность ее произведений, оттеняя самобытность поэтики:

*Эки ыркеш ялгыз арка суьекке
Бота тувган шактан алып бегиген.
Арка суьек болсын меним йырларым,
Сол йырларга ана тилим егилген.*
(«Бир туьеде ыркешлердей боьлинген»)

Два горба присоединены с рождения
К позвоночнику верблюда.
Пусть позвоночником станут мои песни,
В которых отражен родной язык.
(«Разделен, как верблюжьи горбы»)

В многожанровом творчестве Кадрии присутствуют все лексические пласты ногайского языка – архаизмы, историзмы, диалектизмы, неологизмы, заимствования и др. Поэтесса активно использует, как было отмечено, лексику ногайского эпоса и других жанров фольклора, которая во многом утрачена в современном литературном языке.

Народность лирики Кадрии обнаруживает себя в поэтической форме ее произведений и в способе воплощения явлений действительности в художественных образах. В традициях народных *насыихат* (песен-наставлений) написаны стихотворения «*Увыл тувса – йигит деп, мактанма сен*» («Если родится сын, не гордись, что он джигит...»), «*Сытырасы сыйга толган той уьйде*» («В доме, где свадебный стол ломится от угощений...»), «*Арыманъыз*» («Не уставайте»), «*Баланъ сенинь, бесик тебиц, йыласа...*» («Если ребенок твой заплачет в люльке...») и др.

Для решения творческих задач поэтесса удачно задействует арсенал пословиц и поговорок. Они вплетаются в речь лирической героини, персонажей сюжетных произведений, придавая ей афористичность, выразительность. В контексте произведений Кадрии известные поговорки приобретают новое звучание, поскольку автор дает им собственную интерпретацию. Устоявшиеся словосочетания, пословицы и поговорки соединяются с новой поэтической традицией: «*Ялгыз терек бав болмас, ялгыз тастан тав болмас*» («Одно дерево – не сад, один камень – не гора»), «*Шолтан энмей, тань атпас*» («Пока не взойдет Венера, утро не наступит»).

Поэзии Кадрии характерен присущий народной поэзии синтаксический параллелизм:

*Етек койды йойсань, ыктан карарсынъ,
Йылкы йойсанъ, эскен елден сорарсынъ,
Туье йойсанъ, агашлыкка барарсынъ,
Суйым йойсанъ, оны, кайдан табарсынъ?
(«Етек койды йойсанъ, ыктан карарсынъ»)*

Потеряешь верблюда – он в солончаках.
Потеряешь овечку – она среди трав.
Потеряешь коня – он придет к табуну.
А любовь?
(«Потеряешь верблюда – он в солончаках»)
Перевод Т. Кузовлевой

*Акыллыман дегенлерден не пайда,
Акыл этип, тилге куйши этпесе?
Мен юмартпан дегенлерден не пайда,
Юмартлыгын языкларга этпесе?
Мен аьдеммен дегеннен де не пайда,
Аьдемшилик ишлеринде болмаса?
Суйемен деп кышкырганнан не пайда,
Суйювине алал болып калмаса?
(«Суйлегеннен не пайда...»)*

И что за толк, друзья, от мудрой головы,
Когда она язык не держит за зубами?

И что за толк другим от денежной суммы,
Когда к одной себе она щедра дарами?

Что толку от людей, которые вовек,
О совести забыв, людьми уже не станут?
Что толку от любви, которая, как снег,
От первого дождя весеннего растает?

(«Что толку от отары породистых овец»)

Перевод М. Колубакиной-Ахмедовой

Кадрия использует привычные и распространенные в народе символы, сравнения, эпитеты, но дает свою неповторимую интерпретацию. Широкое обращение к образной системе устной поэзии, изобразительно-выразительным средствам сказывается и в ритмическом строе стиха – в использовании типичного для народной поэзии одиннадцатисложного размера.

Новации в поэтике Кадрии отражены в ритмике и способах рифмовки. В первую очередь – это звукопись (аллитерация и ассонанс) придающая ее стихам неповторимую мелодичность: «*Кызыл Гульдинь йыры*» («Песня Кызыл Гуль»), «*Келермен дегенлер келмеди*» («Обещавшие прийти, не пришли»), «*Амзатханга*» – («Амзатхану») и др. Возможно, по причине такой напевности, мелодики слога многие произведения поэтессы становятся песнями: «*Аьзиз анам*» («Дорогая мама»), «*Недир яшав...*» («Что жизнь...»), «*Рахатлык йок юрегимде*» («Нет покоя в моем сердце...»), «*Бол меним юлдызым*» («Стань моею звездой...»), «*Кайтар мени*» («Верни меня»), «*Сен*» («Ты») и др.

Стихи Кадрии «*Айтишы, анам*» («Скажи, мама»), «*Эй, яс койшы*» («Эй, юный чабан»), «*Кайда, кайда кетесиз сиз, куьрсинип*» («Куда, куда уходите, вздыхая...») и др., написанные в диалогической форме, продолжают традиции устной поэзии (*айтыс, толгау*).

Использование культурного наследия ногайцев содействует обогащению поэтического языка Кадрии, влияет на эстетику ее творчества, утверждает высокие чувства, красоту и чистоту человеческих взаимоотношений, пробуждает любовь к природе, труду и др. Переосмысление фольклорных сюжетов, образов и изобразительных средств дает возможность по-новому реализовать идейно-художественные задачи, создавать современные художественные произведения.

Понимая значимость фольклора в культурной жизни народа, Кадрия призывает беречь его для будущих поколений и сохранить в первозданной чистоте. В архиве поэтессы сохранился записанный ею, возможно, в качестве основы своего творчества, фольклорный материал (пословицы и поговорки, загадки, песни-плачи, дияры – *диярлар*, рассказы Кожи – *Кожадынъ хабарлары*)¹⁰¹.

Таким образом, становится очевидным, сколь огромным является влияние ногайского фольклора на мировидение и мироощущение Кадрии. Народное словесное творчество, оказавшееся столь органичным для творчества поэтессы, отразилось на эстетике, жанровом фонде, поэтике ее творчества. Кадрия, будучи автором многочисленных произведений, являющихся литературной обработкой фольклорных текстов, тем самым инициировала новое прочтение классики словесной культуры народа, начав процесс интеллектуального осмысления традиционного искусства слова. Это было ново для ногайской литературы времени 70-х годов XX века.

А. М. СУЛТАНМУРАДОВ,
кандидат филологических наук,
г. Махачкала

«НОГАЙСКАЯ ТЕМА» В КУМЫКСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ И ЛИТЕРАТУРЕ¹⁰²

Общеизвестно, что в силу установившейся языковой, духовной, религиозной, географической, культурной, ментальной, историко-политической близости между кумыками и ногайцами, двумя тюркскими народами, проживающими на Северном Кавказе, между ними издавна сложились и тесные литературные связи. Причем связи эти своими корнями уходят в глубь истории. Так, известный кумыкский поэт, просветитель, ученый и общественный деятель Магомед-Эфенди Османов, работая

¹⁰¹ Кадрия. Фольклорные записи // Архив Кадрии. См. наст. изд. Т. 1. – С. 366-399.

¹⁰² Печатается по тексту: Ногайцы: XXI век. История. Язык. Культура. От истоков – к грядущему // Материалы Третьей Междунар. научно-практ. конф. (г. Черкесск, 2–3 окт., 2019 г.). – Черкесск, 2019. – С. 350–353.

преподавателем восточного факультета Санкт-Петербургского университета, в 1883 году издал книгу под названием «Песни ногайцев и кумыков» (*«Ногъайланы ва къумукъланы йырлары»*). Обращает на себя внимание то, что составитель книги, сам являясь этническим кумыком, в ее названии первым обозначает не кумыков, а ногайцев, тем самым подчеркивая уважение к родственному народу. В книгу М.-Э. Османова вошли: «Песни», «Предание о Нарике и Чуре Батыр», «Предание о Тохтамыш хане», «Предание о Мирза Мамае», «Предание об Адиль Султане Крымском», «Предание об Эрго Ахмеде, сыне Айсулу», «Предание об Эсен-булате», пословицы, поговорки, исторические и современные на тот период песни ногайцев. По словам исследователя А.И.-М. Сикалиева, М.-Э. Османов собрал «полные и лучшие варианты ногайских дастанов» и ему принадлежит «выдающееся место в ногайской фольклористике», а его труд «оказал заметное влияние на последующих исследователей ногайского фольклора»¹⁰³. Составителя «Песен ногайцев и кумыков» по праву можно считать основоположником ногайской и кумыкской фольклористической науки.

В последующем, особенно в советский период нашей истории, ногайско-кумыкские литературные связи значительно укрепляются, выходят на более качественный уровень. Одно простое перечисление имен кумыкских авторов и названий их произведений на тему ногайско-кумыкских отношений говорит сам за себя: Абдул-Вагаб Сулейманов «Ногайская девушка» (*«Ногъай къыз»*); Аткай «Хранителю ногайской песни Джанибекову» (*«Ногъай йырны хазначысы Жаныбековгъа»*), «В ногайском стиле» (*«Ногъай къайдада»*), «Эх, бедолага» (*«Ай, пакъыр»*), «Сломанная сабля» (*«Сынгъан шёшге»*), «Ногайские трехстишия» (*«Ногъай уьчлюклер»*), «Кадрии» (*«Къадриягъа»*), «Ногайская поэтесса Кадрия...» (*«Ногъайланы шаир къызы Къадрия...»*); Анвар Аджиев «Ногаец, поющий речитативом» (*«Толгъуйгъан ногъайлы»*); Магомед Атабаев «Ногайской девушке» (*«Ногъай къызгъа»*); Шейит-Ханум Алишева «...Кадрия моя!» (*«...Къадриям!»*); Джаминат Керимова «Кадрия» (*«Къадрия»*); Зарият Умаева «Словно полевой цветок» (*«Чечегидей тогъайны»*) и др.

¹⁰³ Сикалиев А.И.-М. Фольклор ногайцев // Очерки истории Карачаево-Черкесии. – Ставрополь, 1967. – Т. I. – 546 с.

Названия вышеперечисленных произведений свидетельствуют о том, что, кумыкские писатели, развивая в своем творчестве «ногайскую» тему, часто обращаются к созданию образа талантливой ногайской поэтессы Кадрии (Кадрии Темирбулатовой – 1948–1978 гг.), оставившей в истории ногайской художественной словесности яркий, заметный след, чья жизнь трагически оборвалась в расцвете творческих сил. Оценивая талант поэтессы, ее поэтическое своеобразие, тот вклад, который она внесла в развитие ногайской литературы, исследователь Н.Х. Суюнова пишет: «Вычертить творческую траекторию такого художника, как Кадрия, трудно. Представление о том, что ее искусство развивалось от какой-то низшей ступени к высшей, по меньшей мере, неточно»¹⁰⁴.

В творчестве народного поэта Дагестана Аткай (Аткай Аджаматова – 1910–1998 гг.) «ногайская» тема занимает значительное место. Данной теме кумыкский автор посвятил не одно, а целый цикл своих произведений. Это такие произведения, как «Хранителю ногайской песни Джанибекову» («*Ногъай йырны хазначысы Жаныбековгъа*»), «В ногайском стиле» («*Ногъай къайдада*»), «Эх, бедолага» («*Ай, пакъыр*»), «Сломанная сабля» («*Сынгъан шёишге*»), «Ногайские трехстишия» («*Ногъай уьчлюклер*»), «Ногайская поэтесса Кадрия...» («*Ногъайланы шаир къызы Къадрия...*»), «Кадрии («*Къадриягъа*»)»¹⁰⁵.

Не выходя за рамки нашей заявленной темы, обратимся к последним из вышеназванных произведений Аткай, а именно стихотворениям «Ногайская поэтесса Кадрия...», «Кадрии».

«Ногайская поэтесса Кадрия...» состоит из шести строк (четверостишие и двустишие), представляющее собою эпиграмму, и, скорее, написанное при жизни поэтессы. Интересно отметить, что во второй строке анализируемого стихотворения автор умело обыгрывает название первого опубликованного поэтического сборника Кадрии – «Горы начинаются с равнин» (1971 г.):

*Ногъайланы шаир къызы Къадрия.
Башлап чёллер яралгъан деп гёрсете,
Къызлардагъы балыкъчы къыз Мария
Башлап кёллер яралгъан деп гёрсете.*

¹⁰⁴ Суюнова Н.Х. Ногайская поэзия XX века в национальном и общетюркском историко-культурном контексте. – М., 2006. – 323 с.

¹⁰⁵ Аткай. Тропою надежды. – Махачкала, 1991. – 328 с. (На кум. яз.)

*Тувгъан юртдан башлана дей бу дюнъя,
Шогъар къаршы ким турса да, терс эте.*

Ногайская поэтесса Кадрия
Утверждает, что сначала равнины сотворены.
Кизлярская рыбачка Мария
Утверждает, что сначала озера сотворены.
Говорят, что с родины малой начинается этот мир.
И не прав тот, кто противостоит этому.
Здесь и далее подстрочные переводы – А. С.

Стихотворение «Кадрии», как становится ясным из его содержания, написано после трагической гибели ногайской поэтессы и передает всеобщее горе народа, всех тех, кто знал ее, в связи с этой тяжелой утратой. Произведение это изобилует оригинальными изобразительно-выразительными средствами (параллелизмы, метафоры, эпитеты, символы, сравнения, олицетворения, повторы, аллитерации, ассонансы, градация), и все они подчинены усилению передачи в связи с огромной утратой. В системе художественных средств анализируемого стихотворения обращает на себя внимание пейзажные зарисовки, окрашенные в печальные, грустные, унылые, мрачные тона:

<i>Ногай чёл, пашман тёбе,</i>	Ногайская степь, грустный холм,
<i>Тёбе башда тюльпан гюл.</i>	Тюльпан – на вершине холма.
<i>Илбис гесгендей тёре,</i>	Будто Дьявол вынес вердикт,
<i>Гюлю яллап, къалды кюл.</i>	Сгорел цветок, остался пепел.

В последнем четверостишии автор еще раз высказывается по поводу великой утраты, по поводу того, что не все творческие замыслы Кадрии оказались осуществленными. Но в то же время проскальзывают и нотки оптимистического характера, связанные с тем, что ногайская поэтесса оставила после себя ценное литературное наследие, тем самым обессмертив свое имя. Кроме того, читателю сразу же бросается в глаза последнее слово в стихотворении – имя поэтессы, данное целиком заглавными буквами (конечно же, не без вмешательства в типографскую «кухню» самого Аткая).

<i>Йырав оьлюп, йыр кьалды,</i>	Погибла поэтесса, но осталась песня,
<i>Тынглар йимик кьарт дюнья,</i>	Да такая, чтобы мир старый слушал ее,
<i>Чечилмеген сыр кьалды</i>	Остались нераскрытые тайны
<i>Чечегингден, КЪАДРИЯ.</i>	С цветка твоего, КАДРИЯ.

Народный поэт Дагестана Шейит-Ханум Алишева (1947 г. р.), являющаяся ровесницей Кадрии и прекрасно знавшая ее, посвятила своей коллеге по перу стихотворение «...Кадрия моя»¹⁰⁶. Рассматриваемое стихотворение изобилует словоформами с аффиксом принадлежности, как в единственном, так и во множественном числе. Тем самым автор как бы подчеркивает близость, языковую, духовную, географическую общность двух тюркских народов – ногайцев и кумыков, а также самой себя с лирической героиней произведения – Кадрией:

<i>Сырыбыз бир –</i>	Единая у нас тайна –
<i>Йырыбыз бир,</i>	Единая у нас песня,
<i>Торгъай англы ногъайым!</i>	Ногай мой с трелью жаворонка!
<i>Сёзюбюз бир –</i>	Единое у нас слово –
<i>Озьюбюз бир,</i>	Сами мы едины,
<i>Туран танглы ногъайым!</i>	Ногай мой с рассветом Турана!

В анализируемом стихотворении Ш.-Х. Алишевой упоминаются два антропонима – Сраждин и Кошманбет. Речь идет о двух талантливых деятелях культуры ногайского народа: художнике Сраждине Батырове и композиторе и певце Кошманбете Зарманбетове, чьи жизни, как и у Кадрии, оборвались в расцвете творческих сил. Даже простое упоминание их имен способствует усилению трагического накала анализируемого стихотворения.

Полно трагизма, печальных ноток, минорного настроения и стихотворение поэтессы Джаминат Керимовой (1949–2010) «Кадрия»¹⁰⁷. Данное стихотворение, состоящее из 28 строк, разбито на три восьмистишия и одно замыкающее четверостишие.

В первом восьмистишии на первый план выдвигается художественный прием аллегории: *кюйленген кьомузну* («настроенного кумуза»), *юлкьуп кьыллары* («оборвав струны»). Нетрудно догадаться, что названные аллегорические образы имеют непосредственное отношение к Кадрии.

¹⁰⁶ Алишева Ш.-Х. Жажда. – Махачкала, 2008. – 424 с. (На кум. яз.)

¹⁰⁷ Керимова Д. Избранные произведения. – Махачкала, 2008. – 556 с. (На кум. яз.)

Во втором восьмистишии Д. Керимова, прибегая к различным оригинальным изобразительно-выразительным средствам (олицетворение, гипербола, антитеза, аллитерации, повторы и т. д.), акцент делает на значимости поэзии Кадрии, невероятной ее популярности среди ногайцев, и не только.

Художественному осмыслению великой потери – трагической гибели Кадрии посвящено третье восьмистишие анализируемого стихотворения. Песни ногайской поэтессы кумыкский автор уподобляет «детям, оставшимся без матери», ее «жизнь, подобную цветку» – «погасшей звезде»:

<i>Анасыз къалгъан</i>	Песни, словно дети,
<i>Яшлардай йырлар,</i>	Оставшиеся без матери,
<i>Сен эсге тюшсенг,</i>	При воспоминании о тебе –
<i>Юрекни тырнай.</i>	Сердце ранят.
<i>Юрекни чартлатды</i>	Сердце разбила
<i>Чакъсыз оьлюмюнг,</i>	Безвременная смерть твоя,
<i>Юлдуздай батды</i>	Словно звезда погасла
<i>Гюлдей оьмюрюнг.</i>	Жизнь твоя, подобная цветку.

Последняя часть стихотворения Д. Керимовой – четверостишие носит оптимистический характер, вызванный тем, что гибель Кадрии не привела к забвению ее творчества, наоборот, ее песни живут среди народа, их популярность с каждым годом растет.

<i>Тек сёнмей бир де</i>	Но не гаснут,
<i>Йырларынг яшай,</i>	Песни твои живут,
<i>Ногъай чёллерде</i>	В ногайских степях
<i>Йыл сайын яшай.</i>	Все звонче они раздаются.

По глубокому убеждению автора стихотворения «Словно полевой цветок» – молодой кумыкской поэтессы З. Умаевой, в силу объективных высоких идейно-художественных особенностей, актуальности поднимаемых проблем, поэзия Кадрии обречена на бессмертие:

<i>Ёкъ! Сени ярыгъынгни</i>	Нет! Твой свет
<i>Болмадылар сёндюрме!</i>	Не смогли погасить!
<i>Къанатлы сёзлерингни</i>	Крылатое слово твое
<i>Болмас кюлге дёндюрме!</i>	Не превратится в прах.

Следует отметить, что на кумыкский язык осуществлен перевод ряда произведений Кадрии: Сраждином Токбулатовым – «Слова ногайской девушки» («*Ногъай къызны сѣзлери*»), «Отцовское моё село» («*Ата юртум*»), «Ветры дуют» («*Еллер эше*»), «Мир вашему дому» («*Уьюгюзге яхшылыкъ*»), «Я виновата» («*Айыплыман*»); Абдул-Кадыром Абдуллатиповым – «Когда я родилась» («*Мен тувгъанда*»), «Что значит человек не ошибается...» («*Янгылмай инсан деген не хабар*»), «Песня героев» («*Игитлени йыры*»), «Что толку говорить...» («*Сейлегенден не пайда*»); Магомедом Атабаевым – «Ногай мой» («*Ногъайым*»), «Мой народ» («*Халкъым мени*»); Бадрутдином Магомедовым – «Смерть матери» («*Ананьы оьлюмю*»); Супиянат Мамаевой – «Торопилась я к тебе» («*Алгъасадым мен сагъа*»), «Тебя жду» («*Сени гѣзлеймен*»), «Почему так спешишь...» («*Неге булай алгъасадынг...*»), «Я тебя жду...» («*Мен сени гѣзлеймен*»), «Когда любовь, словно солнышко, улыбнулась с неба...» («*Сююв магъа кѣкден гюндей кюлегенде...*») ¹⁰⁸.

Кроме того, несколько вышеприведенных переводов произведений Кадрии вошло в хрестоматии по кумыкской и дагестанской литературам: стихотворения «Мой Ногай» (8 класс), «Когда я родился», «Что значит человек не ошибается», «Песня героев», «Какой толк говорить» (11 класс) и баллада «Смерть матери» (7 класс) ¹⁰⁹.

Резюмируя вышеизложенное, отметим:

1) между кумыками и ногайцами – двумя родственными тюркскими народами, имеющими языковую, духовную, религиозную, географическую, культурную, ментальную, историко-политическую общность, издавна сложились и успешно развиваются и литературные связи;

2) «ногайская» тема занимает заметное место в истории кумыкской литературы, к данной теме в разные годы обращались многие кумыкские писатели;

3) кумыкские авторы, развивая в своем творчестве «ногай-

¹⁰⁸ Кумыкский энциклопедический словарь. – Махачкала, 2012. – 400 с.; Литературы народов России. XX век. Словарь. – М., 2005. – 368 с.; Мамаева С. Бессмертник. – Махачкала, 2012. – 288 с.; Писатели Дагестана. XX век. – Махачкала, 2004. – 336 с.

¹⁰⁹ Абдуллатипов А.Ю., Султанмуратов А.М. Кумыкская литература. Учебное пособие-хрестоматия для 7 кл. – Махачкала, 2013. (На кум. яз.) Акбиев С.Х., Султанов К.Д. Кумыкская литература. Хрестоматия для 8 кл. – Махачкала, 2000. (На кум. яз.)

скую» тему, часто обращаются к созданию образа талантливой ногойской поэтессы Кадрии;

4) в произведениях, посвященных Кадрии, отмечается, с одной стороны, величие таланта, невероятная популярность ее произведений, с другой стороны – трагическая гибель, огромная утрата для ногойской национальной художественной словесности;

5) на кумыкский язык переведен ряд произведений ногойской поэтессы.

М.М. НАКОХОВ

НАСЛЕДНИЦА ВОЛЬНОЙ СТЕПИ¹¹⁰

Подлинно талантливый поэт, словно редчайший по красоте изяществу жемчуг, извлеченный из обнаруженной на космической глубине безбрежного океана раковины, явление в литературе.

Кадрия... К сожалению, имя этой талантливой поэтессы, успевшей за очень короткий срок жизни внести свежую струю в родную ногойскую литературу и оставить в ней свой весьма заметный след, известно ныне не в той степени, как должно.

А между тем, 30 с лишним лет назад, когда безжалостно-коварная рука убийцы (или убийц) злодейски оборвала яркую, вспыхнувшую молнией жизни поэтессы, Кадрию Темирбулатову уже называли восходящей звездой не только ногойского, но и всей многонациональной поэзии Советского Союза.

Сегодня, осмысливая короткий, но весьма плодотворный творческий путь Кадрии, ее вполне справедливо и обоснованно называют великой. Она, утренняя звезда, действительно для родной литературы и культуры была и навсегда осталась ярким светом дня наступающего – доброго и счастливого.

Поэтесса родилась в центре ногойской степи – ауле Терекли-Мектеб в семье знатного чабана Уразбая Темирбулатова, человека достаточно образованного и прогрессивного для своего времени. Теплая атмосфера родительского дома, волшебные народные сказки, услышанные в детстве из уст бабушек, пронизывающее сердце и душу старинные песни под домбру, общение с непревзойденными сказителями – более чем благодатная почва

¹¹⁰ Печатается по тексту: Вестник Карачаево-Черкесии. – Черкесск, № 4, март, 2013 г.

для вызревания недюжинного таланта, вместившего в себя мир прошлого и настоящего. Позже, осмысливая свои духовные истоки, поэтесса напишет:

Там, где я родилась,
Солнце вечно горит в поднебесье,
Я, рожденная солнцем,
Наследница вольной степи.
Мне известно, что горы считают
Долину невестой,
И любуются ее, и шепчут ей тихо: «Не спи...»

Перевод Т. Кузовлевой

Кадрия начала писать в шестидесятые годы прошлого столетия, когда в ногойской литературе уже работали большие мастера слова Суюн Капаев, Фазиль Абдулжалилов, Гамзат Аджигельдиев. В этот же период не литературном небосклоне засияла звезда и другой замечательной ногойской поэтессы Кельдихан Кумратовой, с которой Кадрию связывали долгие годы творческой и простой человеческой дружбы.

Поэтический дар Кадрии проявился очень рано. И уже совсем скоро она привлекает к себе внимание крупнейших поэтов Кавказа Расула Гамзатова и Кайсына Кулиева. Как Державин, благословивший когда-то Пушкина на литературное бессмертие, так и два маститых поэта XX века осветили своим добрым напутствием творческий путь одаренной ногойской поэтессы.

Кадрия по-своему, по-темирбулатовски, открыла всесоюзному читателю поэтический образ степи. И более того, довольно смело, а, возможно, и оправданно дерзко, заявила о том, что «горы начинаются с равнин». И была абсолютно права, поскольку не изобрела красивую метафору, а попыталась сформулировать новую, возможно, не сразу воспринимаемую философию поколения, пытавшегося сказать свое слово на базе унаследованных традиций. А традициям Кадрия была верна, и свидетельство тому – ее стихотворения и поэмы, благодаря прекрасным переводам известных русских поэтов, ставшие достоянием широкой читательской аудитории:

Кто сказал, что с вершин начинаются горы?
Кто сказал, что с вершин?

Да и кто он таков?
Ах, друзья мои!
Вспомнить сегодня нам в пору
Неизменную истину долгих веков...
Лишь со временем мудростью полнятся взоры,
Лишь с годами все больше почтенных седин.
Что ни думай, с равнин начинаются горы.
Как ни спорь, начинаются горы с равнин.

Перевод В. Савельева

Окончив Литературный институт имени М. Горького в Москве, где она, посещая семинары выдающихся поэтов и писателей СССР, пользуясь выражением Анны Ахматовой, поняла «из какого сора растут стихи». Кадрия выпускает в 1977 году второй сборник стихотворений на русском языке в издательстве «Современник» с довольно символическим названием «Спасенные звезды». В небольшой по объему книге не только лирические раздумья поэтессы о вечной радости жизни. В раздираемом противоречиями мире, в непрекращающейся вражде и ненависти людей друг другу, Кадрия страстно хочет быть услышанной и понятой каждым. Спешит сказать, как важно сохранять и преумножать завещанный предками уникальный нравственный кодекс чести, не совершать непоправимые ошибки, за которые рано или поздно нести ответ:

Мне страшно бывает смотреть на небо:
Вдруг я не увижу на нем
Ни одной звезды.

Чтобы они, звезды душ человеческих, не исчезли, раньше времени не погасли, поэтесса вновь и вновь, терзая себя по ночам, не давая заснуть сердцу, взывает к Слову в надежде, что оно, вовремя сказанное и правильно понятое, образумит людей, остановит их, заставит призадуматься, укажет им путь к истине:

Слово моё,
Пусть погибнем с тобою в бою,
Но над нами взойдут в тишине
Жизнью
Спасенные звезды...

Несомненно, на родном языке это стихотворение звучит значительно сильнее. Но и выполненный замечательной русской поэтессой Татьяной Кузовлевой, перевод о многом свидетельствует. Прежде всего, – о способности поэтессы вобрать в себя предшествующий опыт мастеров слова родной словесности и многонациональной литературы. Именно на эту характеристику поэзии Кадрия обращает внимание известный ногайский ученый, доктор филологических наук Насипхан Суюнова в своей фундаментальной монографии «Ногайская поэзия XX века»: «С опорой на национальный и мировой художественный опыт Кадрия Темирбулатова утверждает подлинные чувства, которые, как ей представляется, утратили известные качества: искренность, открытость и постоянство». Именно в этом и заключена глубинная суть истинного поэта, каким и была ногайская поэтесса Кадрия.

Свой третий сборник на русском языке «Мосты», выпущенный «Советским писателем» в 1979 году, поэтессе увидеть было не суждено. Он вышел в свет через несколько месяцев после ее гибели.

Трагедия, разыгравшаяся в 1978 году в Махачкале, до сих пор остается за семью печатями. В одночасье был прерван стремительный полет предвестницы наступающего рассвета, непреходящим страхом своей души за людей, ограждавшей их от зла и непродуманных поступков, поспешных мыслей, гнева и безрассудства.

Что стояло за убийством безгранично талантливой Кадрии, гордости и чести ногайской степи, восходящей звезды отечественной поэзии? Нам никогда не узнать об этом. Поэтессе, чья известность в конце 70-х годов перешагнула границы родного края, так и не суждено было попасть в столицу Кубы Гавану, куда она должна была вылететь в тот же месяц, когда ее не стало, для участия во Всемирном фестивале молодёжи и студентов.

Впрочем, история не нова. Кадрия продолжила печальный список, начатый еще в XIX веке Пушкиным и Лермонтовым, чья трагическая смерть была вызовом веку, не оценившему, не вместившему в свои рамки уникальный талант, недолго блестевший невиданным алмазом среди равнодушия и зависти. И как тут не вспомнить Евгения Евтушенко: «Поэтов часто убивают, чтобы цитировать потом».

Кинжальной болью отозвалась гибель Кадрии в сердце ее верной подруги, ласточки ногайских степей – Кельдихан Кумратовой, до конца своих дней хранившей светлые чувства о своей поэтической сестре. Их связывали долгие годы теплой и

искренней дружбы, о чем рассказала однажды Кельдихан Исаевна в нашей беседе, состоявшейся в начале 90-х годов. И, разумеется, она не могла не откликнуться в свое время на трагедию, постигшую всех ногайцев, где бы они ни жили, всех истинных почитателей подлинной поэзии:

Села на коня ногайка,
Сто дорог открылись ей!
Иноходца погоняет,
Мчится девушка-джигит...
Слышу стук копыт в долине,
Ночью, в предрассветной мгле ...
Бродит конь в степи поныне,-
Нет наездницы в седле.
И когда заря займется
Над землею, Кадрия,
Сиротою сердце рвется,
Вся в слезах душа моя!..

Перевод А. Ануфриева

В своем эссе, посвященном памяти Кадрии, известный ногайский писатель Иса Капаев, написал такие выжигающие душу слова «Ногайскую поэтессу Кадрию зверски убили и сожгли... Её поэзия, подобно чистоте утренней росы, была неестественной в мире грязи и бесчестия. Кадрия – цветок, рожденный и погубленный ненастьем. Появление поэтессы такого уровня для нашего народа было явлением преждевременным. Наши соотечественники еще вернутся к поэзии Кадрии. И каждый раз она будет порождать вздох сожаления».

Кадрия Темирбулатова часто бывала в Карачаево-Черкесии. Здесь на страницах газеты «Ленин йолы» (ныне «Ногай давысы») печатались ее новые стихи, которые не оставляли земляков равнодушными. Здесь, в Черкесске, в 1972 году был издан один из ее сборников на родном языке. В каждый свой приезд Кадрия любила бывать в ногайских аулах, встречаться с простыми людьми, просто посидеть на берегу Кубани, где легко дышалось и думалось. Возможно, как знать, многие темы ее стихотворений родились именно в Карачаево-Черкесии. И стали затем достоянием широкой читательской аудитории Советского Союза.

Каждый раз, размышляя о самобытном творчестве орлицы ногайской поэзии, восхищаюсь полетом ее мысли, их глубиной,

образностью и метафоричностью языка, при этом невольно на память приходят замечательные ее строки:

О мой народ!
Я горсточка твоих
И радостных
И горестных раздумий,
Которые без праздной суеты
Ты обращаешь
К предкам и потомкам.
Я, словно голос
Этой вот земли,
Хранимая тобою –
Не исчезну.

Перевод Т. Кузовлевой

Бережно хранимая народом, Кадрия не исчезла из памяти тех, кто ее знал и любил, кто ценил и ценит ее поэзию, кому дорого вдохновляющее и созидающее слово. В Терекли-Мектеб ее имя носит местная школа и одна из улиц родного аула. Произведения поэтессы изучают в школах и вузах Дагестана, Карачаево-Черкесии, Ставропольского края и Астраханской области. Многогранное творчество поэтессы по-прежнему остается в поле повышенного внимания издателей, ученых-литературоведов, читателей ее таланта. В Москве, Махачкале, Алма-Ате, Черкесске вышло немало ее посмертных книг на родном и русском языках, опубликованы десятки статей о влиянии бессмертной поэзии Кадрии на развитие ногайской и всей советской, российской литературы.

Но главным, нерукотворным памятником Кадрии навсегда осталась ее лучезарная, проникнутая добром и светом поэзия. Мощным потоком она влилась в общероссийскую и мировую классику, став ее неотъемлемой частью.

Ю.И. КАРАКАЕВ,

кандидат филологических наук,

г. Карачаевск

ОБМИРЛЕРГЕ – ЯС¹¹¹

Кадрия шайир больш кыска, ама яркын яшав яшады, ол обзи де, онынъ шайирлиги де окувшылар ушин обмири яс больш калайк.

¹¹¹ Печатается по тексту: «Шоьллик маягы» («Степной маяк»), Терекли-Мектеб. – 14 декабря 1978 г.

Онынъ оьмир яшавынынъ оьзгерислери аз сыдыраларга сыяды: балалыгы, мектеб, институт сонъ – суьер куллыгы. Ама аьдемнинъ сыйы ол ер юзинде кыска яде узак заман яшаганы ман оьлшенмейди, ямагат уьшин онынъ эткен иси мен, пайдасы ман оьлшенеди.

Халкымыздынъ анъ байлыгын оьстируув, оьрлендируув уьшин Кадриядынъ эткен иси оьлшемсиз. Сога коьре де халкымыз оьз арасыннан сондай оьнерли аьдем шыкканына, халкынынъ тарихине баска кардаш халкларды аьжепсиндирип каратканына оьктемсийди.

Кадрия дунья юзинде аз яшаса да, бай иш дуньясынынъ яшавын баска аьдемлерге коьрсетип болды. Не ди онынъ бай ишки яшавынынъ тамыры, булагы?

Санияттынъ аьр туьрлисининъ, адабияттынъ да булагы, негизи – ол акыйкатлык, яшав оьзи экени яхшы белгили. Кадриядынъ шайирлиги – бизим акыйкатлык эди. Ол оннан оьзине коьнъил, даврен табатаган эди, ятлавларында кеплейтаган эди: яшавдынъ оьмир соравлары – яшав, аьжел, яхшылык, яманлык, суьйим, суьймевлик.

Кадрия юмарт янлы аьдем экенине онынъ шайирлиги шайыт. Оьзининъ ян-юрегин, онынъ теренлигиндеги ясыртынларын ашады, сезимлеринде ялганлык йогын коьрсетеди.

Бизим аьлиги ногой адабиятынынъ оьсуувине Кадрия уьйкен себеплик этти, Сол затка авар шайири Расул Гамзатов эм балкар шайири Кайсын Кулиев оьнерли кызымыздынъ яратувшылыгы акында айткан ойлары аян шайыт.

Кадрия оьзининъ ятлавларында ногой халкынынъ бай авызлама яратувшылыгынынъ аьдетлерин кенъ кулланады, оьз тилининъ соьз байлыгына, тилди яхшы билген себепли, аркаланады: яньы келбетлер, яньы терен маьнели ой ман окувшыларды кувандырады. Ол адабият аьрекетин оьзининъ сав яшавынынъ бас аьрекетини этип сайлады, оьзининъ оьнершилик сокпагын тик бийиклевлерге миндирди, оьзининъ табиат берген зейинлигин дайым оьстируув уьшин каныгыслы куллык этти.

Мине сосы затлар оны ногой адабиятынынъ оьрленуув йолында алды сырага шыгарды. Кадрия оьзининъ соьзи мен окувшыдынъ алдында яваплык сезген. Ятлавларды калай язатаганы акында ол оьзи булай деген: «Ятлавлар калай язылады? Аьдем калай куьледи, калай йылайды? Мен кыйналаман, эгер ким ди бирев меним шынтылыгымда шекленгенин коьрсем.

Мен адемлер арасында бир-бирине сенмевлик болганды суймеймен. Меним окувшым мага ынанганды суйемен. Аыр бир ятлав ол – муькирлик. Бир заманда Гюстав Флобер айткан: «Госпожа Бовари ол – мен, соьйтип иш беттен озьимнинь язып шыгаратаган затларыма карайман». Не де айтылсын, язаяткан шагыньда озьининь иш ымтылысыньды, аваслыгыньды, сыбырдав ман, эринлеринь козгалувы ман ишиньдеги затларды дуньяга айткынь келеди».

Кадриядынь сосы соьзлери ак соьзлер. Поэт озьининь иш ойларын, ымтылысларын, куванышларын, кайгыларын дуньяга айтпай, озьинде саклап юрип болмайды. Ама сол ойларды, ымтылысларды, кайгыларды баска адемлерге еткеруьвдинь негизинде шынты зейинлик, шынты соьз шеберлик, шынты усталык ятады. Оьнершиликтинь сол нышанлары ман Кадриядынь яратувшылыгы толы эди.

Кадрия бизге ногай тилинде «Тав даньылдан басланады» (1971), «Сокпак йолга ымтылса» (1972), «Яслык йырлары» (1973), «Хайран» (1978), орыс тилинде «Айдынь куьлемсиреви» (1975), «Сакланылган юлдызлар» (1977) деген ятлавлар йыйынтыкларын асабага калдырды.

Бизим борышымыз – онынь яратувшылыгын баьри ягыннан терен тергев, келеген несиллерге тоькпей-шашпай еткеруьв, эсимизде саклав.

М. ЕРШУ,
*кандидат филологических наук,
г. Нур-Султан
(Республика Казахстан)*

ПОЭЗИЯ – ЖҮРЕКТЕРДІҢ ЕЛШІСІ¹¹² ...

Туркияда ногай халқының атақты ақын қызы Кадрия Темірболатованың «Жігіттердің жырымын» антологиясының тұсаукесері болған еді.

Анкарада ТҮРКСОЙ Халықаралық ұйымының штаб-пәтерінде өмірден ерте кеткен ногай халқының ақын қызы Кадрия Темірболатованың туғанына 70 жыл толуына орай

¹¹² Публикуется впервые в настоящем издании.

конференция өтті. Сол жерде Кадрияның өлеңдеріне он екі тілге аударылған «Жігіттердің жырымын» атты антологиясының тұсаукесері болды. Қазақстаннан Кадрия өлеңдерін қазақ тіліне аударған аудармашы ретінде мен де бұл шараға шақырылған едім. Бұл шараға жер жерден аудармашы-ақындар шақырылған екен. Сондай-ақ, Дағыстанның Ноғай ауданынан Кадрияның өнерпаз жерлестері, мәдениет басшылары қатынасты. Кадрияға арналған шаралар Түркияның Стамбул, Ялова, Ескішехир қалаларында жалғасты. Яловада Кадрия Темірболатова атында көше ашылса, Анадолы Университетінде әдеби басқосу ұйымдастырылды. Бұл шаралар жоғары денгейде өтті. Және біздер, ақындар үшін поэзия мерекесіне айналғандай болды.

Кадрия жырлары қазақ тілінен басқа қырғыз, өзбек, башқұрт, татар, құмық, орыс, әзербайжан, түрік, татар, түркімен тілдерінде сөйледі. Ал, аударма туралы айтар болсам, былтыр ақпан айында Анкарада және Стамбулда менің «Дина Нүрпейісова» және екі кітабым «Қожанасыр жырлайды» (Махмут Каядан аударма), «Сезім музейі» (Орхан Памуктен аударма) кітаптарымның тұсаукесері өткен еді. Сол барған сапарымда ТҮРКСОЙ бас хатшысы Дүйсен Қасейінов маған Кадрия Темірболатованың ноғай тілінде шыққан «Үйіңізге жақсылық» атты кітабын беріп, Кадрияны қазақша сөйлеткенін дұрыс, біздің жобамызға қатыс деген еді.

Ноғай тілі қазақ тіліне жақын тіл, дегенмен едәуір айырмашылықтар бар. Бірақ, неге екенін білмеймін, Кадрия жырларына ықыласым ауды. Ол – менің жаныма жақын ақын. Болашақта Кадрияның жырларының аудармасын өлеңдер жинағы етіп шығарғым келеді.

Кадрия Оразбайқызы 1948 жылы Дағыстанның Ноғай ауданында Терекли-Мектеб ауылында туған. Балалық шағы туралы «Жүрек айтса» деген естелігінде Кадрия былай деп жазған екен: «Мені ұл болар деп күтіпті. Шыр етіп дүниеге келгенде адамдар қуана қоймағанға ұқсайды. Сонда әжем орнынан тұрып айқай сала сөйлепті: «Ей, туғандар! Бұл әулеттің ең қарт кісісі менмін. Ағайындарым – ау қуанындар, өмірге қонақ келді. Періштедей қонақ. Сіздер қай заманнан қонаққа қазан көтермеп едіңіздер, қойларыңыз аз болар, бірақ қонақ келгенде дастархан жайылып, ет асылар. Кәне, келіндер, қонаққа сый жасаңдар деп. Атымды да әжем қойған екен Кадрия

деп. Кадрия қадірлі деген ұғымды білдіреді. Менің екінші атым да бар Қазына деген. Кішкентай кезімде әжемнен үйренген ноғайдың ескі жырларын көп айтатынмын.» Кадрия М. Горький атындағы Әдебиет институтын бітірген. Ол 1977 жылдан СССР Жазушылар Одағының мүшесі. 1970 жылы «Таулар даладан басталады», 1972 жылы «Жолдар» және «Жастық әуендері» және басқа кітаптары шыққан. Мәскеудің «Молодая гвардия» баспасынан 1975 жылы «Улыбка Луны» кітабы шықты. «Современник» баспасынан «Спасённые звёзды» атты өлеңдер жинағы жарық көрді.«Улыбка Луны» кітабы үшін Кадрияға ДАССР республикалық Ленин комсомолы атындағы сыйлық берілді. М.Ю. Лермонтов, В. Маяковский, Н. Хикмет, Р. Гамзатов тағы басқа ақындардың шығармаларын ноғай тіліне аударды. 1984 жылы «Современник» баспасынан «Дочь степей» кітабы шықты. Кадрия Темірболатова Дағыстан Жазушылар одағы Басқармасының мүшесі, Москвада өткен VI Бүкілодақтық Жас қаламгерлер Кеңесіне қатысушы болды. VI-шы РСФСР Жазушыларының съезіне қатысты. Дағыстанда туған ноғайдың талантты ақын қызы Кадрияның өткір де жалынды жырлары өз заманында Кеңестер Одағын аралап кетті. Танымалдылыққа ерте жетті. Кадрия поэзиясында от бар, мінез бар, ноғайдын асау қаны бар, тамыры бар, жаны бар. Оның махаббат лирикасында да қайсарлық бар. Жас талант 1978 жылы күйіп кетті. Жүрек отына емес, каскөйлердін салған отына. Өлең мен Қоғам! Талант пен тобыр! Небәрі 30 жасында қызғаныштын құрбанына айналды ма?! Әйтеуір Кадрия өлімі жұмбақ! Өмірден өткеніне 40 жыл өтсе де, не үшін өлтірді? Кім? Бұл сұрақтың жауабы табылмай келеді. Оның таланты мен сұлулығы біреулердің қызғаныш отын маздатты ма, кім білсін?! Кадрия Махачкалада пединституттың 3-курсында оқып жүргенде, оның талантын ерте таныған Расул Гамзатов Мәскеуге М.Горький атындағы Әдебиет институтына ауыстыру жөнінде хат жазады. Осылайша Кадрияның алдынан алтын қақпа ашылады. Мәскеуде ол талантымен танымалдылыққа ие болады. Оның өлеңдері орыс тіліне аударылып, үлкен басылымдарда жарық көреді. Мәскеуден кітаптары шығып, Одақ аумағына тарала бастайды. Әдебиет институтын бітірген соң оны Орталық Комитетке жұмысқа шақырады. Бірақ Кадрия «халқыммен бірге болам,

мен ноғай халқының қызымын ғой» деп, бас тартып, Дағыстанға келіп, сол жерде Дағыстан ЛКСМ-да жұмысқа орналасады. Өнер қайраткерлеріне арналып салынған үй де бұйырады. Оның ата-анасы Терекли деген жерде тұрған. Қарапайым адамдар. Әкесі – колхоз басшысы, анасы – үй шаруашылығындағы адам. Кадрия бала кезінде әжесінің тәрбиесін алған. Әжесі халық ауыз әдебиетін көп білетін және мақалдап сөйлетін кісі болыпты. Кадрияның әдебиетке құмарлығын оятқан әжесі екен. Сол 1978 жылы Гаваннада Бүкілдүниежүзілік Жастар мен студенттердің фестиваліне қатысуға Мәскеуден жолдама алады. Аталған кезең ол үшін қиын болған сияқты. Гаваннаға аттануға екі күн қалғанда ол үйінде өлі күйінде табылады. Біреулер өртеп жіберген. Ауылдан алыс жолға қыздарын шығарып салуға келген ата-анасын Дағыстан милициясы вокзалдан ұстап алып, түрмеге қамайды. Сенімсіздікпен бе, әлде шу көтермеу үшін бе? Расул Гамзатов Мәскеуге, Бас Прокуратураға Кадрия өлімін ашу жөнінде бірнеше рет хат жазған. Бірақ, нәтиже шықпаған. Кадрия аты оның жетпіс жылдығы қарсаңында айтыла бастады. Қазақ оқырмандары енді жақын танып біліп жатыр.

Кадрия 20 жасында алдына үлкен мақсат қояды. Өз халқының асыл арманын жырлау және ноғайдың атын шығару оның өмірлік кредосына айналады. Ол бір өлеңінде «Үлкен халықты кіші етер замандар, кіші халықты үлкен етер адамдар» деп жырлайды. «Көп жырлаптын жігіттерді ардақтап, Жолбарыстай жүректі деп үндедім. Көзбен сезіп, оймен көрсем салмақтап Жүректілік. Қызда екен білгенім» деген өлеңінен жіңішке қыз жолына деген өзінің өкпесі де бар екенін аңғарамыз. Қыз да болса ер ақындардан кем түспейтін ой салмағы, таланты мен білімі, адамгершілік – ұлтжандылық сипаты оны биікке көтерді. Кадрияны мен жаныма жақын тұттым. Ең алғаш оның поэзиясымен танысқанда жан әлемімдегі бір толқуды сезінгендей болдым. Ол маған бұрыннан таныс әрі өте жақын адамым сияқтанды. Оның жырлары мені сан күйге түсірді. Кадрия жырларында өз шындығын жазып кеткен. Социалистік қоғамда өмір сүрсе де, Кадрия өлеңдерінде Ленин, партия тақырыбы аз. Есесіне ноғай тарихы мен тағдырына, бүгіні мен ертеңіне мазаланған жүректің сыры көп. Жас болса да қарапайым түсінікпен, асқан бір нәзіктікпен жүректердің

қылын шертеді. Оның өлеңі – өзі, өзі – өлеңі. Қазір өзі басқа, өлеңі басқа ақындар толып жатыр. Кадрия ондай ақындардың қатарынан емес. Кадрия жырлары шынайылығымен жүректерге жетіп, поэзияның сұлулығына оқығанды таңырқатып отыр. Жаңа сөзімнің басында айттым. Оның поэзиясы жанымға жақын деп. Менің булығып айта алмай жүрген ойларымды Кадрия айтып кетіпті. Мен оның кейбір өлеңдерінен өз болмысымды көргендей болдым. Менің сағынышым, менің мұңым, менің махаббатым да Кадриямен егіз екен. Сондықтан маған Кадрияны қазақ тіліне аудару оңай әрі жақсы көріп жасаған ісім болды. Кадрия екеуміздің арамыздағы жақындықтың тамырын тереңнен іздеймін. Бір замандарда Ноғайлы дәуірінде басымыз біріккен жұрттанбыз. Асан Қайғы, Қазтуған, Шалкиіз, Доспамбет атты ортақ жырау ақын бабаларымыз бар. Еділ-Жайықтай қос өзен де – біздің ортақ ардақтымыз. Мен Кадрияны сүйем, жырын сүйем. Жырдағы биік мәдениетін сүйем. Кадрия жырлары бүгінгі заманға өте керек деп ойлаймын.

**ВЫСТУПЛЕНИЯ. ПИСЬМА.
ДОКУМЕНТЫ**

ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЯ КАДРИИ
НА ВСЕМИРНОЙ ВСТРЕЧЕ ДЕВУШЕК
В МОСКВЕ 14.10. 1975 г.

Когда мы собрались уже на Всемирную встречу девушек, я с особенной отчетливостью понимаю, что мир, что покой этой земли не держится ни на каких слонах и китах, а именно – на хрупких руках, на нежности. И вот стихотворение о матери.

АНАМ НАЪСИПЛИГЕ

Йылама, анам, йылама,
Ийнинъе колларым саламан.
Козясларынь аяма,
Бнжыдай, йыйып аламан.

Сорама, анам, сорама,
Кайсы якларда болдынъ?– деп,
Кайдай касуъвет-кайгыдан
Юрегинъ, аявлым, толды? – деп.

Ойлама, анам, ойлама,
Оъзден юрген кызыньды.
Ойлар ман, анам, солытпа
Куъзге киреген языньды...

Козгама, анам, козгама,
Коя* йыйылган юректи,
Йылаган аналар коьргенмен
Оъзинънен эректе, эректе...

Кыйнама, анам, кыйнама,
Кыйналган кысметин кызыньнынъ,

Кайсы йоллардан кайтсам да,
Капысын ашаман язынънынъ.

Йылама, анам, йылама,
Давласпа, анам, йоллар ман,
Кайда болсам да, – йыласанъ, –
Ийнинъе колларым саларман.

Йылама, анам, йылама,
Наъсипке наъсип артылсын,
Мендей кызынъ болгайлы,
Кайгы да сеннен тартынсын!

Йылама, анам, йылама,
Йылама, ваъре, йылама...

ВЫСТУПЛЕНИЕ КАДРИИ НА VI СЪЕЗДЕ ПИСАТЕЛЕЙ ДАГЕСТАНА

Стенографический отчет от 21 октября 1975 года

*Председатель Правления Союза писателей Дагестана
Р.Г. Гамзатов.*

*Кадрия – член рабочего президиума съезда, избрана в числе
15 коллег на этом съезде членом правления Союза писателей
Дагестана.*

Дорогие друзья, дорогие гости нашего съезда!

Мне представилась большая честь выступить и приветствовать сегодня вас от имени молодой литературы моей республики. На недавно прошедшем совещании молодых литераторов нашей республики председатель Союза писателей Дагестана Расул Гамзатов в своем выступлении как завет напомнил нам слова Эфенди Капиева: «Зрелость. – И никаких скидок на молодость!»! Молодые литераторы республики подхватили эти слова как лозунг, как критерий своего творческого роста.

Я, как представитель молодой литературы, имела и имею все возможности наблюдать и жить в непосредственном соприкосновении с теми процессами, которые протекают сегодня в молодой дагестанской литературе. В литературу идет новое поколение, люди нового литературного воспитания. Мы сегодня очевидцы того факта, когда рядом, с именами уже известных стране и за ее пределами писателей, зазвучали имена молодых, которые серьезно и зрело, сверяя свое творчество с пульсом времени, отдают свои произведения на суд взыскательного читателя.

Именно взрослое и серьезное отношение к литературе и творчеству выделяет сегодня многих молодых литераторов Дагестана.

Наш писательский съезд проходит накануне большого политического события страны – XXV съезда КПСС и в год празднования юбилея Победы советского народа над фашистской Германией. И сегодня, как никогда, перед нами, молодыми, стоят большие задачи воплощения в своем творчестве проблем сегодняшнего дня. Нам надо быть достойными тех, кто погиб в войну, защищая собой нас, быть достойными тех, кто не досказал, не долюбил, не допел свою песню. Сегодня, может быть, самое трудное для молодого литератора – это незамедлительный отклик на события современной жизни, так как до сих пор в литературных кругах бытует ложное мнение, якобы этот самый отклик на события – суть лобовая лозунговость, вредная литературе вообще. И может потому многие наши молодые литераторы живут «до или после событий», – как говорил еще Поль Валери.

Нам, молодым, не нужно далеко ходить за примером, в нашей республике живут и работают замечательные поэты старшего поколения, которые ни до, ни после, а именно в самом центре событий живут и творят.

Именно такими вдумчивыми и современными поэтами и писателями должна обогащаться сейчас дагестанская литература. На VI совещании молодых литераторов в Москве были отмечены молодой табасаранский поэт Айдын Ханмагомедов и аварский прозаик Багатар Гаджиев. Хорошо говорили руководители семинаров на республиканском совещании молодых о Шейит-ханум Алишевой, Атаве Атаеве, Казбек Мазаеве,

Шапи Казиеве, Алискендере Рамазанове, Андрее Миломедове и других.

О книгах молодого лезгинского писателя Расима Гаджиева и русского писателя Владимира Носова уже говорят, как об устоявшейся и проверенной литературе, способной выдержать и похвалу, и критику.

Итак, в литературу Дагестана идут голоса, уверенные в своей правоте, достойные традиции нашей литературы и берущие на свои плечи новаторский импульс эпохи.

Наш Союз писателей и Дагестанский обком комсомола проявляют постоянную заботу о нашей молодой литературе. Поэты и писатели республики – частые гости городов и селений, заводов и фабрик. По рекомендации обкома комсомола молодые литераторы часто выезжают на всесоюзные литературные мероприятия. Так, например, кумыкский поэт Багаудин Аджиев только что вернулся со Всесоюзного фестиваля молодой поэзии в Ашхабаде. Я сама недавно вернулась из длительной поездки. В Минске и Москве мне выпала честь принимать участие в работе болгаро-советского клуба творческой молодежи и на Всемирной встрече девушек представляла женскую творческую молодежь страны. Многие молодые поэты выезжают в творческую командировку по линии Союза писателей и обкома комсомола.

Во многих городах республики плодотворно работают творческие коллективы, объединяющие молодых литераторов. Такие объединения появились на Чиркее, в Избербаше. Но как-то незаметно прекратило свое существование махачкалинское творческое объединение. Эти коллективы необходимы республике для воспитания молодой творческой интеллигенции. Было бы замечательно, если бы Союз писателей и обком комсомола обратили на это особое внимание в будущем.

Кто-то из писателей сказал очень верную мысль – литературе не нужны подражатели, нужны продолжатели. В связи с этими исключительно верными, на мой взгляд, словами, хочется сказать несколько слов.

Несмотря на многие хорошие стороны, молодая литература еще может полностью освободиться от духа подражательства, клишированных формул сентиментальной лирики. Сегодняшняя жизнь страны и планеты заполнена многими событиями,

снабжающая нас огромным количеством информации, предъявляет нам особые требования. Если уж мы пришли в литературу, умножать ее традиции, обогащать своими знаниями, мы обязаны продолжать литературу, умножать ее традиции, обогащать своими знаниями.

С появления жизни на земле люди придумали много формул, но нет такой формулы, которая указала бы молодому литератору как писать, с кого писать, зачем писать. Мне думается, что это высокий долг выбора лежит на творческой совести литератора. А те литераторы, которые занимаются любительским фотографированием жизни и копированием литературных трудов своей творческой карьеры. Нам никто не поможет, надо полагаться на свою совесть.

Дорогие друзья! Я счастливый поэт, потому что с самого начала своего творчества я познала искреннее и пристальное внимание своих старших товарищей к делу, которое я делала. Я познала их одобрение и их высокую критику. И сегодня я хочу поблагодарить их за это.

И сегодня мы, молодые, с отчетливой ясностью понимаем, что мы взрослые люди и спрос с нас ведется по большому счету. Каждый взрослый человек обязан отвечать за свои поступки сам, а писатель обязан отвечать не только за себя, но и за то, что появилось по воле его фантазии и утверждено для жизни. Здесь не можно искать адвокатов. И хочется верить, что наши молодые литераторы будут писать так, что не будет стыдно смотреть в глаза и соседу и народу.

На Всемирной встрече девушек, мужественная патриотка чилийского народа Гладис Марин в беседе со мной сказала: «Я знаю Дагестан. Я знаю поэзию Расула Гамзатова. Я помню его строки, когда боль об оставленных в Чили моих детях застилает мне глаза, когда гнев против фашистской хунты сжимает мои пальцы в кулак. Передайте ему это».

Вот на такую высокую, общечеловеческую поэзию, которую помнят и качая колыбель, и сжимая в руках оружие, я хочу призвать своих сверстников. На 17-м съезде комсомола Л.И. Брежнев сказал: «Комсомольцы везде на передовых рубежах. Они всюду, где нужны пламенное сердце, пылливость ума, энергия и инициатива».

Я желаю всем литераторам, собравшимся на съезд, большой творческой жизни и комсомольского задора на долгие годы. Спасибо!

ИЗ ИНТЕРВЬЮ ЖУРНАЛУ «ОГОНЕК», 1974 г., № 6

Кадрия Темирбулатова, поэтесса:

Далеко от моего родного дагестанского аула Терекли-Мектеб до Москвы, где я только что закончила Литературный институт. Мой диплом – книга стихов, называется она «Спасенные звезды». Чего я достигла в свои двадцать пять лет? На ногайском языке вышли три моих поэтических сборника, готовится к печати в издательстве «Молодая гвардия» сборник на русском языке. Недавно меня приняли в члены Союза писателей. Мне очень повезло с переводчиками. Одна из них Татьяна Кузовлева. Мы с ней не только постоянно работаем, но и дружим. Сама я тоже занимаюсь переводом. Перевела на свой родной язык несколько стихотворений Пушкина.

– *Как сложился ваш путь в поэзию?*

– Первое мое стихотворение напечатали в местной газете, когда мне было четырнадцать лет. После окончания школы поступила в педагогический институт. Но печататься продолжала все время. Меня вызвали в Союз писателей республики и спросили, не желаю ли я учиться в Литературном институте имени Горького: «Можем тебя туда рекомендовать». Я, конечно, обрадовалась... В институте я попала к хорошему учителю. Моим наставником был Сергей Васильевич Смирнов, он очень, очень много сделал для нас, молодых.

– *Как вы связаны с комсомольской организацией Дагестана?*

– Обком комсомола у нас очень деятельный, много уделяет внимания росту творческой молодежи. Поэты, художники находят здесь всегда большую поддержку.

«АДАБИЯТ – КУЪШЛИ САВИТ¹¹³...»

Мен Терекли деген кишкей ногай авылында тувганман. Бизим авыл Дагестан тузликлерининь сырт бойында турады. Меним балалык яс заманым мунда оьтти. Школады мунда кутардым. Меним тувувым ман байланыслы тарихти булай хабарлайдылар: мен аьелде тунгыш авьлет болып тувмага керек болганнан, коьбиси «увыл тувар деп» ойлаганлар...

Ама... Яньы бала тувганын билдирген хатын: «Кырк туварынъыз хайырлы болсын!» – деп суьйинши тилеген. Бу билдируьвди эситкен эркеклер боьрклерин касларына дейим туьсиргенлер деп айтадылар. Сол шакта меним уьйкен энем орыныннан ушып турып, булай айтыпты: «Мен – тукумнынъ энъ де карт кисиси. Сьйлы тувганлар, сизге конак келди, ол аьли де зередей болса да, конаклыгы конак. Сиз кайзаманнан алып конакка сьй бермей баслагансынъыз? Белки, сизинъ койларынъыз азайган болар, конакларды сьйлагандай бир затынъыз да йок болар. Аьдем тувган, савлыгына бал аяклар коьтеринъиз! Яньы тувган кыз бала болса – баьле тувыл...» Уьйкен энем Кадрия деп, агты мага оьзи таккан, булай айтканда «Оьрметке тийисли дегени».

Ама аьли оьзимнинъ биринши сыдыраларымды кайтарып окып караган заманда мен энемди, онынъ аьлемет йырларын эм эртегилерин эм оьзимди, кувыршакларын эм ойыншыкларын дайым кайда болса сонда мутып калдыратаган кишкей кызалакты эсима аламан.

О СЕБЕ¹¹⁴

Мне 23 года. 23 года – это не начало жизни. Может быть это середина, может быть... Все может быть, но только не начало. Это время, когда уже знаешь цену многому, когда чувствуешь ответственность, которая лежит на тебе. Это время, когда знаешь, что за любое слово, за любую строку отвечаешь сам.

За эти годы мне часто приходилось писать свою биографию. Многие это делают – учатся в школе, институте, вступают в члены ВЛКСМ, дают интервью, выступают в печати... И со временем это становится как бы процедурой. А сегодня мне приходится о себе написать своим землякам, аульчанам.

Они помнят день моего рождения, помнят смуглую озорную

¹¹³ Архив Кадрии. Текст предоставлен С.У. Язлыбаевой-Темирбулатовой.

¹¹⁴ Архив Кадрии. Текст предоставлен С.У. Язлыбаевой-Темирбулатовой.

девчонку – это мое детство, радуясь и ликуя, бегало по лугам моей земли. Помнят школьницу-десятиклассницу, впервые прочитавшую им свои стихи. Мои радости и печали, мой смех и слезы начинаются здесь. Где бы я ни была, все мои дороги кончаются в моем ауле.

Дожить бы до того дня, когда хоть одна моя песня станет вам желанной и когда вы скажете хоть одно слово обо мне...

ЮРЕК АЙТСА¹¹⁵

Махачкаладынь адабият музейиннен телефон ман ногоай радиога:

Март, 1977 йыл.

– Мен аьли Москвага кетип бараятырман. Онда ВЛКСМ Центральный Комитетинде ВЛКСМ ЦК-нинь биринши секретари Е Тяжелников пан комсомол премияларынынъ яс лауреатларынынъ йолгысы боляк. Мен былтыр «Айдынъ куьлкиси» деген ятлавлар йыйынтыгы уьшин Дагестан комсомол обкомынынъ баргысына тийисли болдым. Ол мага уьйкен куьез. Ол баргы мени тагы да яхшы ислемеге давврendirди.

Солай ок былтыр мага Ташкентте Азия эм Африкадынъ яс язувшыларынынъ йолгыслырында, Дагестан, сонъ РСФСР язувшыларынынъ съездлерининъ куьлыкларында катнаспага туьсти.

Бу заманда ятлавлар язаман. Комсомолшылар акында бир поэма яздым. Махачкала книга издательствосында бу йыл меним «Хайран» деген ятлавлар йыйынтыгым шыгаяк.

Хатын-кызлар акында поэма язбага суьемен Сонынъ уьшин язда Москвадынъ туьбиндеги Переделкино авылында ислемеге керек болады.

А 1979 йылда Москвада «Кобьпирлер» деген ятлавлар йыйынтыгым орыс тилинде шыгаяк. Ол ятлавларды Яков Козловский коьширген. Янъы язган ятлавларым орыс тилге СССР Язувшылар Союзынынъ Правлениесининъ секретари поэтесса Римма Казакова коьширеди.

Узын соьздинъ кыскасы, окувшылардынъ сенимин акламага шалысаман. Шоьлим, данъклы ногоай хатын-кызларына исси салам айтынъыз

¹¹⁵ Архив Кадрии. Текст предоставлен С.У. Язлыбаевой-Темирбулатовой.

АННОТАЦИЯ К ЦИКЛУ СТИХОВ, НАПИСАННЫХ ПОСЛЕ ТАШКЕНТСКОГО ФОРУМА 1976 ГОДА¹¹⁶

Цикл лирических стихов о поездке в Узбекистан мне особенно дорог, потому что здесь я старалась затронуть темы политического характера. На это меня натолкнули многочисленные встречи в Ташкенте с писателями стран Азии и Африки, их рассказы о борьбе многих народов за свободу.

В стихах мне хотелось передать красоту моего современника, богатство его духовного мира, становление его как личности, его отношение к жизни, ко времени, к людям.

От любви к одному человеку начинается любовь к Родине, поэтому тема любви и Родины – постоянный лейтмотив многих моих стихов. Хочется верить, что эти годы не зря мне работались.

АЯВЛЫ ОКУВШЫ!¹¹⁷

Юрегим бек телезип, сени мен биринши расувга буюгуьн келдим. Энь биринши йырларымды язганнан бери хыйлы заман кетти. Аьли олардынъ бирлери, мага ярайды, бирлери ярамайды. Ама аьдем де бу дуньяга эсли болып тувьп, сонъ ясармайды. Мен де сага энь баслапкы язган асарларымды бермен. Окып кара, ызгы соьз – сеники...

Автор.

АЯВЛЫ ОКУВШЫМ!¹¹⁸

Коьп яшамаганман аьли де, хыйлы затлар коьрдим, ама коьп коьрдим деп айтпага йигерленемен – сен меннен де коьп коьрген боларсынъ. Коьрген, билген мезгиллерим авыр, тыныш, ашы, таьтли сезимлер тувдырып «ятлав яз» деп буйрык берип яздырган йырларым сенинъ алдынъда.

Мен узак тувьлман – конъысы юртта, суьйинип, кайгырып, сени мен тагы да расув излеп яшайман. Эгер мен ятлавлар сенинъ

¹¹⁶ Архив Кадрии. Текст предоставлен С.У. Язлыбаевой-Темирбулатовой.

¹¹⁷ Кадрия Темирбулатова. Тав даньылдан басланады. Кирис соьз. – Махачкала, 1971. – С. 3.

¹¹⁸ Кадрия Темирбулатова. Сокпак йолга ымтылса. Кирис соьз. – Черкесск, 1972. – С. 38.

ойларынга явап берип, коьнъилинге хош конса, сеннен йылы слбзлер эситпеге уьмитлеймен. Эгер ятлавларым неден де бир осал коьринсе, сеннен дослык маслагатынъды ялкпай куьтемен.

Автор.

* * *

Аталардан калган каьмбиллик булай дер: «Ерде инсан тувар – оьрде онынъ кысметиннинъ юлдызы январ¹¹⁹».

Ама мен тувганнан бери, манълайымнан бираз йогар, кара аспанды яркыратып эки юлдыз кысметиме тигилген – коркынышымнынъ юлдызы – биреви, баскасы – уьмитимнинъ юлдызы.

Меним коркынышымнынъ юлдызы...

Саьвле яйган тап-тазаменим суьювим, наьсиптинъ кыска вакытларында оьршиген, иркуьвге бойсынмайган меним суьйинишим. Бу суьйиништинъ ызын баса юрген меним янаврувым, секин куьлким, ялгызлыкта яным яккан ашшы-ашшы коьзяслар, эсенликке, назлыкка толган меним досларым, ясыл оьленнинъ кыска куьнин, уьндемейген тавлардынъ узак оьмирин тоьсинде туткан мага эпсиз аьзиз тувган ерим, инсаннынъ аьдиллигине инантып яшаткан оьмириме оьлшемсиз раьхимлигим, кевдеме янлай кирген аявлы атама, анама эс йойдырган меним суьювим...

Бу сезимлердинъ уьстинде соьнмейген саьвлели коркынышымнынъ юлдызы яна да яна. Мен коркаман бу затларды йоярга.

Бу коркыныштан тутанып баска юлдыз яшавыма ярык берди. Ол – уьмитимнинъ юлдызы. Мени аявлап, уьмитлентип мени, оьмиримди багыслап, эш бир заман соьнмесине сендирип яна бу юлдыз.

Бу меним оьрленген коркынышымнынъ юлдызын ваьлийлеген уьмитимнинъ юлдызы болады.

Бу юлдызлар соьнсе – соьнер меним суьювим, соьнер меним янаврувым, меним шеириятым соьнер, соьнер меним яшавым.

¹¹⁹ Кадрия Темирбулатова. Хайран. Кирис соьз. – Махачкала, 1978. – С. 4.

Письма Кадрии С. Рахмедову

Амансызба Сейдахмет-агав!

Илгериде Сизден кагыт алып, ога явап та язгандай болмадым. Сейдахмет, Сизинь ислериньиз нешик? Культура фронтында билек туьрип кайратлы куллык эте боларсыз деп билемен. Авылда не хабарлар бар? Сейдахмет, Сизден бир маслагат сорамага суюемен. Мага Литературный институттынъ биринши курсына бар деп маслагатлайдылар. Калай этеекти де билмей тураман. Бу институтта окып оьткен уьш йыл елкеди кеседи.

Аьли бир неше ятлавимды орысшагакоьширдилер. Биразын Москвага йибердик.Тезден явап алмага керекпиз. Бу иске Шахтаманов коьп кол какты. Янъыларда Расул Гамзатов Москвадан кайтты, ол да соьйтип маслагат берди.

Сизге бир-эки ятлав йиберейим, редакцияга еткерей коярсыз. Келдиханга [Кумратова. – Ред.] мен аьли де язганым йок. Калай язаяктынъ эбин таппайман. Бираз ятлав йиберсем, Сиз оьзиньиз йиберип койсанъыз да аьйип тувыл деп анълайман.

Соны ман биттим.

Яхшы саьатте калынъыз.

Кадрия.

Амансызба, Сейдахмет Копуштаевич!

Бираз кешигип калган болсам да ярайды хат пан. Сизге соьз берген салам язувым. Сейдахмет-агав, баягы хабарлардынъ ызы нешик болды? Карашайга [Карачаево-Черкесия. – Ред.] хат яздынъызба?

Кедиханга [К. Кумратовага – «Ленин йолы» газетадынъ алдынгы куллыкшысы, аьли Карашай-Шеркеш издательствосынынъ ногай боьлигининъ редакторы, ногай поэтессасы. – С. Р.] да язган болсанъыз ярай.

Меним ога да язбага заманым болмай, бир айыплы болдым-ав. Аьли сизинъ яшав аьллериньиз нешик?

Меним ислерим де яман тувыл. Бир яс пан таныс болдым, эм ол коьширмеге разылыгын берди. Аьли бир ятлав циклын бердим, коьширгенлей ок, Сизге йиберермен. Сизинъ «Дагправдага» язбага

бир уьмитинъиз бар эди ше. Аьне сонда ятлавларды да кесеклеп коспага болады (цитаталар ман). Иззет Алиевке [сол йылларда «Комсомолец Дагестана» деген газетадынъ редакторы – С. Р.] сиз яздынъызба? Соны билмегенли, ога да барып болмайман. Аткайга да [белгили кумык поэти А. Аджаматов – С. Р.] бир кирип шыкпага уьмитим бар, калай коьресиз?

Белки кумык журналында бизге бир-эки бет берерлер.

Сондай яньылыклар, калганы эски кебинде.

Аман болынъыз. Саламшы Кадрия.

Явап куьтемен.

Сейдахмет-агав!

Бир-эки яньы ятлав йиберемен, бизим редакцияга еткере койынъыз. Аь суьврет йибереме аьли заман йок, сонъ бир заман йиберермен, аьли суьвретсиз йибере койынъыз. Аварлардынъ газетасына Шахтамановтынъ кирис соьзи мен [Омаргаджи Шахтаманов – авар поэти, сол йылларда Дагестан язувшылар Союзынынъ секретари. – С. Р.] шыкты бир неше ятлавларым. Тек сосы эки ятлавды, сиздеги ятлавларды («Айтшы, атам») деген бир ягына йыксак экенмиз район газетасына. Кыста Махачкалада кенъес, а бизим каникулда районда йолыгыслар оьткермеге болады (бу культуралы шара).

Ал, яхшы саьтте калынъыз. Салам сизге Изеттен.

Кадрия.

**Письмо Кадрии редактору газеты
«Шоьллик Маягы» (Степной Маяк)
А.Д. Юсупову**

«Шоьллик маягы» гаьзетининъ
тахрири А.Д. Юсупов
9.11.1974 й.

Оьрметли Абдулла-агав!

Яньыларда оьткен Дагыстаннынъ яс язувшыларынынъ маслагатыннан сонъ язылган бир-эки оьзимнинъ пикиримди Сизге йиберемен. Бу тил акында.

Тилдинъ оьз маьнеси акында бизге, ногоай язувшыларына, коьптен соьз бардырмага керек эди, тек алгасав уьстинде, булай макала язаман десенъ де, йигеринъ бата коймайды. Белки гаьзетинъиздинъ бетлеринде баска язувшылар да оьз ойларын коьрсетер, авазыма аваз косар.

Эгер макала туурли ойлардан себеп сизинь гаьзетте баспаланмага болмаса, колязбамды, ваьре, мага йибергейсиз.

Уьйкен сый ман Сизге
шайир Кадрия.

Письмо Кадрии Ю. Мориц

Дорогая Юнна Петровна!

Я сердечно поздравляю Вас с Новым годом! Желаю Вам всех благ и еще больших творческих удач!

Что касается стихов Р. Гамзатова, то их я передала журналу «Советский Дагестан». В скором времени они увидят свет.

Переводы мне очень понравились. Мне как то неловко сказать это слово мастеру. По поводу стихов я могла бы поговорить с Вами отдельно, но я далеко от Вас. Творчество Гамзатова мне дорого, как впрочем многим и как читатель скажу Вам спасибо за переводы.

Я училась в Москве и еще тогда знала Ваши стихи и переводы. Искренне и глубоко ценю Вас, как поэта. Всегда тянулась к Вам, но какая-то робость не дала мне прийти тогда. Теперь я рада возможности оказать Вам хотя бы маленькую услугу и писать Вам. Случай благосклонно отнесся моему давнему желанию, и мне бы не хотелось прерывать наше знакомство.

Я понимаю, как Вы заняты, и все же высылаю Вам несколько своих стихов. Ваше мнение мне очень дорого и я с нетерпением буду ждать несколько строк от Вас.

Остаюсь искренне Ваша

Кадрия.

Письмо Кадрии Н. Королевой

Здравствуйте, Нина!

Я получила Ваше письмо и переводы. Переводы мне понравились. Большое спасибо.

Омар-Гаджи [Шахтаманов – Ред.] отдал мои стихи, переведенные Вами на русский язык, в местные республиканские газеты. Думаю, что в скором времени получу и другие переводы, чтобы предложить их «Смене» или другому журналу.

Я очень рада тому, что Вы согласились переводить мои стихи. Посылаю Вам несколько подстрочников. Если у Вас будет время, постарайтесь, пожалуйста, их перевести.

Спасибо Вам за Ваши добрые пожелания.

Дружески обнимаю Вас.
Кадрия.

Письма Кадрии Ш. Курмангуловой

Милая моя Шахидат!

...Наконец-то наша переписка наладилась. Привет от меня Ашиму-ага [Сикалиеву. – Ред.]. Я его совсем-совсем не знаю, и он тоже меня не знает. Наверное, будет неожиданностью для него мой привет. Поблагодари его за доброе отношение ко мне, вернее, к моим стихам.

Стихи, стихи... Они пока мои несмышленные, немножко наивные, но всегда искренние дети, и я, конечно, радуюсь, когда кто-то о них хорошо отзывается. Хотя самое реалистичное произведение женщины – это ребенок, который всегда нуждается в матери. А мои стихи не всегда нуждаются во мне. Это хорошо, но это обидно. Когда цитируют их и говорят при этом: «Вот одна поэтесса (а чаще всего говорят один поэт) написал так». Но у меня таких стихов немного, я пока самая обычная поэтесса Дагестана (не дай бог всю жизнь остаться посредственностью!).

Дорогая моя, если бы ты знала, как я хочу уехать домой, к вам. Быть с вами, смеяться, быть счастливой с вами. Москва хороша, но она, сама того не замечая, убивает много самобытного, может, нежного и искреннего в человеке. Во мне что-то убить очень сложно, я от рождения боец, но и я чувствую, как давит она на меня... Вот расписалась, скажешь...

Шахи, яным, только что закончила поэму. Назвала «*Паишман йыр*». Хотела отправить в вашу газету, но там меня, по-моему, считают еще очень неграмотной и переделывают текст до того, что кроме своего имени я ничего не могу понять. Шаблоны-то надоели. Хочется сказать новое, да не дают. Что-то надо с этим делать, а что – не знаю.

Это все я пишу тебе, родная, потому что кому-то из очень близких людей надо говорить это. Близких людей у меня очень мало, а панибратство с первым попавшим, даже очень талантливым человеком, я не люблю.

Мечтаю о днях, когда буду у вас.

О названии (книги) говорить (обсуждать) поздно, потому что она в июне появится на прилавках. Почему ты советуешь мне не торопиться? Если я не буду торопиться жить эти 10–20 лет, я же ничего не успею. Внутренне всегда надо торопиться, а то я не совсем здоровый человек, могу не успеть. Сейчас я лечусь. У меня недостаточность митрального клапана. Это так врачи говорят. А я-то знаю, что только «пустое сердце может биться ровно». Это совсем не важно, ведь моя жизнь абсолютно ничего не значит для многих. Я – как все. И очень о себе беспокоиться просто неприлично. Правда же?!

Ну, вот и все. Хотя далеко не все, Шахи! Просто поставим маленькую точку, а потом продолжим прерванный разговор.

Твоя Кадрия.

Шахидат, дорогая, здравствуй!

Сколько ж времени прошло, как ты получила мое последнее письмо! Так это было давно! Виновата, каюсь, надеюсь на твою милость, моя дорогая.

Теперь я уже почти самостоятельный человек, хотя самостоятельность вещь весьма дорогостоящая в наши дни. Много приходится работать. В таком голубом неведении я жила все эти годы, бог мой. Сейчас, когда уже прикоснулась к жизни, я поняла, что есть что.

Работы у меня навалом, но я в скором времени, после совещания молодых поэтов в Москве, наведаюсь к вам.

Только что закончила трагедию «Карайдар и Кызылгуль», собственно я поеду еще с мыслью продвинуть ее у вас, если не удастся – через ВТО [Всесоюзное театральное объединение. – Ред.]. Здесь она, вероятно, пойдет в Кумыкском театре, а может и в Русском театре. Ночью закончила книгу эссе и называется она «Когда ты меня еще не знал».

К тому же читаю Шарля Бодлера и Суюна Капаева одновременно.

В общем все. Целую тебя и твоих детей милашек.

Твоя Кадрия.

Шахи, родничок мой, привет тебе!

Получила твое письмо, очень сильно обрадовалась. Ты приглашаешь к себе, но у меня нет сейчас времени. Числа 24 июля я уже уеду в Москву. Шахиня, я очень переживаю за Фазиля

Апасовича [Абдулжалилова. – Ред.], ну, если он в больнице – все будет в порядке. Да, я хочу передать большой привет Розе Хамидовне и Софье [Хамидовне, Джанибековым – Ред.], а также Суюну Имамалиевичу [Капаеву – Ред.] и Энверу Хамидовичу [Джанибекову – Ред.]. Вообще всем тем, кого я знаю.

Из Москвы я приеду где-то 15 августа.

Бир кетпеге суймеймен, атамнынъ атынынъ туягы тиймеген, анам арба тыгырмаган алламнынъ кула шоблине казак шыгып бараятырман, Шахидатым, кудай оьзи туьзетсинтагы.

Пишу стихи. Передай Ахмату [Кубанову. – Ред.] мой большой салам и скажи, что я все же достала его стихи, прочитала, знаю наизусть и даже цитирую.

В общем все. Я очень хотела увидеть Халимат Байрамукову, но... Если есть возможность у тебя, передай ей привет и скажи, что есть маленькая девочка, которая читает ее большие, великолепные стихи. Дай бог всем поэтам здоровья и сил, мы ведь так их мало бережем...

Пиши обо всем с расчетом, чтобы я могла получить, как приеду, сразу.

Кадрия.

Письмо Кадрии подруге М. Торпиковой

Моя дорогая Маулизат, здравствуй!

Ну и ну! Это обилие восклицательных ничего серьезного не предвещает. Но мы постараемся что-нибудь организовать, как говорится – нет худа без добра. Ну вот так-то оно лучше.

Сердишься? Сердишься. Вижу тебя, мою непогрешимую Немезиду свет Муслимовну, пышущую жаром гнева. Но ведь все мы чуточку грешные. Ну поверь мне, если я тебе буду врать, будто бы у меня времени нет. Ну я же знаю, ко всему тому ты – обладательница всепрощающего, доброго сердца (ох, и везет мне с этими сердцами) и обязательно простишь свою непутевую. Ну, а не простишь, так приедешь и повесишь во поле зеленом меж двумя хоромами, как говорится в древней литературе.

Как ты там без меня-то? ...Сейчас я живу в своем неповторимом Кумли, люблюсь прелестью пейзажа и пишу стихи... Кончила цикл стихов для сборника и первую часть поэмы «Элбийке» (это название еще не утверждено). А вот о второй части не имею понятия. Это поэма о ногайской девушке. В первой части она только появляется на свет, а потом что с ней происходит – надо подумать. Это значит – не спать, а это, врачи говорят, плохо для организма. Вот так. А я

уж очень недисциплинированный человек, не хочу спать, не хочу есть – и все тут.

Понимаешь, когда я думаю о смерти Гамзата Аджигельдиева, меня трясет, я физически ощущаю утрату. Ведь этакого громадного ума лишились!

О нем я так пишу:

Обз кевденьди обз колынъа ыслап сен,
Кобз япканша, эш бир зат та айтпадынъ.
Тал шыбыктай нар бойы хатынынънын,
Добрт буьгилип эс йойганда, кайтпадынъ.
Биревге де «Наьсиплинъди» тапшырмай,
Уьйкен суьюв урлап, коьрге аькеттинъ.
Эм озинъе усаган эш калдырмай –
Неге солай эрте бизден сен кеттинъ?
Неге сенинъ сондай шебер соьзлеринъ,
Ушкын болып, от шыгармай соьндилер?
Неге сенинъ юрегинъинъ сазлары,
Занъырасып, уша алмай калдылар?
Неге, неге, неге, меним йыравым,
Дуньяга керек киси турмайды?
Неге сосы куьналердинъ коьбиси
Кереклердинъ озлеринде болады?
Дуньяга тагы да куьн тувады,
Тагы да куьн бизим шоьлге келеди,
Каьлемимди алып ойга мен туьссем,
Бу соравлар ойларымды боьледи.
.....
Неге? Неге? Неге? Неге?

**Письмо К. Темирбулатовой от
С.В. Смирнова¹²⁰**

* * *

Кадрия, прочел всю Вашу объемистую рукопись и должен откровенно признаться, – она меня обрадовала. Все здесь человечно, с высоким чувством собственного достоинства, с раскрытием души, с пристальностью взгляда, с хорошим намерением приносить людям свет и добро, теплоту и участие.

Перед взором встает образ горянки советского склада души,

¹²⁰ Поэт, руководитель творческого семинара Литинститута им. М. Горького. – Ред.

сильной и беззащитной, думающей и радующейся, скорбящей и любящей. Тут и государственные раздумья, и глубоко интимные, а собранные воедино, они звучат весомо, убедительно, впечатляюще.

Молодчина Вы и так Вам и надо!..

Рукопись велика в прежнем виде. У Вас есть возможность отбора. От этого будет лишь польза. Вглядитесь в некоторые мои заметки на полях рукописи. Подумайте над названием рукописи, обдуманно расположите стихи...

Верю, что все у Вас будет в порядке. Желаю успеха в работе.

Сергей Смирнов.

8.04. 1973 г.

Письмо из издательства «Современник»

30 августа 1974 г.

Уважаемая Кадрия Уразбаевна!

Ваша поэтическая рукопись «Спасенные звезды» рассмотрена. Основа книги, на наш взгляд, есть. Поэтому мы предложили ее включить в проект плана редакционной подготовки 1975 г. просим обязательно дополнить ее новыми крепкими стихами (строк 500).

Рукопись возвращаем на доработку. Прилагаем рецензию поэта В. Ермакова и редзакключение редактора М. Шаповалова. Надеемся, что их замечания помогут Вам в дальнейшей работе над рукописью.

С уважением,
и. о. заведующего редакцией
литератур народов РСФСР
Ю. Кузнецов.

Письмо из издательства «Современник»

18 апреля 1978 г.

Уважаемая Кадрия Уразбаевна!

Примите от нас весенний привет и наши самые добрые пожелания здоровья, счастья, неиссякаемого вдохновения.

Высылаем Вам оставшиеся от работы свободные

экземпляры стихов. Надеемся, что в скором будущем Вы порадуете нас новыми прекрасными стихами.

Желаем Вам яркого солнца на Вашем письменном столе.

С уважением,
и. о. заведующего редакцией
литератур народов РСФСР
Л. Дубаев.

Письмо М. Башовой Кадрии

Дорогая Кадрия!

Извини меня, пожалуйста, за опоздание с письмом! Но сразу после возвращения в Болгарию, мне пришлось поехать в Варну, где я сотрудничаю в театре, чтоб помочь ребятам с переводом одной пьесы с английского; и я пропустила отъезд моей подруги в Москву.

Надеюсь, что ты хорошо провела время и без нас, надеюсь также видеть тебя снова – то ли в Софии, то ли в Москве, то ли в Нью-Йорке, если придется!

Посылаю тебе мои собственные переводы.

Очень тебя прошу, пришли мне твои стихи или книжку, чтоб я тоже смогла заняться тем же самым делом!

Всего хорошего, будь счастлива,
Миряна Башова

*28 окт. 1975 г.
София, Болгария.*

Письмо М.К. Суворина¹²¹ Кадрии

Здравствуйте, глубокоуважаемая Кадрия!

С вашим творчеством я впервые познакомился несколько лет тому назад, когда прочитал ваши стихи в журнале «Дружба народов». Ваши стихи мне очень понравились. С тех пор я очень интересуюсь Вашим творчеством. Недавно с большим интересом и вниманием читал Ваши новые стихи в «Литературной России». Считаю Вас замечательной советской поэтессой, большим мастером художественного слова.

¹²¹ Читатель. – Ред.

Как давний и искренний почитатель Вашего творчества решил обратиться к Вам с большой-большой просьбой. Мне стало известно, что сейчас в издательстве «Современник» вышла Ваша книга «Спасенные звезды». Пришлите мне, пожалуйста, эту книгу с Вашим автографом. Для меня это будет исключительно большой и ценный подарок от глубокоуважаемой и любимой поэтессы, дорогой сувенир на всю жизнь. Очень прошу Вас выполнить мою просьбу. Надеюсь на Вашу чуткость и внимание.

Глубокоуважаемая Кадрия! Сердечно поздравляю Вас с Новым годом! Желаю Вам всего наилучшего, большого счастья, крепкого здоровья, долгих-долгих лет жизни и новых больших успехов в Вашем творческом труде.

С искренним уважением
фельдшер Грановской участковой больницы М. Суворин.
/Суворин Михаил Кузьмич/

*с. Гранов, Гайсинский район,
Винницкая область, Украинская ССР.
17.12.1977 г.*

**Из письма Т. Кузовлевой
Уразбаю и Насипли Темирбулатовым**

Дорогие Насипли Шеруевна и Уразбай Когиевич!

Мы с моим мужем, Владимиром Савельевым, оба переводили стихи Кадрии, оба любили ее и до сих пор очень часто вспоминаем. Не раз мы вспоминали и вас, боясь даже отдаленно представить, что вы пережили и продолжаете переживать до сих пор. Такое горе с годами не проходит.

Кадрия была красивым человеком не только внешне, но и внутренне. Видимо, кому-то помешали ее благородство и чистота. Но мы убеждены, содеявший зло обязательно расплачивается за него – рано или поздно. Так будет и с теми, кто поднял руку на Кадрию.

Кадрию не забывают многие, кто знал ее по Литературному институту. Помнят те, кто переводил ее стихи...

Я искренне желаю вам здоровья, желаю, чтобы ваша рана находила облегчение в неумирающих строках нашей Кадрии, чтобы стихи ее звучали на многих языках.

Владимир Савельев присоединяется к этим моим словам. Еще раз – будьте здоровы и всего вам самого доброго.

С сердечным поклоном –

Ваша Татьяна Кузовлева.

7 июля 1991 года.

Москва.

**Письмо Э. Баласанян
Насипли Темирбулатовой**

Здравствуйте, дорогая Насипли!

(я не знаю вашего отчества)

Спасибо большое вам за письмо, прошу извинить, что не смогла вам сразу ответить. У меня пересеклись несколько печальных событий, от которых я только прихожу в себя.

И мне очень трудно вам лишний раз напоминать о трагедии с Кадрией.

Ваше горе безгранично, вы сильная женщина. Потерять такую дочь. Вы молодец, вы все мне правильно написали.

Приближается такая тяжелая годовщина. И уже ровно год когда я ее (Кадрию) видела последний раз. Мы провожали ее на вокзал до Риги, провожали до Махачкалы и ведь прощались совсем ненадолго.

Она собиралась на Кубу. И я радовалась: хоть один знакомый будет на фестивале. И вот – не судьба ей выезд, она всегда сетовала, что ей кто-то в этом мешает.

Добрая Кадрия, по своей доброте она не могла поверить в жестокость людей. И кто-то рядом ей подстроил казнь, ведь далеким не до нас. Она, вероятно, не раз сталкивалась с ними.

Я тяжело пережила эту трагедию.

Нанести руки на такое чистое существо. Я любила Кадрию за искренность, правдивость, детскую непосредственность, порядочность.

Огромное жизнелюбие, мужская энергия, веселость нрава пронизывали ее. Звонкий голос, как приятный колокольчик, смех и такое желание самоутверждения себя в жизни.

Такое желание жить!!!

Дай бог, чтобы больше горе не коснулось вашей семьи.

Надумаете приехать в Москву, приезжайте, буду рада. А может, Сонечке [Софье – сестре Кадрии – Ред.] и нужно какой-то период пожить в Москве, отвлечься.

У меня теперь все нормально. Живем спокойно, хорошо, тихо.

Работа, дом. Может несколько скучно, но мне так лучше.

Эдана Эдуардовна Баласанян

Диплом Кадрии об окончании Литературного института им. А.М. Горького СП СССР (1974 г.).

Членский билет Союза писателей ДАССР (1974 г.).

Членский билет Союза писателей СССР (1975 г.).

Терекли-Мектебский сельский Совет народных депутатов Ногайского района ДАССР.

Исполнительный комитет

П Р О Т О К О Л

№ 12

село Терекли-Мектеб
16 декабря 1988г.

Председательствовала тов. Мурзаева З.К.

Секретарь - Абубекерова Г.Я.

Присутствовали члены исполкома - Амманбетов С.А.

- Кульчибаев О.А.

- Арсланов З.Н.

- Мехеева У.К.

Сейдиботалов Е.А.

Приглашенные по вопросам - Аракчиева Х.К. - директор школы

- Суридиков Д.С. - депутат

- Вошантавова А.В. - зав. детсада

- Абубекеров Н. - участковый инспектор

П О В Е С Т К А Д Н Я

53. О работе участкового инспектора, опорного пункта и ДНД.

54. О выделении земельного участка под индивидуальное строительство жилых домов.

55. О рассмотрении ходатайства профкома средней школы села Терекли-Мектеб.

56. О переименовании улицы Коммунистической именем Кадрии 12/ХП-88г. Темирбулатовой.

57. О выделении земельных участков кооперативу "Лидер" под строительство жилых домов для индивидуальных хозяйств.

1. С Л У Ш А Л И: тов. Суридиков Д. - депутат избирательного № 31

С апреля 1988 года участковым работает тов. Абубекеров

Постановление Терекли-Мектебского сельского
Совета депутатов Ногайского района ДАССР
«О присвоении имени Кадрии улице в
а. Терекли-Мектеб» № 12 от 16.12.1988 г.
МКУ «Ногайский Районный Архив» Администрации МР
«Ногайский район» РД. - 1 стр.

СОВЕТ МИНИСТРОВ - ПРАВИТЕЛЬСТВО
РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН
ПОСТАНОВЛЕНИЕ

от 7 сентября 1993 г. № 196

г. Махачкала

Об увековечении памяти К.У.Темирбулатовой

В целях увековечения памяти поэтессы Кадрии Уразбаевны Темирбулатовой Совет Министров - Правительство Республики Дагестан постановляет:

Присвоить Терекли-Мектебской неполной средней школе Ногайского района имя К.У.Темирбулатовой и впредь именовать ее Терекли-Мектебская неполная средняя школа имени К.У.Темирбулатовой.

Председатель
Совета Министров - Правительства
Республики Дагестан А.Мирзабеков

Руководитель
Аппарата Правительства - Управляющий Делами
Совета Министров Республики Дагестан А.Атаев

h. b. a. y

А. Атаев

24.09.93

А. Атаев

Постановление Совета Министров – Правительства
Республики Дагестан «Об увековечивании
памяти К.У. Темирбулатовой» № 196 от 7.09.1993 г.
ГКУ «Центральный государственный архив
Республики Дагестан».
Ф. № 168. Оп. № 74. Д. № 175. Л. 129.

РЕСПУБЛИКА ДАГЕСТАН
НОГАЙСКИЙ РАЙОН
МУНИЦИПАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ
СЕЛЬСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ «СЕЛО ТЕРЕКЛИ - МЕКТЕБ»

368850, РД, Ногайский район, с.Терекли-Мектеб, ул.Карла-Маркса д.38, тел. 21-4-27, E-mail: mosperekli@mail.ru

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

от «18» сентября 2018г.

№ 109/1

**«Об установке мемориальной доски
К.У.Темирбулатовой»**

В связи с 70-летним юбилеем и в целях увековечения памяти выдающейся Ногайской писательницы и поэтессы Кадрии Уразбаевны Темирбулатовой

ПОСТАНОВЛЯЮ:

1. Установить в с.Терекли-Мектеб по улице Кадрии, д.№22 мемориальную доску с текстом следующего содержания: «В этом доме с 1948г. по 1978г. жила поэт Кадрия Уразбаевна Темирбулатова».
2. Обязанности по обеспечению сохранности и надлежащего содержания мемориальной доски несет партнерство.
3. Администрации МО СП «село Терекли-Мектеб» Ногайского района РД совместно с партнерством организовать и провести церемонию торжественного открытия мемориальной доски.
4. Осуществить контроль за изготовлением и установкой мемориальной доски оставляю за собой.

Глава администрации МО СП
«село Терекли-Мектеб»

Аджибайрамов З.К.

Постановление Муниципального образования
сельского поселения «Село Терекли-Мектеб»
«Об установке мемориальной доски К.У. Темирбулатовой»
по ул. Кадрии,
№ 22 от 18.09.2018 г., № 109/1.

Российская Федерация
Республика Дагестан
МУНИЦИПАЛЬНОЕ КАЗЕННОЕ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
«ТЕРЕКЛИ-МЕКТЕБСКАЯ СРЕДНЯЯ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ШКОЛА ИМЕНИ КАДРИИ»
368850, РД, Ногайский р-н с. Терекли-Мектеб ул. Карла Маркса ИНН 0525005880 КПП 052501001 ОГРН
102050144391

Приказ № 84

от 17.04.2016 г.

с. Терекли-Мектеб

«О создании школьного музея Кадрии Темирбулатовой»

В целях развития интереса и углубления знаний по родной и дагестанской литературе, а также развития духовно-нравственных чувств и убеждений, уважения к опыту предшествующих поколений и увековечивания памяти ногайской поэтессы Кадрии Темирбулатовой. На основании педагогического совета школы (протокол №3 от 11.06.2016).

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Создать в МКОУ «Терекли-Мектебская СОШ им. Кадрии» музей литературной направленности с 23.04.2016;
2. Назначить директором музея учителя русского языка и литературы Мусаурову Медину Аджибатировну.
3. Выделить для размещения музейной экспозиции кабинет №8.
4. Утвердить Положение о школьном музее (Приложение №1).
5. Утвердить должностную инструкцию руководителя музея (Приложение №2);
6. Директору музея Мусауровой М.А. разработать концепцию экспозиции музея, Устав музея и план работы школьного музея.
7. Ответственность за сохранность музейных экспонатов возложить на руководителя музея Мусаурову М.А.
8. Контроль за исполнением приказа оставляю за собой.

Директор школы

Мусаурова А.А./

Постановление об открытии музея Кадрии Темирбулатовой № 84
от 17.04.2016 г.
МКОУ «Терекли-Мектебская средняя общеобразовательная
школа им. Кадрии».

Санкт-Петербургская Академия русской словесности и
изящных искусств им. Г. Р. Державина

г. Санкт-Петербург, 15-я линия Васильевского острова, д. 32
тел. 8 921 908 9716, 8 921 4417584 seu224@mail.ru

05.09.2018 № 35

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА

Заседания Президиума Санкт-Петербургской Академии русской
словесности и изящных искусств им. Г. Р. Державина

ПРИСУТСТВОВАЛИ на заседании Президиума 4 чел.

СЛУШАЛИ президента Академии Е.П. Раевского.

Одной из задач Академии является увековечивание памяти ушедших из жизни писателей, поэтов. В связи с этим поручить действительному члену, профессору Санкт-Петербургской Академии русской словесности и изящных искусств им. Г.Р. Державина, члену наградной комиссии Вере Ивановне Львовой изыскать средства по выпуску орденового знака «Кадрия» за заслуги в области литературы, культуры и искусства.

Орденовый знак «Кадрия» относится к категории общественных наград. Согласно Положению, основанием для награждения орденом знаком являются люди искусства, деятели культуры, учителя, библиотекари, внесшие свой неоценимый вклад в дело образования, просвещения, культуры.

ПОСТАНОВИЛИ:

Поручить действительному члену, профессору Санкт-Петербургской Академии русской словесности и изящных искусств им. Г.Р. Державина, члену наградной комиссии Вере Ивановне Львовой изыскать средства по выпуску орденового знака «Кадрия» за заслуги в области литературы, культуры и искусства, а также от имени Академии по своему усмотрению награждать творческих людей.

Президент Санкт-Петербургской Академии

русской словесности и изящных

искусств им. Г.Р. Державина

Е. П. РАЕВСКИЙ

Постановление Президиума Санкт-Петербургской Академии
русской словесности и изящных искусств им. Г.Р. Державина
«Об учреждении Орденского знака «Кадрия»,
протокол № 35 от 5.09.2018 г.

KARAR TARİHİ: 07.10.2019

BELEDİYE BAŞKANI: Ali Murat ŞİLPAGAR
TOPLANTIDA MEVCUT MECLİS ÜYELERİ: Murat ELGİN, Hasan ÖZDEMİR, Erdal KALSIN, Ayşe ERTUNA, Fatih YILMAZ, Nadir BAHADIR, Mitat ERSOY, Hamit AKBULAK, Cenap ALTINÖZ, Canan ENGİN EKE, Abdurrahman TUTUĞ, Savaş KAŞIKÇI, Devlet Giray SÜYÜNÇ, Reşat MENGÜVERDİ, Murat BEKTAŞ
TOPLANTIDA BULUNMAYANLAR:

5393 sayılı Belediye Kanununun 20. maddesi gereğince Belediye Meclisi 07.10.2019 Pazartesi günü saat: 14.00'de Belediye Başkanı Ali Murat ŞİLPAGAR'ın başkanlığında Belediye Meclis Salonunda toplandı. 2019 Ekim Ayı Olağan Toplantısına başlanıldı.

KARAR NO: 81

TEKLİFİN ÖZÜ: Gündemimizin sekizinci maddesi olan Zabıta Müdürlüğü'nün 02.10.2019 tarih ve 79898461-301.01-489 sayılı teklifi gereği; " Nogay Şair Kadriya TEMİRBULATOVA " isminin cadde ismi olarak verilmesi konusunun görüşülmesi.

VERİLEN KARAR: 27.09.2019 tarih ve 8876 kayıt nolu dilekçeye istinaden; Nogay Türklerinin son yüzyılda yetiştirdiği en önemli şairlerden biri olan Kadriya TEMİRBULATOVA isminin ilçemizde yaşatılması düşüncesiyle; İlçemiz, Sahil Mahallesi ile Sitel Mahallesi birbirinden ayrıran Gacık Deresinin doğu (Izmit) tarafında kalan ve Yalova-Izmit Karayolundan denize kadar uzanan 7 metre genişliğindeki yola "**Nogay Şair Kadriya TEMİRBULATOVA Caddesi** " isminin verilmesine, oybirliği ile karar verildi.

Ali Murat ŞİLPAGAR
Meclis Başkanı
Belediye Başkanı

Erdal KALSIN
Katip Üye
Meclis Üyesi

Fatih YILMAZ
Katip Üye
Meclis Üyesi

Karar Tarihi: 07.10.2019
Tespit Alındığı Tarih: 14.10.2019
Kayıt Numarası: 148

Постановление муниципалитета г. Ялова (Турция)
Karar NO: 81. 2.10.2019 г. о наименовании проспекта,
соединяющего трассу Ялова – Измит и морскую набережную
«Проспект ногайской поэтессы Кадрии Темирбулатовой»,
за регистрационным № 8876.

РЕСПУБЛИКА ДАГЕСТАН
МУНИЦИПАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ
«СЕЛЬСОВЕТ КОКТЮБИНСКИЙ»
НОГАЙСКОГО РАЙОНА
СОБРАНИЕ ДЕПУТАТОВ СЕЛЬСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ

Индекс:368857, Республика Дагестан, Ногайский район, село Нариман

РЕШЕНИЕ № 124

29-ой сессии III-го созыва депутатов сельского собрания
муниципального образования сельского поселения «Сельсовет "Коктюбинский"»

03.07.2020 г.

с. Нариман

**«О присвоении парку культуры и отдыха села Нариман
имени ногайской поэтессы Кадрии Темирбулатовой»**

Рассмотрев ходатайство коллектива МКОУ «Нариманская СОШ им. А.Б. Асанова», жителей с. Нариман о присвоении парку культуры и отдыха имени ногайской поэтессы Кадрии Темирбулатовой и руководствуясь Федеральным законом от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», Уставом муниципального образования сельского поселения «Сельсовет "Коктюбинский"», Собрание депутатов муниципального образования сельского поселения «Сельсовет "Коктюбинский"» **решает:**

1. Присвоить парку культуры и отдыха, расположенному в с. Нариман по адресу ул. Джанибекова, 19/4, имя ногайской поэтессы Кадрии Темирбулатовой.
2. Настоящее решение вступает в силу со дня его официального обнародования, подлежит размещению на официальном сайте администрации сельского поселения «Сельсовет "Коктюбинский"».
3. Контроль за исполнением настоящего решения оставляю за собой.

Председатель сельского Собрания
И.М.М. Сулейманов «Сельсовет "Коктюбинский"»

 З.Б. Суяндиков

Постановление «О присвоении парку культуры и отдыха
имени ногайской поэтессы Кадрии Темирбулатовой»
№ 124 от 03.07.2020 г. 2-ой сессии III-го созыва депутатов
собрания муниципального образования сельского поселения
«Сельсовет Коктюбинский».

СОДЕРЖАНИЕ

Н.Х. Суюнова. КАДРИЯ ТЕМИРБУЛАТОВА В ИСТОРИИ НОГАЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XX ВЕКА

<i>I. НОГАЙСКАЯ ПОЭЗИЯ 60–70-Х ГОДОВ XX ВЕКА</i>	
<i>Время и пространство в творчестве Кадрии .....</i>	<i>6</i>
<i>II. «НЕТ, НЕ ЗРЯ МНЕ ПОСЛАН БОЖИЙ ДАР...»</i>	
<i>Поэт и поэзия в творчестве Кадрии .....</i>	<i>38</i>
<i>III. «КАК МНОГО НУЖНО РАССКАЗАТЬ О ТЕБЕ ЛЮДЯМ, МОЙ НОГАЙ!»</i>	
<i>Неизвестные страницы творчества Кадрии .....</i>	<i>55</i>
ХРОНИКА ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА КАДРИИ	79
БИБЛИОГРАФИЯ ТВОРЧЕСТВА КАДРИИ	91
ПОСВЯЩЕНИЯ. ВОСПОМИНАНИЯ О КАДРИИ	
<i>ПОСВЯЩЕНИЯ КАДРИИ</i>	
<i>Расул Гамзатов. Кадрия .....</i>	<i>104</i>
<i>Юнна Мориц. «Над волнами каспийской пучины...» .....</i>	<i>105</i>
<i>Аткай. Къадриягъа .....</i>	<i>106</i>
<i>Шейит-Ханум Алишева. Къадриям .....</i>	<i>107</i>
<i>Келдихан Кумратова. Ногай шоьлдинъ юрегиндей .....</i>	<i>107</i>
<i> Как сердце ногойской степи .....</i>	<i>108</i>
<i>Сражди́н Батыров. Йолыгысув .....</i>	<i>109</i>
<i>Фарида Сидрахметова. Саз. Кадриядынь эстелигине .....</i>	<i>110</i>
<i> Кадрияга .....</i>	<i>111</i>
<i> Карлар ирип, куьн язылган .....</i>	<i>111</i>
<i>Зухра Булгарова. Шоьл. Коьк Елли. Кадрия .....</i>	<i>112</i>
<i>Салимет Майлыбаева. Сен бизи мен, Кадрия! .....</i>	<i>113</i>
<i>Эльмира Кожяева. Кадрия .....</i>	<i>114</i>
<i>Явгарет Дилманбетова. Шоьлдинъ сазы .....</i>	<i>116</i>
<i>Лариса Абдуллина. Маковое поле .....</i>	<i>116</i>
<i>Светқали Нұржан. «Құсжолы». Өрт-желкенді ақ кеме .....</i>	<i>117</i>

ВОСПОМИНАНИЯ О КАДРИИ

Расул Гамзатов.....	119
Кайсын Кулиев	120
Татьяна Кузовлева	121
Казбек Султанов.....	123
Бийке Кулунчакова.....	124
Иса Капаев	125
Сейдахмет Рахмедов.....	126
Кошмамбет Зарманбетов	127
Фаина Графченко.....	128
Шейит-Ханум Алишева.....	129
Тагир Акманбетов	129
Анварбек Култаев.....	130
Магомет Кожаев	131
Нарбийке Муталлапова	132
Лариса Абдуллина.....	134
<i>София Язлыбаева-Темирбулатова. Воспоминания о сестре.....</i>	<i>137</i>
<i>Альмира Аджигайтканова. Воспоминания о подруге .....</i>	<i>145</i>

РЕЦЕНЗИИ. ОЧЕРКИ. СТАТЬИ

РЕЦЕНЗИИ

<i>Шевелева И. О книге Кадрии «Улыбка Луны».....</i>	<i>152</i>
<i>Ермаков В. Из рецензии на рукопись сборника Кадрии «Спасенные звезды» .....</i>	<i>153</i>
<i>Павлов В. Взгляд на дорогу. Рецензия на книгу Кадрии «Улыбка Луны» .....</i>	<i>157</i>

ОЧЕРКИ

<i>Вадим Дементьев. Жизнь – то радость, то боль .....</i>	<i>159</i>
<i>Лариса Катаева. Ее спасенные звезды .....</i>	<i>173</i>
<i>Ольга Дмитриева. Песня голубых гор.....</i>	<i>176</i>
<i>Шахидат Курмангулова. Не погаснет звезда Кадрии .....</i>	<i>179</i>
<i>Шейит-Ханум Алишева. Кадрия и блеск молнии .....</i>	<i>184</i>
<i>Мурат Аvezов. Блеск молнии и росчерк пера .....</i>	<i>188</i>
<i>Багаутдин Салихов. Кадрия.....</i>	<i>193</i>

СТАТЬИ

<i>К.Б. Оразбаев.</i> О поэзии Кадрии	198
<i>Н.Х. Сулюнова.</i> «Йок, босына берилмеген мага илхам...»	200
<i>Ф.А. Кусегенова.</i> Фольклорные истоки творчества Кадрии.....	206
<i>А.М. Султанмурадов.</i> Ногайская тема в кумыкской литературе ...	218
<i>М.М. Накохов.</i> Наследница вольной степи	225
<i>Ю.И. Каракаев.</i> Оьмирлерге – яс	230
<i>Маржан Еришу.</i> Поэзия- жүректердің елшісі	232

ВЫСТУПЛЕНИЯ. ПИСЬМА. ДОКУМЕНТЫ

ГОВОРИТ КАДРИЯ

Из выступления на Всемирной встрече девушек в Москве 14.10. 1975 г	238
Выступление на VI съезде писателей Дагестана (Стенографический отчет от 21.10. 1975 г.).....	239
Из интервью журналу «Огонек», 1974 г., № 6.....	243
«Адабият – куьшли савыт»	244
О себе	244
«Юрек айтса...»	245
Аннотация к циклу стихов по итогам Ташкентского форума 1976 г	246
К сборнику «Тав данъылдан басланады» (1971 г.)	246
К сборнику «Сокпак йолга ымтылса» (1972 г.).....	246
<i>Кадрия.</i> От автора. К сборнику «Хайран» (1978 г.).....	247

ПИСЬМА

Письма Кадрии С. Рахмедову	248
Письмо Кадрии А.Д. Юсупову	249
Письмо Кадрии Ю. Мориц.....	250
Письмо Кадрии Н. Королевой.....	250
Письма Кадрии Ш. Курмангуловой.....	251
Письмо Кадрии М. Торпиковой.....	253
Письмо С.В. Смирнова Кадрии	254

Письма из издательства «Современник»	255
Письмо М. Башовой Кадрии	256
Письмо М.К. Суворина Кадрии	256
Письмо Т.В. Кузовлевой родителям Кадрии	257
Письмо Э. Баласанян родителям Кадрии	258

ДОКУМЕНТЫ (ФОТОКОПИИ)

ДИПЛОМ Кадрии об окончании Литинститута им. Горького СП СССР (1974 г.)	259
ЧЛЕНСКИЙ БИЛЕТ Союза писателей ДАССР (1974 г.)	259
ЧЛЕНСКИЙ БИЛЕТ Союза писателей СССР (1975 г.)	259
ПОСТАНОВЛЕНИЕ «О присвоении имени Кадрии улице в а. Терекли-Мектеб РД»	261
ПОСТАНОВЛЕНИЕ СМ и Правительства РД «Об увековечивании памяти К.У. Темирбулатовой»	262
ПОСТАНОВЛЕНИЕ «Об установке мемориальной доски К. У. Темирбулатовой»	263
ПОСТАНОВЛЕНИЕ «Об открытии музея Кадрии Темирбулатовой № 84 от 17.04.2016 г. МКОУ «Терекли-Мектебская средняя общеобразовательная школа им. Кадрии»	264
ПОСТАНОВЛЕНИЕ Санкт-Петербургской Академии изящных искусств им. Г. Державина «Об учреждении Орденского знака «Кадрия»	265
ПОСТАНОВЛЕНИЕ муниципалитета г. Ялова (Турция) «Перспектив нагайской поэтессы Кадрии Темирбулатовой», за регистрационним № 8876	266
ПОСТАНОВЛЕНИЕ «О присвоении Парку культуры и отдыха имени нагайской поэтессы Кадрии Темирбулатовой № 124 т 03.07.2020 г. 2-ой сессии III-го созыва депутатов собрания МО сельского поселения «Сельсовет Коктюбинский»	267

Научное издание

КАДРИЯ

Том 3

Очерки творчества. Воспоминания. Документы

Утверждено к печати

Ученым советом

Института языка, литературы

и искусства им. Г. Цадасы ДФИЦ РАН

и Ученым советом

Карачаево-Черкесского института

гуманитарных исследований при Правительстве КЧР

В издании использованы фотографии В. Уразакаева, К. Чутуева, а также фотоматериалы, взятые из открытых источников.

Художественное оформление издания осуществлено с использованием материала книги И. Мусакаева «Войлок. Ногайский народный орнамент» (Махачкала, 2019).

Дизайн и верстка – Х.М. Курахова

Подписано в печать 09.11.2021 г.

Гарнитура «Times New Roman».

Формат 60х90 ¹/₁₆. Печать офсетная.

Усл. п. л. 19. Тираж 1000 экз.

Заказ № ____

ООО «Издательский дом “Эпоха”»

367000 Республика Дагестан

г. Махачкала, ул. Батырая, дом 11, офис №437.

Тел.: +7(988)293-24-12

www.epokha.ru

E-mail: zakaz-epokha@mail.ru

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в АО «Первая Образцовая типография»,
филиала «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, Россия, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14.